ISSN 2658-7920

ВЕСИ

№ 9, 2020

ВЕСИ

№ 9 (167)` 2020
ноябрь

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ,
ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

75 лет Победе в Великой Отечественной войне

*К 100-летию Службы внешней разведки России
и 300-летию Российской академии наук*

СОДЕРЖАНИЕ

*Советским разведчикам и контрразведчикам
посвящается*

УЧРЕДИТЕЛИ:

Администрация
Восточного управленческого округа
Правительства Свердловской области
(623850, Свердловская
область, г. Ирбит, ул. Елизарьевых, 23)

Учреждение культуры
«Банк культурной информации»
(620100, г. Екатеринбург,
п/о 100, а/я 51).

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР Т.Е.Богина

ИЗДАТЕЛЬ И РЕДАКЦИЯ:
Учреждение культуры
«Банк культурной
информации»

АДРЕС ИЗДАТЕЛЯ И РЕДАКЦИИ:
620100, г. Екатеринбург,
п/о 100, а/я 51
сайт: www.ukbki.ru
e-mail: ukbkin@gmail.com

Зарегистрирован Управлением Федеральной службы по надзору за
соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций
и охране культурного наследия по Уральскому федеральному округу
1 апреля 2005 года, ПИ № ФС11-0139.

Выпущено в свет 30.11.2020 г.

Отпечатано в АО «ИПП «Уральский рабочий». 620990, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.

Заказ № 1154. Тираж 2500 экз. Цена свободная.

По вопросам подписки обращаться в филиалы Урал-Пресс.
Журнал «ВЕСИ» в каталоге Урал-Пресс 2021 для всех регионов России под № ВН099788
Контакты филиалов Урал-Пресс на сайте http://www.ural-press.ru/
Зарубежным подписчикам обращаться в филиал Урал-Пресс в Москве:
+7(495)961-23-62 общий или Отдел Оптовых продаж.
Сотрудничество с зарубежными подписчиками:
Кудрявцева Елена +7(495)961-23-62 доб. 3777 kudr@ural-press.ru.

Журнал удостоен медалей

Российской Генеалогической Федерации «За вкладъ въ развитіе генеалогіи и прочихъ спеціальныхъ историческихъ дисциплинъ» 2-й степени

имени Н.К.Чупина

имени Л.К.Татьяничевой

Журнал награжден почетными знаками

Российской академии естественных наук «Звезда успеха»

Союза старателей России «Заслуженный старатель России»

Выпуск журнала осуществлен при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям.

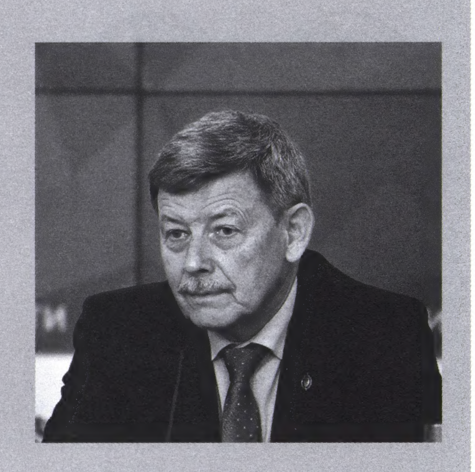

РБА

Издается под патронатом Всемирной федерации ассоциаций, центров и клубов ЮНЕСКО, Федерального агентства по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству, Российской библиотечной ассоциации и Российского представительства TICCIH.

Международный Комитет по Сохранению Индустриального Наследия. Российское представительство.

Александр БОНДАРЕНКО

Русский военный писатель, полковник. Член Союза ветеранов госбезопасности, Союза писателей России и Союза журналистов России, член редколлегии газеты «Красная звезда». Автор книг серии ЖЗЛ «Юрий Дроздов», «Алексей Ботян», «Герои СМЕРШ», «Милорадович», «Денис Давыдов» и ряда других; автор романа «Записки черного гусара», сборников «Юные герои Отечества», «Кавалергарда век недолог», «Утаенные страницы советской истории» (кн. 1–2) и проч., а также автор-составитель серии книг «Полки Русской армии» – в этом году в серии вышли 11-я и 12-я книги «Гвардейские казаки» и «Лейб-гренадеры». Лауреат литературных премий СВР (дважды), им. Александра Невского, «Щит и меч Отечества», «Имперская культура», премии журнала «Крокодил» и ряда других. г. Москва.

ВОЙНА ЛЕЙТЕНАНТА ДРОЗДОВА

Александр Бондаренко закончил работу над очередной своей книгой для серии «Жизнь замечательных людей», выпускаемой издательством «Молодая гвардия» – «Юрий Дроздов».

Генерал-майор Юрий Иванович Дроздов (1925–2017) вошел в историю прежде всего как руководитель нелегальной разведки – легендарного и таинственного Управления «С» Первого главного управления КГБ СССР. До этого он был резидентом советской разведки в Пекине и Нью-Йорке, участвовал в проведении ряда очень серьезных оперативных мероприятий. А перед тем была война – и наш рассказ о военной судьбе легендарного разведчика. В 1944 году Дроздов окончил краткосрочный курс обучения в 1-м Ленинградском артиллерийском командном училище им. Красного Октября, находившемся в эвакуации в городе Энгельсе.

По окончании обучения Юрию предложили продолжать службу в «родных стенах» – здесь же, в училище, командиром курсантского взвода. Из этого можно понять, что отучился он весьма успешно, потому как «посредственным» выпускникам таких предложений не делают. К тому же, судя по имеющейся фотографии, в училище Дроздов заслужил сержантские лычки, хотя нигде о том не написано, так что, очевидно, командовал отделением курсантов.

Есть версия, которая проходит в различных публикациях (вообще, всяких версий по тем или иным пунктам биографии Юрия Ивановича немало, что не удивительно – замечательную личность нередко пытаются еще более «улучшить»), что Дроздов, окончивший училище с отличием, получил право выбора вида артиллерии. Разумный человек в такой ситуации выбрал бы артиллерию дальнобойную – корпусную или Резерва Верховного Главнокомандования, то есть ту, что находится на порядочном удалении от линии фронта. Но он, как рассказывают, попросился в противотанковую артиллерию. На самый что ни на есть передний край – недаром же про «противотанкистов» говорили: «Ствол длинный, а жизнь короткая». Почему так? Объясняем. Если расчету удавалось заранее хорошо замаскировать орудие, что получалось далеко не всегда, потому как нередко приходилось разворачиваться прямо под носом у наступающего противника, то артиллеристы получали «фору» в несколько неожиданных выстрелов, после чего пушка все равно превращалась в прекрасную мишень. Впрочем, танк мог раздавить эту «мишень» и гусеницами. В любом случае, артиллерийский расчет не имел никакой защиты – разве что щиток орудия мог прикрыть наводчика от автоматных пуль и шальных осколков, не более.

Однако сам Юрий Иванович не писал, что он чего-то по выпуску выбирал: только отказался остаться в училище и обрадовался назначению «командиром взвода в противотанковом артиллерийском дивизионе одной из гвардейских дивизий 1-го Белорусского. Мною двигало желание бороться и быть вместе с уходившими на фронт друзьями детства. Я понимал, что могу и погибнуть...»

Хотя на самом-то деле младший лейтенант Дроздов был направлен из училища не в какое-то конкретное подразделение, и

даже не на определенную по категории должность, а, скорее всего, «в распоряжение», как указывалось в предписании, командующего артиллерией 1-го Белорусского фронта, оттуда его переадресовали куда-то «пониже», и уже затем – в распоряжение начальника артиллерии 52-й гвардейской стрелковой Рижской ордена Ленина и ордена Суворова дивизии. Кстати, там-то, на месте, он уже мог что-то выбирать – но вряд ли младшему лейтенанту реальный выбор предлагался. Там, из вежливости, могли спросить о пожеланиях, но направили туда, где были нужны люди. Таким образом он получил назначение командиром огневого взвода 57-го отдельного гвардейского истребительного противотанкового дивизиона. Взвод – две противотанковых пушки. Как рассказывал потом Юрий Иванович, это были 76-мм орудия ЗИС-3, образца 1942 года...

В часть он прибыл 15 января 1945 года, и с этого дня исчисляется срок его, как это звучит официально, «пребывания на фронтах Великой Отечественной войны» – реальная боевая выслуга.

Есть, опять-таки, версия, – приходилось где-то читать, что Юрий принимал участие во взятии Варшавы, которая пала через день после его прибытия, 17 января. Подобное утверждение не выдерживает никакой критики, ибо 52-я гвардейская дивизия в штурме столицы Польши не участвовала. Да если бы и участвовала, то кто бы прямо «с колес» отправил в бой только что прибывшего младшего лейтенанта? Это же не 41-й, когда ему могли дать те самые два орудия и напутствовать: «Вот твой рубеж! Противник через него пройти не должен. Стой здесь и умри!» И встал бы, и стоял – до последнего снаряда, до самой смерти. Но в 45-м никто бы не стал рисковать ни необстрелянным «мамлеем», как в войсках иронично называли младших лейтенантов, ни, тем более, двумя противотанковыми пушками.

Сержант Ю.Дроздов. *1944 г.*

Зато впереди у 52-й гвардейской дивизии и лично у гвардии младшего лейтенанта Дроздова были иные бои, причем, гораздо более тяжелые, потому как сопротивление гитлеровцев постоянно нарастало. Недаром поется в известной песне: «Последний бой – он трудный самый». К этому последнему бою следовало готовиться самым тщательным образом, и так получилось, что Юрию вновь пришлось учиться, а не воевать, как он совсем уже было собрался...

Генерал-лейтенант Георгий Гаврилович Семёнов, бывший в годы войны начальником оперативного отдела 3-й Ударной армии, писал в своих мемуарах «Наступает Ударная»: «Третью ударную вывели в резерв фронта... 23-я и 52-я стрелковые дивизии 12-го гвардейского корпуса заняли оборону по восточному берегу Одера на участке протяженностью 30 километров: от Нидер-Кренина до Альт-Рюдница. Все остальные соединения находились в тылу, приводили себя в порядок после боев в Померании, принимали пополнение, занимались боевой учебой.

Активных действий армия пока не вела. Штабные офицеры, разумеется, пытались определить наши перспективы, предусмотреть дальнейший ход событий. Если нам прикажут наступать строго на запад, то армия, форсировав Одер, пройдет значительно севернее Берлина. Некоторые товарищи вздыхали: жаль, мол, что не придется самим громить фашистское логово.

Как бы ни развивались события, дальнейший наш путь вперед лежал через Одер, левый берег которого находился в руках противника. А опыта форсирования крупных водных преград дивизии нашей армии не имели.

Учить войска преодолевать водные преграды при помощи табельных и подручных средств – на этом было сосредоточено основное внимание всех командиров и инженерных начальников. При обучении использовалось всё, что могло держаться на воде, вплоть до бревен и досок.

Занятия по форсированию водных преград проводились на ближайших озерах, как правило, в сумерках или на рассвете.

Одновременно командиры соединений и частей, штабы и политорганы уделяли большое внимание тактической подготовке войск. С каждой ротой было проведено по два-три тактических учения. На батальонных учениях с боевой стрельбой отрабатывались вопросы взаимодействия подразделений между собой и с родами войск, а также формы и способы ведения боев в населенном пункте и в ночных условиях. Командиры полков, офицеры штабов и политработники большую часть времени проводили в подразделениях, обучая солдат, сержантов и младших офицеров».

Можно понять, какие чувства обуревали младшего лейтенанта! Ладно еще, что вместо боев – та же поднадоевшая учеба, все-таки бои будут, это к ним готовятся, но то, что дивизия оказывается на второстепенном направлении, пройдет «значительно севернее Берлина» – это было по-настоящему обидно. Причем, настолько обидно, что Юрий даже заболел – вполне возможно, что именно поэтому, ибо в периоды ожесточенных боев ни у кого никаких болячек не было (а может и простудился или чего еще, пока добирался до фронта) – и угодил в госпиталь. Хотя, по другому варианту развития событий, он был легко ранен – но о том, где и когда, никакой информации не имеется, и сам Дроздов в

своей книге этого не уточняет. Так что достоверен лишь один факт: он оказался в госпитале. Обидно, конечно – только приехал в часть, и вот тебе, пожалуйста, сразу на больничную койку!

Но, как известно, никогда не знаешь, где найдешь, а где потеряешь. И вот тому в подтверждение фрагмент из книги Ю.И.Дроздова «Вымысел исключен»: «Я женат. Мы познакомились уже в конце войны. После освобождения Варшавы в одну из пауз в Висло-Одерской операции 1945 г. <т.е. во второй половине января 1945 года – А.Б.> я на пару недель оказался в полевом госпитале 3-й Ударной армии, где мы и встретили друг друга.

Моя жена, Людмила Александровна Дроздова (Юденич), моя ровесница, родилась в с. Жихарево Бельского уезда Нелидовской волости Западной (Калининской) области. <...> Ранней голодной весной 1943 г. она пришла в село Займищи Калининской области и поступила в полевой армейский госпиталь и прошла вместе с ним до окраин Берлина».

В общем, познакомились, а вскоре после войны, в поверженном Берлине, Юрий как-то смог отыскать эту красивую девушку и связал с ней свою судьбу до самого конца собственной своей жизни...

Но, повторим, это будет потом, после взятия Берлина, и до того времени еще следовало дожить, что будет совсем непросто и удастся далеко не каждому.

К сожалению, у многих из нас представление о Великой Отечественной войне достаточно примитивное. Не будем в подробностях обсуждать эту тему, но, вот, завершающие аккорды войны многим представляются так: доблестные советские войска, подавляя последние очаги сопротивления гитлеровцев, неудержимо движутся к Берлину... И как бы ни сопротивлялись гитлеровцы, уже нет такой силы, которая могла бы противостоять мощной, опытной, прекрасно обученной и оснащенной самыми передовыми оружием и боевой техникой Красной армии. Советский Союз и его Вооруженные силы сосредоточили все свои возможности для этого последнего, решительного боя. «Всё для фронта – всё для победы!»

А вот как вспоминал те самые дни победного наступления Герой Советского Союза гвардии генерал-майор Нестор Дмитриевич Козин, командир 52-й гвардейской стрелковой дивизии, в которой, напомним, служил Дроздов: «Нашей 3-й ударной армии предстояла задача повернуть на северо-запад и двигаться на Иноврцлав, Бломберг. Это значило, надо пройти еще не менее 150 километров. <Расстояние от Бломберга до Берлина по прямой – порядка трехсот километров. – АБ>

Трудностей прибавилось: тылы дивизии растянулись, снабжение горючим и продовольствием ухудшилось. Особо беспокоили нас боеприпасы. Начальник артснабжения майор И.Б.Ласточкин доложил, что дивизия в целом по всем видам не имеет и половины боекомплекта. А ведь мы шли в бой!»

Впечатляет? Между тем, по кадрам фронтовой кинохроники представляется, что боеприпасов у наших войск в то время было «как грязи». И на всех снарядах неизменно писали «По Рейхстагу!» или «Подарок Гитлеру». А тут еще, оказывается, были проблемы не только со снарядами, но и с продовольствием... И это, между прочим, на том фронте, которым командовал Маршал Победы Жуков, заместитель Верховного Главнокомандующего. Что же тогда было на других фронтах?

После относительно небольшой передышки, 52-я гвардейская дивизия вновь вошла в боевое соприкосновение с противником.

О том, как воевал в то время гвардии младший лейтенант Юрий Дроздов, мы ничего пока что говорить не можем, потому как не знаем и додумывать не станем, зато в воспоминаниях ветерана дивизии, командира одного из ее полков гвардии полковника Гавриила Григорьевича Пантюхова – «Люди одной дивизии. Боевой путь 52-й гвардейской орденов Ленина, Кутузова и Суворова стрелковой дивизии. 1941–1945 гг.» – есть конкретный рассказ о боевых действиях 57-го оиптдн (таково официальное сокращение названия «отдельный истребительный противотанковый дивизион»), того самого, в котором служил наш герой.

«Утром 1 марта сотни орудий открыли стрельбу, разорвав плотный, влажный воздух...

На позиции батальона гвардии майора В.М.Малютина надвигались сразу десять танков и самоходных орудий с двумя ротами пехоты. Подойди они беспрепятственно к цепям гвардейцев, спешно окопавшихся на окраине населенного пункта, батальон был бы смят. Но машины и пехоту противника еще на дальних подступах встретила своим огнем дивизионная артиллерия, а когда они все-таки приблизились к позициям, прогремели выстрелы приданного полку 57-го истребительно-противотанкового дивизиона. Батарея, которой командовал гвардии лейтенант М.Д.Бондарь, вела огонь прямой наводкой, подпустив танки и самоходки на расстояние 300–400 метров. Стрелять так было опасней, но зато орудия били наверняка. Три орудия, у панорамы которых стояли командир огневого взвода гвардии старший сержант В.А.Гук, наводчик И.Е.Курочкин, наводчик гвардии младший сержант С.И.Игнатьев, с первого выстрела попали в цель. Сразу три машины вышли из строя.

Батальон ружейно-пулеметным огнем отсекал пехоту от танков и самоходок, и, когда еще две машины были подбиты, она отхлынула от населенного пункта».

Видимо, и у Дроздова примерно так было – конечно, на другом участке и с каким-то своим вариантом развития событий.

Следующий бой, в котором участвовал 57-й гвардейский дивизион, произошел через неделю, 7 марта (впрочем, может быть и еще что-то случилось, а мы просто не знаем) – это взятие польского города Голлнов или Голенюв, есть разные варианты его названия, и о том вспоминал командир дивизии: «После короткой 15-минутной артподготовки, стрелковые подразделения в сопровождении танковых частей, используя обходной маневр, перешли в насту-

пление: 33-я дивизия – с северо-востока, 52-я – с юго-запада. 10-я танковая дивизия СС и дивизия «Бервальде» оказывали упорное сопротивление. После повторного артналета, действий орудий прямой наводкой и огня танков с места по вновь выявленным огневым вражеским точкам, к исходу дня мы штурмом овладели городом. Остатки разгромленного врага были отброшены на юго-запад.

При штурме города смелость и решительность проявили многие подразделения дивизии. <...>. 57-й гвардейский отдельный истребительно-противотанковый дивизион Н.В.Позднякова подбил танк, две бронемашины и подавил два тяжелых пулемета».

Вполне возможно, что Юрий в этом бою участвовал.

Но всё это происходило как бы по дороге, по ходу развития событий, в преддверие того самого главного боя, которого ждали все в наших войсках – от солдат до маршалов.

Та страна, в которой теперь оказался Дроздов, не слишком походила на виденную им в Энгельсе «Малую Германию». <До войны город Энгельс был столицей Автономной Советской Социалистической Республики Немцев Поволжья – немцы там жили с середины XVIII века, сохраняя свой традиционный уклад. – А.Б.> Не только потому, что патриархальная старина неизбежно уходила в прошлое, уступая место современной архитектуре, но и, главное, потому что война, возвратившаяся на немецкую территорию, откуда она в свое время вышла, изуродовала всё вокруг. Руины здешних населенных пунктов не очень-то отличались от руин польских, белорусских, украинских, русских и прочих городов... В руины превращалась и столица Германии, в направлении которой двигались войска Красной армии, несущие неотвратимое возмездие.

Понятно, что к штурму Берлина готовилось не только советское, но и гитлеровское командование, максимально усиливавшее группировку своих войск на этом главном, теперь уже последнем направлении войны. Если в Первую мировую главным для Германии был, безусловно, Западный фронт, где сражались английские и французские войска, то теперь «полюса» однозначно поменялись, и Западный фронт, против которого во Второй мировой войне действовали англо-американцы, немцами просто-таки обнажался. Открывая чуть ли не беспрепятственный путь для союзников, немецко-фашистское командование перебрасывало оттуда войска на свой Восточный фронт, на защиту Берлина. Сюда же стягивались последние оставшиеся части и соединения из внутренних районов Германии. Численность этих войск увеличивалась за счет «тотальной мобилизации», когда на военную службу призывались немцы в возрасте от шестнадцати до шестидесяти пяти лет.

Советские артисты-куплетисты, выступая перед бойцами, пели по этому поводу: «Мой любимый старый дед в шлем тотально был одет». Это казалось смешно, но, в действительности, ничего смешного тут не было: и старый ветеран Первой мировой с пулеметом «MG», и 14-летний мальчишка из Гитлерюгенда с фаустпатроном – все они представляли реальную опасность, потому как каждый из них неминуемо утащил бы с собой на тот свет сколько-нибудь советских солдат.

В результате всех этих лихорадочных мер фюреру удалось сосредоточить в Берлине и его окрестностях до миллиона солдат и офицеров, 10 400 орудий и минометов, 1500 танков и штурмовых орудий и три миллиона фаустпатронов. В воздух над столицей доживавшего свои последние дни «тысячелетнего рейха» могли подняться 3300 боевых самолетов. На подступах к Берлину была создана мощная система оборонительных рубежей общей глубиной до 90 километров.

В штабах, между тем, шла своя работа, в результате которой неоднократно менялись и корректировались недавно еще столь тщательно составленные планы. Вот так, вдруг, и получилась, что 3-я Ударная армия получила задачу наносить удар по самом Берлину.

«Основная роль в овладении Берлином отводилась 1-му Белорусскому фронту, которым командовал Маршал Советского Союза Г.К.Жуков.

В составе войск 1-го Белорусского фронта к участию в Берлинской операции готовилась и 3-я ударная армия, в которую входили 12-й гвардейский, 7-й и 79-й стрелковые корпуса. Находясь на направлении главного удара фронта, в первом его эшелоне, она получила задачу прорвать оборону противника на участке Золиканте, Форстаккер, разгромить противостоящие части противника и, развивая удар в общем направлении Нейтреббин, Мецдорф, Бернау, Биркенвердер, к исходу третьего дня операции овладеть рубежом Альбертсхоф, Таерфельде, Леме. В дальнейшем наступать в обход Берлина с севера в направлении Бернау, Глиникке, Ней-Дебериц и на восьмой день операции овладеть районом Хеннигсдорф, Фарланд, Гатов, Шпандау, расположенным западнее Берлина. Справа наступала 47-я армия, слева – 5-я ударная армия.

3-й ударной армии противостояли 309-я пехотная дивизия, части дивизии «Курмарк», 25-я моторизованная дивизия и мехдивизия «Мюнхенберг». Всего противник здесь сосредоточил до 1640 орудий и минометов, более 100 танков и самоходных установок и около 600 пулеметов.

Для выполнения поставленной задачи командующий армией решил прорыв обороны противника осуществить на участке 6 км силами 79-го и 12-го гвардейского стрелковых корпусов, нанося главный удар в центре полосы наступления в направлении Нейтреббин, Мецдорф, Бернау.

79-му и 12-му гвардейскому стрелковым корпусам ставилась задача прорвать оборону противника на участке Золиканте, Форстаккер, разгромить противостоящие части 309-й пехотной и 25-й моторизованной дивизий противника, к исходу дня овладеть второй полосой его обороны и обеспечить ввод в прорыв 9-го гвардейского танкового корпуса 2-й гвардейской танковой армии».

Простите за эту длинную цитату из книги по истории 3-й Ударной армии, но она здесь отнюдь не случайна именно в таком объеме. Только представьте: громады войск и огромное количество вооружения с обеих сторон, добрый десяток каких-то совершенно незнакомых населенных пунктов, постоянно меняющиеся боевые планы – и посреди всего этого находится гвардии младший лейтенант, известный лишь своему непосредственному начальству, десятку подчиненных, то есть двум своим артиллерийским расчетам, и нескольким боевым товарищам. Словно бы песчинка на берегу стремительно текущей реки. Чье-то неверное движение, резкий порыв ветра – и где она? Кто вспомнит? Разве что девушка Люда из военного госпиталя? Но и то, долго ли она будет думать про мелькнувшего и невесть куда сгинувшего молодого офицера, пусть даже и очень симпатичного? Война давно отучила людей зацикливаться на потерях. «Да, был – больше нету... Жаль!» Всё! Забыли. Как в той песне: «Живем случайно, расстаемся, не скорбя...»

Но кто тогда думал про себя, что именно он будет убит в том самом завершающем бою? И вообще, многим наивно верилось, что штурм Берлина станет самой последней битвой на Земле, а потом они будут иметь счастье долго-долго жить в мирном мире.

Разумеется, высшее командование Красной армии относилось к происходящему гораздо более реалистично. Маршал Жуков вспоминал: «В целом проведенная работа по подготовке Берлинской операции была невиданной по своему размаху и напряжению. На сравнительно узком участке 1-го Белорусского фронта за короткое время было сосредоточено 77 стрелковых дивизий, 3155 танков и самоходных орудий, 14 628 орудий и минометов и 1531 установка реактивной артиллерии. Мы были уверены в том, что с этими средствами и силами наши войска разгромят противника в самый короткий срок».

Из этих 14 628 орудий два ствола – причем, на общем фоне из числа самых маленьких по своему калибру – составляли взвод гвардии младшего лейтенанта Дроздова. Ему тогда было поручено восемь метров фронта: чтобы надежно подавить оборону гитлеровцев, на участке прорыва создавалась плотность 266 орудий и минометов на километр. Подсчитать не сложно: порядка четырех метров на одно орудие, восемь метров – на противотанковый взвод.

Хотя понятно, что на самом деле всё было совершенно не так, никто там пушки и гаубицы в ряд не ставил. Огромные дальнобойные орудия находились далеко за линией фронта, и пехота вспоминала о дальнобойщиках лишь тогда, когда слышала, как шелестят, пролетая в вышине, крупнокалиберные снаряды, именуемые «чемоданами»; противотанкисты же, напротив, стояли перед пехотой, воистину закрывали ее собой – «ствол длинный, а жизнь короткая».

Впереди был самый трудный, самый поганый вид боя – бой в городе. Генерал-майор Козин вспоминал то, что видел своими глазами (нередко случается так, что мемуаристы вспоминают то, что видели другие): «Вражеская столица была хорошо подготовлена к обороне. Каждый квартал, каждый дом, каждый этаж сражался. Стреляло каждое окно. Фашисты не сдавались. У них была большая возможность маневра, им были известны особенности каждой улицы – подземные ходы сообщения, подвалы, люки.

Вести бой в городе всегда трудно, а тем более в таком, как Берлин, в котором все прочные каменные дома были превращены в крепости с многоэтажными подземными бункерами, подвалами».

Про штурм Берлина написано немало. Юрий Иванович Дроздов таких воспоминаний не оставил, и вообще, вся «военная» – то есть там, где непосредственно про войну – часть его воспоминаний состоит из двух с половиной предложений:

«Никаких геройских подвигов в ходе боевых действий мне совершить не пришлось. Война – это страшная кровавая работа, тяжелая и безжалостная, и чтобы выжить самому и другим, я просто старался делать ее добросовестно, насколько это было возможно младшему лейтенанту в неполные девятнадцать лет. Войну закончил в Берлине...»

Обрываем фразу, потому как далее – уже о послевоенной службе в рядах Советской армии. Правда, тут можно заметить очевидную неточность: в мае 1945-го Юрию Дроздову было неполных двадцать. Но это, как понимаем, «прокол» редактора его воспоминаний.

52-я гвардейская стрелковая дивизия была введена в наступление на главном направлении 19 апреля и в ходе ожесточенного боя преодолела три оборонительных рубежа. Утром 21 апреля дивизия первой из всех атакующих соединений Красной армии вошла в Берлин. Продолжая наступление, завершившееся 2 мая, она прошла по Германской столице порядка двадцати километров, очистив при этом 120 кварталов города.

О том, как сражался в Берлине Дроздов, можно узнать из двух источников. В общих чертах об этом писал командир 52-й гвардейской дивизии: «При наступлении в Берлине мы применяли тактику действий штурмовыми отрядами и группами (взвод, рота), усиленными артиллерией, танками, САУ, саперами, химиками и огнеметчиками, – вклинивались в расположение противника, расчленяли его оборону на куски. Изолируя кварталы и отдельные районы, мы затем овладевали ими. Боевой порядок штурмовых отрядов и групп эшелонировался в глубину с таким расчетом, чтобы действия пехоты поддерживались танками и самоходно-артиллерийскими установками, а танки охранялись пехотой и поддерживались САУ. Танки и САУ, двигаясь за пехотой, которая овладевала домами, уничтожали огневые точки. Сзади идущая пехота прочесывала и очищала подвалы, этажи, чердаки зданий».

Гвардии младший лейтенант Дроздов обеспечивал артиллерий-

скую поддержку одной из наступающих групп. Танки и САУ, о которых писал генерал Козин, это, конечно, хорошо, а вот противотанковые орудия тащили по городу их расчеты, устанавливали их на огневые позиции, стреляли – и тащили дальше, под непрерывным огнем врага.

Конкретно о действиях Юрия Дроздова можно узнать из второго источника, «наградного листа» – представления на награждение орденом Красной Звезды. Пусть в нем изложено не слишком грамотно, но зато очень четко:

«В уличных боях по овладению г. Берлин гв. мл. лейтенант проявил себя храбрым и отважным офицером, умело руководящим огнем своего взвода.

25.4.1945 на ул. Шифельбейнер-штрассе г. Берлин, когда с его взвода были выведены <из строя> одновременно 4 бойца, под сильным огнем противника т. Дроздов, лично участвуя, организовал медицинскую помощь раненым и обеспечил эвакуацию в тыл. Несмотря на большой процент выбывших из расчета, оба орудия продолжали вести огонь по противнику, и при этом его взводом уничтожены 2 75-мм пушки, 1 зенитное орудие, 5 пулеметов вместе с прислугой противника и до 80 солдат противника, что способствовало продвижению нашей пехоты. За проявленные доблесть и отвагу в боях по овладению г. Берлин достоин правительственной награды орденом "Красная звезда"»

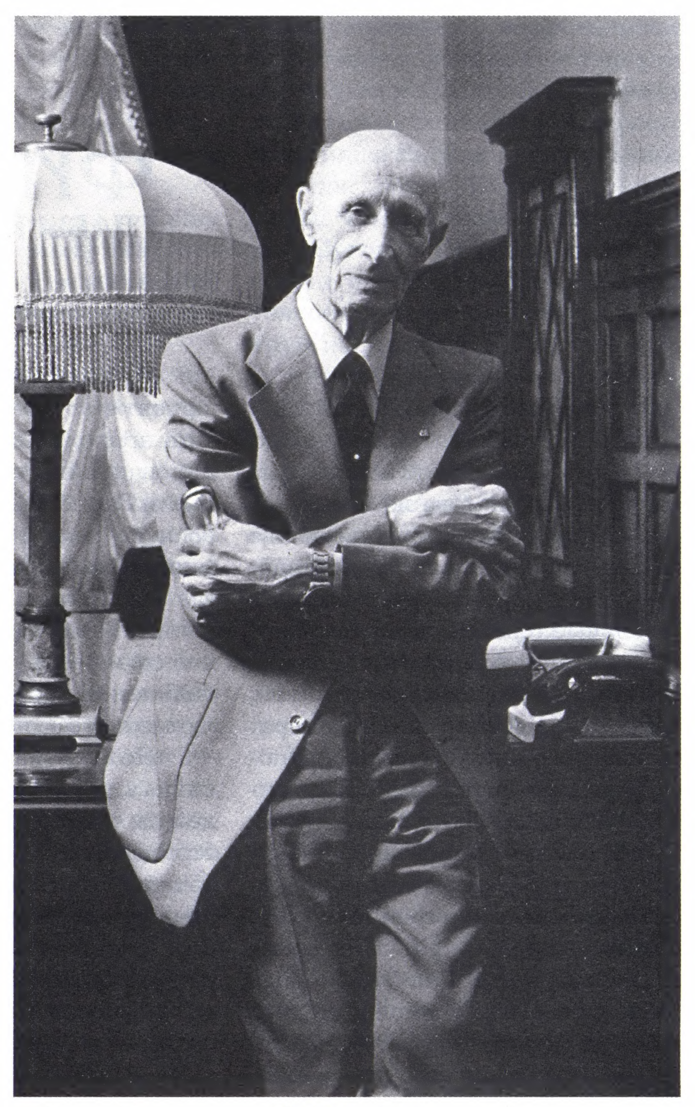
Стоит обратить внимание на то, что молодой офицер отнюдь не стремился выполнить поставленную задачу любой ценой, ни с чем не считаясь, но даже и в той адовой обстановке сумел позаботиться о своих раненых бойцах. Не всякий командир, скажем честно, поступил бы таким образом – можно было продолжать наступление, не заморачиваясь о судьбе раненых и успокоив свою совесть тем, что их, конечно же, подберут идущие сзади санитары. Командира поощряют или наказывают за выполнение (или не выполнение) приказа, и вообще, как известно, победителей не судят.

Это качество – заботу о подчиненных – отмечали все те, с кем сводила Юрия Ивановича судьба на протяжении всей его полувековой службы. Мы о том еще расскажем.

За тот самый бой гвардии младший лейтенант Дроздов был награжден орденом Красной Звезды, а 52-й гвардейской дивизии присвоено почетное звание «Берлинская».

...Говорить о войне генерал-майор Дроздов не любил, «фронтовыми байками» сотрудников не развлекал. Хотя, с ветеранами-фронтовиками, которых в Управлении «С» в его времена было немало – в том числе и тех людей, что в были гораздо выше Юрия Ивановича и по чину, и по должности, да и воевали гораздо дольше – с ними у начальника были свои отношения, свои разговоры, которые так между ними они и оставались. Было тогда этим людям лет по пятьдесят или чуть больше...

Но как-то Дроздов рассказал одному из своих в ту пору молодых сотрудников – спустя годы, тот передал это нам – о том, что при штурме Берлина оказа-

Ю.И.Дроздов.

лось для него самым страшным. Вернее, уже после штурма.

Это был убитый танкист, младший лейтенант, свесившийся из люка своего подбитого танка... Явно, что он был ровесником Юрия и, всего скорее, так же, как и он, только недавно окончил военное училище и поспешил на фронт...

Лишь тогда, в первый раз за весь этот страшный бой, Дроздов вдруг ощутил ту самую свою смертность, о которой под вражеским огнем совершенно не думалось, зримо представил себе, что он мог бы вот так же лежать сейчас у станины одного из своих разбитых орудий...

Мы ставим точку в этой главе и прощаемся с войной.

Надолго. Но, к сожалению, не навсегда.

P.S.: о генерал-майоре Ю.И.Дроздове (1925–2017), советском разведчике, бывшем начальнике Управления нелегальной разведки Первого Главного управления КГБ СССР и его деятельности можно подробно прочитать в новой книге А.Ю.Бондаренко «Юрий Дроздов»: М.: Молодая гвардия, 2020 г. Серии «Жизнь замечательных людей».

ФИТИН
ГЛАВЫ ИЗ КНИГИ*

РАЗНЫЕ ДНИ ВОЙНЫ

Не удивляйтесь, но, кажется, что большинство из нас имеет о Великой Отечественной войне весьма превратное представление, сформировавшееся еще в школьные годы. Как, в нашем понимании, проходила война? Грубо говоря, по ключевым ее пунктам: сначала были приграничные сражения и оборона Брестской крепости, потом – битва за Москву, началась блокада Ленинграда, затем был Сталинград, после него – Курская битва... И нам – проверьте себя, уважаемый читатель! – подсознательно кажется, что в то самое время, когда шли бои в городе на Волге или на Курской дуге, весь остальной фронт словно бы не существовал, словно бы по всей его линии, от Баренцева моря до Черного, тогда ничего ровным счетом не происходило.

На самом же деле это, конечно, было совсем не так: бои продолжались по всей линии соприкосновения противостоящих войск, ни на день не стихая, и вне всякой зависимости от тех генеральных сражений, что притягивали к себе напряженное внимание всей страны и всего мира... И каждый солдат считал свой окоп главным.

Примерно так же шла та незримая война, которую вели сотрудники и соратники нашего героя – начальника 1-го управления НКВД старшего майора государственной безопасности Павла Михайловича Фитина. Две предыдущие главы мы посвящали таким важнейшим проблемам, решавшимся советской разведкой, как проект «Энормоз» и взаимоотношения со спецслужбами союзников. Но ведь это тоже были некие ключевые пункты, тогда как «фронт», которым руководил Фитин, проходил не только по оккупированной гитлеровцами территории Советского Союза и Европы, но и по тем столицам и городам многих иностранных государств, где находились наши резидентуры. На этом фронте незримые, а подчас и реальные бои также продолжались изо дня в день – и абсолютно по всем направлениям...

– Не знаю, насколько он глубоко вникал в конкретные оперативные дела, и вообще, было ли у него для этого время, – рассуждает председатель Совета ветеранов Службы внешней разведки. – Идет война, чего ему сидеть, копаться в агентурных делах? Наверное, он доверял это своим заместителям – тем более, не будучи таким уж большим специалистом... Значит, он правильно организовал рабочий процесс!

...Генерал-лейтенант, с которым мы беседуем – специалист высочайшего уровня, отдавший Службе несколько десятилетий, а потому его понимание вопроса имеет для нас очень большое значение...

Ну а теперь мы попытаемся рассказать о многогранной и разноплановой (да, штамп, но она действительно была именно такой!) деятельности Павла Фитина во время Великой Отечественной войны.

Начнем, опять-таки, с воспоминаний самого руководителя внешней разведки:

«В этот невероятно тяжелый для Родины период советская разведка ставит перед всеми чекистами-разведчиками и многочисленной агентурой задачу по добыванию разведывательных данных о фашистской Германии и ее союзниках, о ее военно-экономическом потенциале, переброске

Павел Михайлович Фитин.

войск и военной техники. С другой стороны, разведчики всячески содействуют организации движения Сопротивления в странах, захваченных фашистами еще до нападения на СССР. <...>

Первое управление, осуществляя главным образом руководство резидентурами за кордоном, стремилось оказывать им всемерное содействие в организации агентурно-оперативной работы в целях получения наиболее ценной информации. В течение первых двух военных лет нам удалось добыть большое количество крайне важных материалов о политике государств – наших союзников в войне с Германией, а также нейтральных стран. Вместе с тем были получены важные материалы военного и научно-технического характера»[1].

---

* А.Ю.Бондаренко Фитин. М.: Молодая гвардия, 2015 г. Серия «Жизнь замечательных людей».

[1] Воспоминания начальника внешней разведки П.М.Фитина // История Российской внешней разведки. Очерки. Т. 4. М., 2014. С. 23.

Понятно, что первостепенное внимание научно-техническая разведка уделяла вопросам получения технической документации и образцов вооружения и боевой техники – и это, в том числе, позволило Красной армии превзойти войска противника по технической оснащенности, уровню и качеству вооружения.

Но главную роль, безусловно, играла политическая разведка.

Общеизвестно, что очень многие в Германии понимали опасность развязанной Гитлером авантюры – войны на два фронта. Однако ведь и руководство Советского Союза очень боялось того, что к Германии, Финляндии, Венгрии и Румынии, обеспечивавшим единый фронт с запада, присоединится кто-либо с востока или с юга. Пожалуй, особенно опасным было бы нападение на Дальнем Востоке, со стороны Японии, имевшей к России давние счеты и претензии, выигравшей в 1905 году войну и дважды побитой в пограничных конфликтах в конце 1930-х годов... Известно, что как только 22 июня 1941 года до Токио дошла информация о нападении Германии на СССР, министр иностранных дел Японии Есукэ Мацуока прибыл к императору Хирохито и стал убеждать монарха нанести удар по Советскому Союзу – фактически, с тылу. О том, что 13 апреля того же года между Японией и СССР был подписан Пакт о нейтралитете сроком на пять лет, министром как-то не вспоминалось.

26 июня токийская резидентура сообщала в Центр:

«...В связи с советско-германской войной внешняя политика Японии... следующая:

– Япония сейчас не имеет... намерений... объявить войну и встать на стороне Германии. Хотя неизвестно, как в дальнейшем изменится эта политика...

– СССР... не будет предъявлено каких-либо требований и не будет объявлено своего определенного отношения. Япония хочет молча смотреть на развитие войны и международные отношения.

Утверждают, что такая политика Японии объясняется следующим:

– Япония не готова воевать с СССР. Не следует спешить с войной, так как если это нужно будет сделать, то чем позднее это будет, тем меньше жертв понесет Япония...

– если Япония начнет войну против СССР, то Америка объявит войну Японии и последняя будет вынуждена бороться на два фронта»[2].

Похоже, что резидентура поторопилась в своих оптимистических утверждениях. Императорское совещание в присутствии монарха, на котором было принято решение не спешить со вступлением в войну, было проведено только 2 июля.

Сообщение об этом решении Императорского совещания советская разведка передала в ГКО 17 июля – информация пришла от агентуры из Лондона, где была перехвачена и расшифрована японская телеграмма. Это была далеко не единственная информация по Японии, полученная из «туманного Альбиона»: большую роль в добывании сведений о позиции руководства и военных кругов «Страны Восходящего Солнца» сыграли источники внешней разведки, находившиеся в Англии, США, Болгарии, Турции и, разумеется, в Китае.

Вот только на германских союзников решение Имперского совещания особенного впечатления не произвело:

«Посол Отт телеграфировал 14 июля Риббентропу: «...Я пытаюсь всеми средствами добиться вступления Японии в войну против России в самое ближайшее время... Считаю, что судя по военным приготовлениям, вступление Японии в войну в самое ближайшее время обеспечено...»[3].

Полковник Ойген Отт, ранее занимавший должность германского военного атташе в Японии, наивным человеком не был. К тому же, обманывать министра иностранных дел, выдавая желаемое за действительное, послу было совершенно не к лицу. Тем более, военному человеку – ибо речь шла о подготовке к боевым действиям, и ошибаться в прогнозах недавнему военному атташе было бы просто несолидно. Но, как писал Редьярд Киплинг, «East is East»[4], а еще лучше сказал незабвенный товарищ Сухов из кинофильма «Белое солнце пустыни»: «Восток – дело тонкое», – и японцы вели свою хитрую политику...

«Япония готовилась обрушиться на СССР при условии явного поражения советских войск в войне с Германией. Военный министр Тодзио подчеркивал, что нападение должно произойти тогда, когда Советский Союз «уподобится спелой хурме, готовой упасть на землю»[5].

Вот только вместо, по-японски, «спелой хурмы», перед ними оказался, по-русски, «зелен виноград».

Однако за первые, критические для Светского Союза месяцы войны в Центр поступило порядка пятнадцати телеграмм по вопросу о том, начнет ли Япония войну с СССР, и информация в них была различной. На случай японской агрессии советское руководство вынуждено было в начале войны с Германией держать на границах с Маньчжурией до сорока дивизий...

Понятно, что сообщения с Дальнего Востока привлекали особое внимание руководства внешней разведки.

* * *

Но ведь и сообщения с Ближнего Востока имели для Павла Фитина не менее – а может быть даже и более – важное значение. Напомним, что в 1925 году здесь была низложена дружественная Советскому Союзу династия Каджаров, а Реза-хан Пехлеви, провозглашенный новым шахиншахом Ирана, явно симпатизировал Германии и ее фюреру. Симпатия была взаимной и явно не бескорыстной: германский генштаб весьма интересовала иранская нефть, к тому же Иран являлся для Германии основным поставщиком хлопка и шерсти, а его территория пред-

[2] Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 2: Начало. Кн. 1. М., 2000. С. 61.

[3] Кошкин А.А. «Кантокуэн» – «Барбаросса» по-японски. Почему Япония не напала на СССР. М., 2011. С. 151.

[4] «Восток есть восток» (Англ).

[5] Кошкин А.А. «Кантокуэн» – «Барбаросса» по-японски. Почему Япония не напала на СССР. М., 2011. С. 151.

ставляла собой удобный плацдарм для вторжения в Закавказье, Среднюю Азию и Индию...

А вот что говорилось в спецсообщении, которое в ноябре 1940 года было направлено Берии, Меркулову, Кобулову и Фитину начальником Главного технического управления НКВД СССР:

«По данным закордонной агентуры, немецкое влияние в Иране систематически возрастает, и особенно активизировалось в последнее время.

Немцы открыли в Иране целый ряд новых транспортно-экспедиторских контор с филиалами и конторами в Пехлеви, Тавризе, Джульфе, Бабольсере, Бендер-Шапуре, Баджигиране.

В Пехлеви работают немецкие разведчики: ВОЛЬФ и ПЛЯТ, проживающие в Иране с 1933 г. и РУТЕНБЕРГ – с 1940 года.

Много немцев работает в германских фирмах «Атлас», «Вебер-Бауэр», «Вилли Шнель», «Ауто-унион», «Мерседес-Бенц» и в представительстве известной германской фирмы «АЕГ».

Возросло количество немцев, работающих в различных иранских учреждениях и предприятиях. В частности, много судетских немцев работает в качестве машинистов и машинистов-наставников, а также мастеров и механиков на ж.д., в депо и ж.д. мастерских. Работают немцы в министерстве путей сообщения, в оружейном арсенале в Тегеране, на различных фабриках и заводах, в порту Пехлеви, на строительстве мостов, дорог, в больницах и т.д.

С 1933 г. в иранском гос. университете работают 8 преподавателей немцев.

За последние годы вошла в практику посылка иранской молодежи на учебу в Германию. В 1939 г. было послано в Германию около 40 чел. молодежи для усовершенствования знаний в военных школах Германии. <...>

Немецкие фирмы в широких размерах практикуют подкуп и взяточничество в отношении иранских чиновников.

Так, например, в целях установления близких связей с официальными работниками порта, представитель фирмы «Иран-экспресс» ВОЛЬФ систематически делает подарки начальнику Пехлевийской таможни НИКОНУ, начальнику морских операций этой таможни МАГРУРИ. НИКОНУ подарен радиоприемник стоимостью 5.000 реал, МАГРУРИ неоднократно получал деньги и вещи;

Подарки являются одной из мер проникновения немцев в правящие круги. В этом году сыну шаха был подарен автомобиль «Мерседес-Бенц». В связи с аварией, машина получила небольшое повреждение, не отразившееся на возможности ее эксплуатации, однако немцы выписали из Германии другую машину для замены поврежденной.

Усилилась также германская пропаганда в Иране, в частности путем выпуска германских кинофильмов, рассылки журналов и др. печатных изданий. <...>»[6].

Скажем честно, при чтении этих строк невольно возникают параллели с совсем иной страной и совершенно другим временем... Итог же работы германских спецслужб был вполне закономерным.

«Чем ближе была Вторая мировая война, тем сильней Реза-шах Пехлеви, диктатор Ирана, тяготел к Берлину, сближению с Германией во всех областях, и в особенности в военной. Лишь за апрель-июнь 1940 года из Германии в Иран было поставлено 3000 пулеметов и артиллерийских орудий. Поставки вооружения и боеприпасов продолжались и в 1941 году. На военных предприятиях страны тогда было занято 56 германских специалистов, в иранской армии, жандармерии и полиции работали десятки немецких советников и инструкторов. Накануне Второй мировой войны в Иран въехало более 6500 немецких граждан. В 1940–1945 годах на долю Германии приходилось до 45,5% общего товарооборота Ирана, тогда как на СССР – 11%, а на Британию – 4%. Более половины машин и оборудования на крупнейших предприятиях страны и три четверти всех паровозов, практически весь обслуживающий персонал центрального управления железными дорогами Ирана были германскими. На трансиранской железной дороге немцы трудились на всех уровнях, вплоть до паровозных бригад. Руководящие посты в 50 государственных учреждениях Ирана занимали профашистские элементы и агентура гитлеровских спецслужб»[7].

Нет, видать совсем не случайно Павел Фитин побывал в январе – феврале того самого 1941 года в спецкомандировке в Турции! И даже если он и не посещал Иран – никаких свидетельств такого посещения у нас нет, но мы такой возможности все-таки не исключаем, – то информацию по этой стране он, очевидно, получил исчерпывающую. Ведь, помимо всего, Иран был еще и громадным шпионским перекрестком.

А когда началась война, персы – назовем жителей этой страны таким старинным именем – подстрекаемые германцами, захотели еще и побряцать оружием.

29 июня 1941 года Тегеранская резидентура сообщала:

«С 22 июня... иранцы перебрасывают к границе с СССР войсковые части, вооружение и боеприпасы. 22 июня из Тегерана в направлении Тавриза проследовало 8 большегрузных автомашин с орудиями и снарядами, примерно столько же – в Мешхед.

Вооружение и боеприпасы перебрасываются также в Решт, Пехлеви, Горган... В направлении Горгана и Туркменской степи по железной дороге происходят переброски войсковых частей, следующих с юга.

На побережье Каспийского моря во многих пунктах выставлены войсковые подразделения. Форсировано строительство военных объектов. В города побережья заброшено из южных и центральных областей Ирана несколько сот сотрудников тайной полиции»[8].

Однако когда Германия посредством дипломатической ноты потребовала, чтобы Иран открыто вступил в войну с СССР, Реза-шах заколеблется. Все-таки рейх был далеко, а Союзом – рядом, и

[6] Архив СВР России.

[7] История Российской внешней разведки. Очерки. Т. 4. М., 2014. С. 325–326.

[8] Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 2: Начало. Кн. 1. М., 2000. С. 126.

мог успеть разгромить Иран до подхода германского «союзника». Точно так же решило и большинство членов высшего военного совета, высказавшихся против войны. Положение не спасло даже германское предложение военной помощи... Ну что ж, «если друг оказался вдруг» – фюрер решил этого друга сменить, и усилиями германской разведки в Тегеране стал спешно готовиться военный переворот. В начале августа столицу Ирана даже посетил большой специалист по разного рода тайным операциям адмирал Вильгельм Канарис, шеф Абвера.

«Дворцовый переворот» был намечен на 28 августа.

Конечно, «иранскую опасность» с «японской» было не сравнить, но все же она была достаточно серьезной, ее обязательно нужно было предупредить. Возможности для этого были – ведь еще в 1921 году был подписан Советско-Иранский договор, в соответствии с 6-й статьей которого, в случае, если «третьи страны» будут как-то угрожать РСФСР с территории Персии, Советское Правительство имело право ввести туда свои войска.

Внешней разведке, соответственно, следовало провести комплекс мероприятий по нейтрализации гитлеровской агентуры и обеспечению ввода войск... Для того, чтобы обеспечить эту работу, в августе 1941 «легальным» резидентом в Тегеран был направлен блистательный разведчик Иван Иванович Агаянц. Ну а 25 августа, перечеркнув тем самым германские планы «дворцового переворота», на территорию Ирана вошли советские и английские войска.

К этому будет не лишним добавить свидетельство историка:

«Органы безопасности изучали развитие политической и оперативной обстановки в Иране после ввода туда в 1941 г. советских и британских войск, а также добывали информацию о деятельности в этой стране английской разведки»[9].

* * *

Пожалуй, основными требованиями, предъявляемыми к разведывательной информации, являются правдивость и объективность (есть еще много чего другого, но это – самое главное). Можно себе представить, как улыбался в усы товарищ Сталин, читая следующее спецсообщение от 16 августа 1941 года:

«Сообщаем выдержку из сводки материалов английской разведки за время с 3 по 10 августа с.г. Выдержка получена Разведуправлением НКВД СССР из Лондона агентурным путем.

«В первую неделю августа в Стокгольме было получено следующее сообщение шведского военного атташе в Берлине

1) В германском генштабе усиливается озабоченность, в связи с непредполагавшимся советским сопротивлением. Германский план быстрого уничтожения Красной Армии сорван.

2) По его подсчетам к 20 июля уничтожено 6 бронетанковых и 20 пехотных германских дивизий полностью. Потери военных материалов, особенно танков, колоссальны.

Немцы вынуждены сейчас использовать танки старой модели К.2.

3) Немцы испытывают исключительно большие трудности в обеспечении своих войск снабжением.

4) Советские танки оказались первоклассными, а их броня значительно лучше, чем немцы предполагали.

5) Задержка кампании дала русским время для полной мобилизации, которая должна быть закончена к 15-му августа». <...>

Начальник Разведуправления НКВД Союза ССР (Фитин)»[10].

Что ж, понимал Верховный, дела обстоят совсем не так плохо, как можно было думать, получая сводки о сданных городах и потерях наших войск. Противник также несет серьезные потери и, что главное, постепенно выдыхается. План «блицкрига» – закончить войну за шесть недель – провалился с треском. Не могло не радовать и то, что советская боевая техника оказалась лучше немецкой – теперь бы только наладить выпуск этой техники на эвакуированных заводах, которые все-таки, несмотря ни на что, сумели вывезти на Урал... К тому же, эта информация должна была произвести соответствующее впечатление на Западе, где многим думалось, что Красная армия уже напрочь разбита и Советская Россия доживает последние дни... Нет, не только тревожные вести, как это было перед войной, может приносить разведка!

Наверное, примерно об этом думал товарищ Сталин, раскуривая свою знаменитую трубку...

А двадцать шесть разгромленных германских дивизий – это много или мало? В «Истории Второй мировой войны» приводятся следующие данные:

«К середине июля противник имел на советско-германском фронте 182 дивизии. Четырнадцать дивизий находились в резерве главного командования германских сухопутных войск»[11].

Остальное считайте и сравнивайте сами. Однако напомним, что после разгрома двадцати двух дивизий в Сталинграде, Германия облачилась в трехдневный траур. На потери, понесенные по пути к Москве и, соответственно, к победе, пока еще можно было не обращать особого внимания...

* * *

...Сегодня все чаще приходится слышать одну и ту же легенду: мол, на оккупированных гитлеровскими войсками советских территориях зверствовали разного рода предатели-коллаборационисты – и в первую очередь украинские националисты из «западенцев», полицаи из уголовников, а также представители ненемецких войсковых частей – румыны, венгры...

Что ж, не будем отнимать «позорную славу» этих вояк, исправно «компенсировавших» своими «подвигами» в тылу собственную нестойкость на передовой. Но вот документ, который Павел Михайлович Фитин адресовал известно-

[9] Христофоров В.С. Органы госбезопасности СССР в 1941–1945 гг. М., 2011. С. 208.

[10] Воспоминания начальника внешней разведки П.М.Фитина // История Российской внешней разведки. Очерки. Т. 4. М., 2014. С. 23.

[11] История Второй мировой войны. 1939–1945. Т. 4. М., 1975. С. 164.

му уже нам Александру Сергеевичу Щербакову, секретарю ЦК ВКП(б) и начальнику Совинформбюро. Это – спецсообщение от 13 сентября 1941 года, повествующее об отнюдь не боевых делах «истинных арийцев» – военнослужащих вермахта, то есть именно немецких солдат и офицеров:

«Немецкие власти на временно оккупированной ими территории Белорусской ССР продолжают творить неслыханные, чудовищные зверства над мирным населением.

Озверелые фашисты врываются в дома советских граждан, грабят их имущество, насилуют женщин и девушек, убивают стариков и детей.

При занятии г. Петрикова немцами в городе был учинен погром. Районные и городские учреждения подверглись разрушению.

Под угрозой расстрела и предлогом избежания жертв от бомбежки советскими самолетами выселено все население города и ряда деревень, расположенных в радиусе 18 км от Петрикова. Как только население оставило свои квартиры, оно уничтожалось, а ценные вещи увозились.

Колхозный скот немцы, как правило, не трогают, так как считают весь колхозный скот и хлеб принадлежащим германскому государству.

В дер. Вородни (район Жлобина) немецкий солдат застрелил 16-летнюю девочку за то, что целуя его ноги, просила, чтобы немцы не забирали последнюю корову. В этой же деревне убили женщину за то, что она просила немцев не грабить имущество.

В дер. Полянка Житковичевского района немцы расстреляли 4-х учеников ремесленного училища за то, что последние положительно рассказывали населению о Красной Армии.

В г. Минске немецкими оккупантами создано несколько притонов для офицеров и солдат. В эти притоны немцы насильно забирают молодых девушек.

В г. Бресте на футбольном поле немцы публично расстреляли больше 200 чел., в том числе много женщин и детей.

В дер. Роговский Прудок Пропойского района, немцы открыли пулеметный огонь по местному населению, после чего стали грабить, забирать продукты, домашнюю птицу и др. предметы.

Одновременно с этим немецкие солдаты насиловали женщин и малолетних девушек.

В м. Пуховичи Минской обл. немецкие солдаты грабили местное население, в магазинах взламывали запоры, разбивали окна, а находившиеся там товары разбирали и распределяли среди солдат.

В г. Пинске с 3-го августа по 12-е августа немецкие фашисты расстреляли около 10 тыс. человек евреев в возрасте от 12 лет и выше.

Для этого зверского убийства немцами было расклеено объявление, в котором было предложено всем евреям в возрасте от 12 лет и выше явиться в милицию на перерегистрацию и назначение на работу.

Пришедшие на перерегистрацию были выстроены по 4 человека в ряд и отправлены за город, где их заставили выкопать ров под видом окопа, а затем расстреляли, уложив в вырытый ров.

В г. Луцке немецкие солдаты организовали повальные грабежи местного населения. При грабежах берут все, вплоть до самых мелочей — кастрюли, чугуны, ложки и т.д.

Встречая по дороге идущего в сапогах или башмаках, немецкие солдаты снимают их без разговоров.

В дер. Ночи Клецкого района Барановичской обл. карательный отряд расстрелял целую семью по фамилии БУСЕЛЬ (муж, жена и двое детей) за то, что БУССЕЛЬ в прошлом состоял членом ВКП(б).

В целях борьбы с партизанским движением и волнениями в тылу германской армии карательный отряд задерживает и расстреливает всех лиц, проходящих по дорогам.

Трупы расстрелянных карательным отрядом убирают и хоронят только через 2–3 дня, и то местные жители.

Солдаты регулярных частей немецкой армии на привалах делают обход дворов колхозников, требуя яички и масло. Продовольственные обозы изымают у колхозников и крестьян хлеб, одежду, скот, применяя при изъятии физическую силу.

Колхозницу колхоза им. Кирова Домановичского района КОВАЛЕНКО Аксинию немецкие солдаты избили до полусмерти прикладом только за то, что она пыталась просить об оставлении для ее семьи хоть сколько-нибудь хлеба.

Немецкий карательный отряд в Дрогиченском районе из пулеметов расстреливал на месте большое количество советского актива и организаторов колхоза.

В деревне Серники собрал всех активистов и заподозренных в большевизме около 250 чел., заставил их вычистить снаряжение на лошадях, после чего им было предложено петь песни и плясать, а потом заставили рыть яму. В заключение все 250 чел. активистов карательным отрядом расстреляны из пулемета.

После расстрела в дер. Серники был устроен еврейский погром и грабеж.

С занятием г. Луцка был издан приказ, чтобы все евреи носили повязки на рукавах; так же указывалось, что еврей, проходя по тротуару и встречая немца, должен сойти на мостовую, снять головной убор и поклониться немцу, кроме того ежедневно в вывешенных объявлениях предлагалось евреям в возрасте от 16 до 60 лет явиться в определенное место с лопатми. Из явившихся половина направлялась на работу, а остальные в тюрьму, где впоследствии расстреливались.

В Ганцевическом районе карательный отряд расстрелял свыше 400 чел. еврейского населения.

Немецкие власти в м. Щедрин Гомельской обл. евреев запрягают вместо лошадей в повозки и вывозят на них из болотных лугов сено.

Немцы никакой оплаты труда не производят, даже людям хлеба не дают.

В г. Луцке существует один лишь хлебный магазин, в очереди около которого собирается 1 тыс. людей. Из магазина отпускается

хлеб по 250 грамм на человека и то только украинцам, а остальным ничего не подают.

В г. Давид-Городке Пинской обл. с приходом немцев несколько дней населению раздавали хлеб на каждую семью по полбуханки, а сейчас ничего не дают, народ голодает. Промтоварные магазины закрыты. Немецкие солдаты питаются за счет местного населения, у которых отбирают продукты и скот.

В целях сохранения урожая и использования его для своих нужд немецкое командование стремится сохранить колхозное хозяйство, обязывая колхозников, а в отдельных случаях единоличников, продолжать работать в колхозах.

12 августа 1941 г. германское командование издало в дер. Ломавичах (Полесская обл.) письменный приказ: колхозники сельхозартели им. Кирова урожай нынешнего года обязаны убирать и молотить не в одиночку, как это многие делают, а сообща коллективно.

Немецкие власти на оккупированной ими территории Щедринского и Жлобинского районов вывесили приказ, обязывающий колхозников наладить учет колхозного имущества и немедленно возвратить колхозу разобранный скот, сельхозинвентарь и др. имущество.

Одновременно всем колхозникам, а также единоличникам предложено под угрозой расстрела ежедневно выходить на работу по уборке урожая.

Несмотря на это, в большинстве своем колхозники указанных выше деревень хотя на работу выходят сообща, но урожай убирают каждый для себя.

В дер. Слобода Полесской обл. всему населению под угрозой расстрела предложено в обязательном порядке работать в колхозе по уборке урожая.

В конце июля с.г. в г. Бобруйске были расклеены объявления немецкого командования, содержание которых гласило: «Колхозники, убирайте урожай, кто не будет убирать, тот будет голодать».

На временно оккупированной территории немецкие власти в отдельных случаях пытаются расположить к себе местное население.

С этой целью ими организована продажа хлеба, муки, махорки и т.п. <...>»[12].

А здесь мы делаем небольшую паузу, чтобы уточнить, что «раса господ» без холуев существовать не может – и при нападении на СССР эту «вакантную» должность поспешили занять украинские националисты. То есть поначалу-то они сами возомнили себя чуть ли не «сверхчеловеками», а потому сначала расстреляли в захваченном гитлеровцами Львове цвет интеллектуальной элиты города – сорок пять выдающихся ученых и общественных деятелей, поляков, евреев и украинцев, а затем провели так называемое «Национальное собрание», на котором был составлен «Акт провозглашения Украинского Государства». В третьем пункте этого акта говорилось: «Восстановленное Украинское Государство будет тесно взаимодействовать с Национал-Социалистической Великой Германией, которая под руководством вождя Адольфа Гитлера создает новый порядок в Европе и мире и помогает Украинскому Народу освободиться из-под московской оккупации. Украинская Национальная Революционная Армия, которая создается на Украинской земле, будет бороться в дальнейшем с Союзной Немецкой Армией против московской оккупации за Суверенное Соборное Украинское Государство и новый порядок в целом мире...»[13].

Когда «самостийники»-untermensch провозгласили «независимость» Украины, да еще и возымели наглость объявить себя союзниками немцев, тем самым сравняв себя с «высшей расой», гитлеровцы сразу навели порядок и расставили все по своим местам. Они объяснили, что Украина должна стать немецкой колонией; Бандеру просто-напросто возвратили «на нары», ибо при поляках он отбывал пожизненное заключение, как террорист; еще кого-то также усадили, а самых крикливых и нахальных – расстреляли. Абвер, который поддерживал бандеровское крыло ОУН – ведь Бандера был его агентом – всяческую финансовую его поддержку прекратил... И ничего! Получилось, что гитлеровские хозяева «самостийникам» в морду плюнули – а те с угодливой улыбочкой утерлись: 1 августа 1941 года Ярослав Стецко верноподданно призывал украинцев «помогать всюду немецкой армии разбивать Москву и большевизм».

О том, как националисты помогали гитлеровцам, рассказывается далее в этом же спецсообщении:

«Украинские буржуазные националисты совместно с немецкими оккупантами проводят среди населения активную антисоветскую агитацию, направленную к распространению контрреволюционных лозунгов «за самостийную Украину».

В селах Кобринского района Брестской обл. украинскими националистами с ведома немецких властей были расклеены листовки за подписью известного украинского националиста – агента немецкой разведки БАНДЕРА с призывом к украинскому народу не складывать оружия, пока Украина не будет самостийной.

Немецкие оккупанты широко пользуются услугами к/р элемента, который добровольно участвует в репрессиях, применяемых фашистами против лиц, поддерживающих советскую власть.

С занятием г. Луцка немцами был поставлен во главе города комендант. Одновременно из числа украинских националистов был организован украинский комитет допомоги. Названный «комитет» занялся регистрацией населения города Луцка и их имуществом. Этот же комитет строго учитывает людей, прибывших с восточных областей СССР, сообщая о них немецким властям.

По непроверенным данным, немцы проводят мероприятия по созданию самостоятельного украинского государства. Одновременно с этим проводится общая моби-

[12] Украинские националистические организации в годы Второй мировой войны. Т. 1. 1939–1943. М., 2012. С. 430–433.

[13] Санников Г.З. Большая охота. Участник событий рассказывает. М., 2008. С. 71.

лизация мужчин на войну против СССР. <...>

Начальник Разведуправления НКВД СССР

Фитин»[14].

***

Япония... Иран... Оккупированная гитлеровцами Белоруссия... И все это – «зона ответственности» старшего майора госбезопасности Павла Фитина, которому еще только тридцать три года, и лишь три неполных года из них он прослужил в разведке. Как сумел он наладить всю эту огромную работу? Как смог выдерживать на своих плечах всю эту сумасшедшую ответственность? Ответ на этот вопрос мог дать только он – да, к сожалению, вовремя спросить не удалось...

А ведь в это время гитлеровцы уже подошли к Москве...

– По-моему, Фитин был хороший информационный работник, поскольку информация шла взвешенная, – рассказал нам один высокопоставленный сотрудник Службы внешней разведки. – В частности, по операции «Тайфун» – гитлеровскому наступлению на Москву. Наша разведка четко сообщала, куда наступает 9-я армия, куда – 4-я, куда нацеливает удар 2-я танковая группа генерала Гудериана... По-моему, удалось даже создать психологический портрет фельдмаршала Федора фон Бока – командующего группой армией «Центр»... А там интересно было: с одной стороны – генерал армии Жуков, командующий войсками Западного фронта, с другой – фельдмаршал фон Бок. Жукову – 45, весь его довоенный полководческий опыт ограничен Халхин-Голом; Гражданскую войну он закончил эскадронным командиром. Фон Боку – 61, за плечами – Польская кампания 1939 года, когда он командовал группой армий «Север», вторжение в Голландию, Бельгию и во Францию. Теперь, в 1941-м, войска Жукова оборонялись и отступали, войска фон Бока вели, как казалось, победоносное наступление. И все-таки, в конечном итоге, Жукову удалось переиграть фон Бока – думаю, что немалую роль здесь сыграла информация, полученная от разведки, хотя в своих «Воспоминаниях и размышлениях» маршал Жуков эту тему и не отмечал... А вы обратили внимание на то, что контрнаступление Красной армии под Москвой началось как раз в день рождения гитлеровского фельдмаршала – 5 декабря? Такой, вот, был сделан «подарок»...

В разведке не принято раскрывать источники информации. Поэтому нам остается только гадать, каким образом и через кого пришли в 1-е управление НКВД эти сведения, в принципе, относящиеся к компетенции военной разведки.

Но в это время каждый старался сделать все от него зависящее, и советские спецслужбы работали в очень тесном контакте, используя оперативные возможности друг друга.

Так, например, когда военная контрразведка получила информацию о том, что гитлеровцы намереваются применить на своем Восточном фронте боевые отравляющие вещества, эту информацию – через возможности внешней разведки – передали в британскую прессу. Англичане опубликовали скандальную информацию в своих ведущих газетах, сообщая, что в этой ситуации и они начнут «газовую войну» против войск вермахта. Предупреждение подействовало.

А вот, запрос, который Павел Фитин направил в Управление особых отделов НКВД 23 января 1942 года:

«1-му Управлению НКВД СССР срочно необходимы сведения о внутреннем режиме в Италии, которые можно получить путем допроса военнопленных.

Просим дать указание соответствующему отделу Вашего Управления о производстве допроса нескольких итальянских военнопленных солдат и офицеров, проживавших до отправки их на фронт в Риме, Милане, Турине, Триесте, Неаполе, Палермо и Бриндизи.

Желательно детально выяснить следующие вопросы:

1. Условия передвижения из города в город: нужны ли специальные разрешения для переездов и от каких именно органов, какого рода документы требуются при переездах, как осуществляется контроль на железнодорожном транспорте, водных путях, авиалиниях.

2. Какие города и зоны находятся на особом режиме. Условия переезда с материка на острова и на территории итальянских владений по северному побережью Африки и обратно.

3. Условия проживания в гостиницах: какие формальности необходимо соблюсти для прописки в гостиницах.

4. Условия поступления на работу.

5. Условия получения продкарточек.

6. Возможность открытия мелких торговых предприятий.

7. В связи с введением карточной системы почти на все продукты и товары, сохранились ли рынки, ярмарки, базары.

8. Какие возрастные контингенты призваны в армию, и какие категории лиц освобождены.

9. Часты ли проверки лиц, подозреваемых в дезертирстве, и каким образом они проводятся. <...>

Просим также выслать в адрес 1-го Управления все образцы документов, обнаруженных у пленных: внутренние паспорта (carta d'Identitia), удостоверения с места работы (carta dee laworo), членские билеты фашистских организаций (tessera dee Pwe), воинские и другие документы.

Начальник 1-го Управления НКВД СССР

старший майор госбезопасности Фитин»[15].

Думается, нет необходимости уточнять, с какой целью нужна была эта информация внешней разведке.

* * *

Мы уже говорили о директивах и приказах, определявших сферу деятельности каждой из спецслужб. Естественно, определенная корректировка происходила уже и, так сказать, в процессе работы.

---

[14] Украинские националистические организации в годы Второй мировой войны. Т. 1. 1939–1943. М., 2012. С. 433.

[15] Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 3: Крушение «блицкрига». Кн. 1. М., 2003. С. 56–57.

«Во время Второй мировой войны спецслужбы освоили новую сферу противоборства – радиоэфир. Здесь, в так называемом «четвертом измерении», разгорелась настоящая битва. Радиоигры с разведкой противника стали одним из направлений деятельности контрразведки. Первой на вооружение приняла их немецкая контрразведка, затем – контрразведка НКВД и ГУКР «Смерш».

«Война в эфире» с германскими спецслужбами была начата в 1942 году. Ее вели 4-е Управление под руководством П.А.Судоплатова, 1-й (немецкий) отдел 2-го Управления, в составе которого функционировало отделение по радиоиграм, а также территориальные органы НКВД СССР»[16].

Из сказанного можно понять, что у каждой из этих структур была, как говорится, «своя игра», в которую, разумеется, «соседей» и даже ближайших коллег не посвящали. А в результате могло получиться не только так, что дезинформация, допустим, Управления особых отделов противоречила бы той дезинформации, что передавало гитлеровцам ГРУ РККА, но и то, что различные наши разведывательные и контрразведывательные подразделения могли, в конце концов, начать «играть» друг против друга. Необходимая во избежание этого координация усилий сразу нескольких ведомств в разы повышала бы возможность утечки информации.

Поэтому Ставка приняла решение передать почти все радиоигры в ведение военной контрразведки, имевшей наиболее близкие отношения с руководством РККА и Генеральным штабом, которые оказывали активное содействие в подготовке дезинформационных материалов. Правда, по решению Верховного Главнокомандующего, Управлению особых отделов передали не всё:

«За нами оставили две радиоигры: операция «Монастырь» и «Послушники» <...>. Абакумов остался крайне недоволен, поскольку знал, что результаты этих операций докладываются непосредственно Сталину»[17], – вспоминал генерал Судоплатов, руководивший 4-м управлением НКВД.

Непосредственно внешняя разведка радиоиграми не занималась, и по таковой причине развивать эту очень интересную тему мы дальше не будем.

Упомянутый выше генерал-лейтенант Виктор Семенович Абакумов[18] в то время был еще начальником Управления особых отделов и заместителем наркома внутренних дел СССР; в апреле 1943 года он возглавил Главное управление контрразведки «Смерш» Наркомата обороны СССР, а 4 мая 1946 года был назначен министром госбезопасности СССР, но... Впрочем, рассказ об этом у нас еще впереди.

Как видим, Виктор Семенович был еще моложе Павла Михайловича – Сталин, кажется, в большей степени доверял молодым, нежели старым партийцам, имевшим связи с троцкистами и причастным к различным «уклонам»... Конечно, доверял он в определенных пределах.

* * *

...Есть много моментов, о наличии которых мы знаем, но ничего не можем рассказать, ибо наше знание не распространяется дальше самого факта.

Известно, например, что вскоре после начала войны часть подразделений внешней разведки – чуть ли не все основные службы – была передислоцирована в город Куйбышев, бывшую (и нынешнюю) Самару. Там, в частности, был расположен приемо-передающий центр. А еще, что туда вместе с оперативными делами 1-го управления был отправлен Павел Матвеевич Журавлев, место которого во главе германского отдела в Центре занял Александр Михайлович Коротков...

И всё, нам больше ничего не известно!

Над такими тайнами время не властно – по определенным причинам их не раскрывают и не раскроют даже многие десятилетия спустя. Так что ездил ли Павел Михайлович в город на Волге, не ездил, а если ездил, то когда, на сколько, и что он там делал – этого нам, к сожалению, не узнать.

Да нам даже и то неизвестно, как строился рабочий день Фитина: во сколько он начинался, когда заканчивался – ведь в те времена, как известно, многие руководители (а уж руководство НКВД, так и вообще без всякого сомнения[19]) подстраивались под Сталина, который привык работать по ночам, а потому преспокойно мог потревожить любого... Судоплатов пишет в воспоминаниях, что «по нашим правилам мы могли уйти с работы только после того, как позвонит секретарь наркома и передаст разрешение шефа идти домой»[20]. Но тут для руководства разведки в работе допоздна была своя выгода: кто ж не знает, что «шпионские» радиограммы приходят по ночам, да еще и с учетом разницы во времени между нами и Европой?

Хотя, думается, сугубо «кабинетным» работником Фитин не был. Вот эпизод, который вспомнил в своей книге легендарный разведчик Павел Георгиевич Громушкин:

«В середине 1942 года меня вызвал начальник разведки П.М.Фитин и по просьбе болгарского лидера устроил мне встречу с Георгием Димитровым[21]. Она проходила в здании Коминтерна, недалеко от ВДНХ, и продолжалась несколько часов»[22].

Можно понять, что с руководителем Коминтерна Георгием Димитровым Павел Фитин был знаком достаточно близко – в противном случае, контакт был бы установлен через партийные органы или руководство НКВД.

А есть загадки, которые в пол-

[16] Военная контрразведка. История, события, люди. Кн. 1, М., 2008. С. 125.

[17] Судоплатов П.А. Разведка и Кремль. Записки нежелательного свидетеля. М., 1996. С. 190.

[18] Абакумов Виктор Семенович (1908–1954) – генерал-полковник, министр госбезопасности СССР.

[19] Родной дедушка рассказывал, как зайдя поздно вечером в кабинет начальника областного управления НКВД, увидел сначала торчащие начищенные сапоги, а потом разглядел и самого начальника, мирно спавшего на диване в полном обмундировании и с револьвером в кобуре на поясе.

[20] Судоплатов П.А. Разведка и Кремль. Записки нежелательного свидетеля. М., 1996. С. 71.

[21] Димитров Георгий Михайлович (1882–1949) – лидер Коминтерна, генеральный секретарь центрального комитета Болгарской компартии.

[22] Громушкин П.Г. Разведка: люди, портреты, судьбы. М., 2002. С. 143.

ном смысле находятся на поверхности, они видны буквально всем и каждому – но ответа все равно не найти.

Если посмотреть на фотографии Павла Михайловича, то среди его наград можно увидеть такие, скажем так, достаточно «экзотические» ордена, как орден «Красное Знамя» Монгольской Народной Республики и орден «Красное Знамя Тувинской народной республики» (именно так указано в очередном наградном листе Фитина – представлении на медаль «За боевые заслуги», где перечислены его предыдущие награды). Оба ордена получены в 1942 году.

И возникает вопрос: за что даны эти награды? Время же было совсем не то, когда соответствующие ведомства социалистических стран обменивались официальными делегациями, ну а при том осуществлялся и этакий официальный «обмен» орденами.

Напоминаем, к тому же, что такое Тува. В 1944 году она вошла в состав СССР на правах автономной области, а вот до этого… Берем «Политический словарь»:

«Тувинская Народная Республика – государство в Центральной Азии, между СССР и Монгольской Народной Республикой. Площадь – 170 тыс. кв. км; население – 86 тыс. (4/5 – тувинцы). Столица – Кызыл. С 1921 г. Тувинская республика – народная антиимпериалистическая республика нового типа, закладывающая основы для постепенного перехода на путь некапиталистического развития. Верховная власть принадлежит Великому народному хуралу – Съезду народных представителей. Единственная политическая партия – тувинская народно-революционная партия, сочувствующая Коминтерну. Важнейшая отрасль хозяйства – кочевое скотоводство; в долинах рек – поливное земледелие. Много полезных ископаемых; пока разрабатывается только золото»[23].

Очень интересная и весьма необычная справка!

Но нас все же больше интересует, почему два соседних государства отметили вдруг своими орденами Красного Знамени руководителя советской разведки НКВД? Ответа нет… (Об этих орденах и о том, что Фитин был награжден ими в 1942 году, написано в вышеупомянутом наградном листе. Между тем, в разного рода современных справочных материалах про монгольский орден не упоминается вообще, а тувинский относится к 1943 году, но называется он «Орден Республики», и написано, что он был награжден указом – чьим-то – от 18 августа 1943 года).

В том же наградном листе написано, что Павел Фитин был награжден шестью медалями – и теперь представляется к седьмой. Медаль «За боевые заслуги» следовала ему за выслугу лет – была такая система, когда при очередном сроке выслуги следовала сначала медаль, а потом ордена. Награда-то совсем не генеральская, но ведь общей выслуги Павлу Михайловичу насчитано, в соответствии с этим документом, двенадцать лет и три месяца. Другому бы с такой выслугой за счастье в майорах быть, а он-то – генерал-лейтенант… Но если посмотреть на его медали, запечатленные на фотографии, то вновь натыкаешься на загадку: на орденских планках, в числе других наград, с очень большой вероятностью можно атрибутировать медали «За оборону Москвы» и «За оборону Кавказа». С Москвой – вопросов нет, а вот Кавказ? По статусу, эта награда вручалась «военнослужащим и лицам вольнонаемного состава частей, соединений и учреждений Красной Армии, Военно-Морского Флота и войск НКВД только фактически участвовавшим в обороне Кавказа не менее трех месяцев в период июль 1942 года – октябрь 1943 года». Все эти очень уважаемые награды, врученные потом, в 1944-м, Павел Михайлович заслужил именно в 1942 – 1943 году, но за какие отличия – мы, к сожалению, сказать не можем. Сам же он, перечислив в одной из анкет все свои награды – названия орденов и количество медалей – написал так: «За добросовестную работу в органах госбезопасности». Кому следует – тот и знает, за что.

В феврале 1942 года ему был также вручен знак «Заслуженный работник НКВД СССР».

* * *

Как приятно рассказывать об успехах и достижениях! Однако в то же самое время внешняя разведка несла и чувствительные потери.

В июле 1942-го были схвачены сотрудники внешней разведки Владимир Молодцов, руководитель подпольной группы в Одессе, и Иван Кудря, руководитель разведывательно-диверсионной группы в Киеве; оба они после жестоких пыток, были казнены. В то время Кудря и Молодцов работали по линии 4-го управления НКВД, но разве это могло сделать для Фитина гибель его людей менее горькой?

Большим ударом – и лично для Фитина, и вообще для разведки – стала и трагическая смерть легендарного Арнольда Дейча. После того, как его группа не смогла добраться до Южной Америки по азиатскому маршруту и возвратилась в Москву, в Центре было принято решение направить ее пароходом через Северную Атлантику. Но 7 ноября 1942 года танкер «Донбасс», на котором находился разведчик, подвергся торпедной атаке немецкого эсминца и был им потоплен. Известно, что Арнольд Дейч геройски погиб, самоотверженно спасая других пассажиров…

Горькие вести приходили в 1942-м году и из Германии. Насколько мы знаем, с началом Великой Отечественной войны радиосвязь Центра с антифашистами «Красной капеллы» была утрачена, а несколько попыток ее восстановления успеха не принесли. В частности, в Великобританию были направлены два опытных агента, которых должны были сбросить с парашютом на германскую территорию – однако во время тренировок один из них получил травму, был госпитализирован, и десантирование отменили.

Все-таки, через другие каналы, «Старшине» удалось передать в Центр ряд очень ценных со-

[23] Политический словарь. М., 1940. С. 582.

общений – в частности, о том, что люфтваффе понесло большие потери в летних боях 1941 года, и что в немецкие ВВС с заводов поступает меньше самолетов, чем необходимо; что германская разведка не только разгромила на Балканах разведывательную сеть англичан, но перевербовала нескольких радистов и начала «радиоигру»; что, вопреки усиленно продвигаемой дезинформации Абвера, направление основного удара вермахта в кампании 1942 года будет нацелено не на Москву, а в сторону Сталинграда и Кавказа.

Последняя информация опять-таки не нашла должного понимания в Кремле: после разгрома гитлеровцев под Москвой, Сталин думал, что война закончится довольно скоро, так что в приказе Верховного Главнокомандующего от 1 мая 1942 года было даже сказано: «Еще полгодика, еще, может быть, годик, и гитлеровский зверь рухнет под тяжестью своих преступлений». Вот и ждали, что в последнем своем усилии этот самый зверь все-таки попытается дотянуться до Москвы, от которой немецкие войска стояли всего-то в ста пятидесяти километрах... Но ведь даже глава польского правительства в изгнании Владислав Сикорский[24] считал, что гитлеровцы поступят по-иному – в своем письме британскому министру иностранных дел Антони Идену он писал:

«Мы верим, что Россия не потерпит военного поражения. Она может проиграть еще одно или несколько сражений. Значительных усилий потребуется Красной Армии, чтобы сохранить за собой нефтяные месторождения на Кавказе. Если немцы удержат существующую на сегодня линию фронта, то вполне вероятно, что они ударят в скором времени в направлении Ростова и Краснодарского края»[25].

Сикорский был человек военный и профессионально оценивал обстановку – а у нас все еще продолжали верить в «политическую мудрость» и «классовое чутье», что, как известно, чуть было не привело Советский Союз к катастрофе в 1942 году. Силы Красной армии были распылены для наступления буквально на всех основных направлениях, вследствие чего не смогли сдержать удар гитлеровского «кулака» в сторону Сталинграда и Кавказа...

...В августе 1942 года на территорию оккупированной гитлеровцами Белоруссии были заброшены два агента – антифашист Альберт Хесслер («Франц»), эмигрировавший из Германии задолго до войны, и бывший солдат вермахта Роберт Барт («Бек»), из числа военнопленных, получившие подготовку в советской разведшколе. Под видом отпускников они добрались до Берлина, но вскоре оказались в руках гестапо... Агенты исчезли в начале сентября, но потом вышли на связь в середине следующего месяца.

«14 октября 1942 года Барт передал в Центр радиограмму, которая была особенно несвойственна его манере работы на радиоключе и расшифровать которую так и не смогли. Вскоре поступила радиограмма от Хесслера. Ее содержание также не поддавалось расшифрованию. Никто из тех, кто непосредственно был связан с приемом и докладом телеграмм, не обратил внимания на необычный характер сообщений из Берлина. Мало того, спустя какое-то время Роберту Барту, доложившему об исчезновении Хесслера, были переданы явки к ценным связям. По-видимому, в Центре сочли, что в этих обстоятельствах ему следовало взять на себя роль групповода оставшихся в Берлине источников информации.

Однако вместо ценных сведений от Барта поступили путаные объяснения, из которых следовало одно: все явки по какой-то причине провалены.

Последующий анализ, проведенный в начале 1943 года, показал, что от имени Хесслера с Центром работало гестапо...»[26].

Чтобы сообщить в Центр – «работаю под контролем», радисту следовало всего лишь «случайно сбиться» и вновь повторить несколько групп текста. Опытные работники на приеме сразу бы заподозрили неладное, вот только опытных-то в результате известных нам событий оставалось не так-то и много, да и связь по причине огромного расстояния, оказалась отвратительной... Сигнал опасности услышан не был.

В общем, по этой – но также и по целому ряду иных причин (если нам когда-нибудь поручат написать соответствующий учебник, мы эти причины проанализируем детально, а в биографической книге делать это не имеет смысла) – агентурная сеть была провалена. Были захвачены разведывательные группы «Красной капеллы» не только в Германии, но и в оккупированных Бельгии, Франции, Голландии. К суду по делу «Rote Kapelle» было привлечено свыше шестисот человек, многие из них были казнены...

Когда мы говорим о «Красной капелле», то называем «Старшину» – Харро Шульце-Бойзена одним из ее руководителей, но не задумываемся о том, какой же группой он руководил. На этот вопрос отвечают историки:

«Группа Шульце-Бойзена являлась важным звеном советской разведывательной сети в Западной Европе, которой нацисты дали название «Красная капелла». Осенью 1942 г. эта группа была раскрыта гестапо и немецкой военной разведкой. До конца года было арестовано 130 ее членов. Пятеро из них были замучены еще в ходе следствия, сорок девять казнены по приговору суда, остальные отправлены на каторгу и в тюрьмы»[27].

Заметим – сто тридцать из шестисот, то есть почти четвертая часть – это и была группа Шульце-Бойзена...

Сложно сказать, насколько был виноват в провале агентурной сети начальник 1-го управления НКВД – но всяко, определенная доля

[24] Сикорский Владислав (1881 – 4 июля 1943) – польский военачальник и политик, генерал брони (генерал-полковник), глава правительства Польши в изгнании. 30 июля 1941 подписал договор с СССР о возобновлении дипломатических отношений; погиб в авиационной катастрофе около Гибралтара.

[25] Мировые войны XX века. Кн. 4. Вторая мировая война. Документы и материалы. М., 2002. С. 334.

[26] История Российской внешней разведки. Очерки. Т. 4. М., 2014. С. 136–137.

[27] Мировые войны XX века. Кн. 3. Вторая мировая война. Исторический очерк. М., 2002. С. 412.

вины лежит и на нем, как на руководителе...

Вот как писал об этом ветеран внешней разведки Виталий Чернявский[28], лично знавший Павла Фитина и работавший под его руководством:

«Генерал-лейтенант П.Фитин бесспорно обладал выдающимися организаторскими способностями. Но этого мало. Не зря говорят: «Настоящим разведчиком, как и поэтом, нужно родиться». Вот таким самородком и был Павел Михайлович. Приход его в разведслужбу совершился не по его желанию. Судьба распорядилась так, что он быстро поднялся по карьерной лестнице, не имея, в сущности, достаточного понятия о разведывательном деле. Ведь Фитин возглавил такую специфическую службу, не побывав ни разу в долгосрочной загранкомандировке. У него не было ни малейшего опыта в работе с агентурой. Он не провел ни одной вербовки. Психология оперативного работника была ему совершенно чужда. Вот почему центральный аппарат внешней разведки НКВД особенно в 1939–1942 годах совершил такие крупные ошибки, так грубо нарушал конспирацию, как это было с берлинской резидентурой Корсиканца – Старшины. У Павла Михайловича просто не хватало разведывательного чутья, конспиративного инстинкта...»[29]

И на том мы обрываем цитату. Те качества, о которых писал Виталий Геннадьевич, вырабатываются долгими годами и опытом работы «в поле», и никакая «партийная убежденность», «опора на труды классиков» – и даже изучение учебников, которых тогда, впрочем, еще и не было, не заменит практического опыта. Но ведь допущенные нарушения – об это далее пишет Чернявский – просмотрели даже «опытные разведчики П.М.Журавлев и А.М.Коротков, возглавлявшие тогда немецкое направление».

Далее автор делает фатальный вывод «Что делать? И на старуху бывает проруха!» Профессионал высокого класса, уж он-то в этом понимает и не старается, опираясь на свой впоследствии накопленный опыт, кого-либо осуждать – как это порой любят делать историки, прекрасно знающие, что к чему приведет...

Ну а мы в очередной раз вспоминаем анекдот времен Первой мировой войны: «Война, господин капитан...» Нет сомнения, что в другое время все делалось бы гораздо более аккуратно и тщательно!

Это подтверждает и Виталий Геннадьевич Чернявский

«Одна из основных причин провалов наших нелегальных резидентур – это нарушение Центром правил безопасности. Сейчас мы понимаем: так поступали вынужденно, как говорится, не от хорошей жизни. Высшее руководство требовало все больше секретных сведений о противнике, развернувшем против нас молниеносную войну, не считаясь с тем, что нелегалам-радистам приходилось буквально часами «висеть» в эфире, передавая растущий поток информации. Но объективно это был подарок немецким контрразведчикам: они успевали точно засечь координаты раций.

Наши разведчики видели серьезную для себя опасность, но шли на большой риск, лишь бы своевременно передать в Москву полученную важную информацию. Вольно или невольно они становились своего рода камикадзе»[30].

В том же проклятом 1942 году гестаповцами был арестован и тайно казнен гауптштурмфюрер СС Вилли Леман, их гестаповский коллега, он же агент – советской разведки «Брайтенбах». Сберегая «честь мундира», происшедшее постарались скрыть. Известно, что Лемана «провалил» агент «Бек», слишком торопливо подготовленный к заброске в германский тыл. Оказавшись в Берлине, Барт, вопреки инструкции, поспешил навестить жену, которая, как супруга пропавшего без вести солдата, находилась под наблюдением контрразведки... «Бек» был задержан Абвером, признался в своих связях с советской разведкой и навел контрразведчиков на Хесслера и на Лемана.

Кстати, Роберт Барт дожил до конца войны, оказался в американском плену, был передан советской стороне – и приговорен к расстрелу...

...Может показаться, что вся сеть агентурная советской внешней разведки в Германии и оккупированных гитлеровцами странах была провалена и разрушена, однако руководитель германской политической разведки Вальтер Шелленберг впоследствии вспоминал:

«“Красная капелла” продолжала действовать до самого конца войны. Эта молчаливая борьба становилась все более упорной и охватила, в конце концов, не только Германию и оккупированные ею страны, но и другие страны мира»[31].

Действительно, мы можем признать, что на немецкой земле продолжали работать агенты внешней разведки «Ян», «Десяток», «Шустрый»... К концу 1943 года на территории Германии и союзных ей стран действовало 97 разведчиков-нелегалов, десять человек из них – немцы. Можно также уточнить, что всего на этот период в 27 странах мира действовало порядка 190 разведчиков-нелегалов.

Можно понять, что не все было так просто, как это может показаться с первого взгляда...

* * *

К сказанному выше необходимо добавить, что в 1942 году – по крайней мере, в первой, а то и в большей, его половине – наше высшее руководство еще до конца не научилось верить спецслужбам. Да и вообще – специалистам. Мы уже говорили о том, как Верховный Главнокомандующий, вопреки мнению военачальников, построил летнюю кампанию по своему разумению, и что из этого вышло. Мы должны также сказать о том, что мнение разведки вообще не было услышано...

Первую информацию о том, что главный удар в летнюю кампанию 1942 года гитлеровские войска будут наносить на юге, внешняя раз-

[28] Чернявский Виталий Геннадьевич (1920–2005) – полковник КГБ СССР, журналист и писатель.

[29] Чернявский В.Г. Разведка. Вымыслы и правда. М., 2004. С. 56.

[30] Чернявский В.Г. Разведка. Вымыслы и правда. М., 2004. С. 17.

[31] Шелленберг В. Лабиринт. Мемуары гитлеровского разведчика. М., 1991. С. 278.

ведка передала в Ставку ВГК в начале еще января, когда немцев гнали от Москвы. 17 января поступило сообщение о заметном увеличении военных перевозок в южном направлении.

«23 марта 1942 г. НКВД СССР представил в ГКО специальное сообщение о готовящемся наступлении на советско-германском фронте. В частности, говорилось, что к предстоящему наступлению немецкое командование сосредоточит на Восточном фронте до 300 дивизий, из которых до 200 – немецких, а остальные 100 – от союзных Германии стран... Все эти дивизии будут снабжены новейшим оружием и артиллерией, танками и самолетами. Главный удар будет нанесен на южном участке фронта с задачей прорваться через Ростов к Сталинграду и на Северный Кавказ, а оттуда – по направлению к Каспийскому морю, этим путем немцы надеются достигнуть источников кавказской нефти и в последующем через Иран и Ирак выйти в тыл английским и советским войскам, действовавшим на Ближнем Востоке. В случае удачного исхода операции с выходом к Волге у Сталинграда, немцы намерены повести наступление на Север и предпримут основные операции против Москвы и Ленинграда, так как захват их является для немцев делом престижа.

Информация НКВД СССР о планах вермахта шла непрерывно»[32].

Точнее, не только о планах, но и о конкретных мероприятиях по подготовке к сокрушительному – как казалось гитлеровцам – наступлению.

Но по той причине, что разгильдяи встречаются даже среди дисциплинированных и педантичных немцев (хотя, конечно, гораздо реже, нежели у нас), советское командование получило еще и неоценимый, как казалось, подарок.

Гитлеровское руководство держало план операции «Блау» – летне-осеннего наступления на южном фланге своего восточного фронта – в строжайшем секрете. Но 19 июня 1942 года начальник оперативного отдела 23-й дивизии майор Рейхель решил взглянуть на район дислокации своего соединения с воздуха и уточнить планы совместных действий с соседями, а чтобы как следует во всем разобраться, он взял с собой все имевшиеся у него карты с нанесенной обстановкой и оперативные документы. Рекогносцировка не удалась: летчик лейтенант Дехант немножко заблудился, в результате чего самолет был сбит над нейтральной полосой. Майор погиб, его портфель с документами оказался в руках нашей войсковой разведки, ну а затем – в штабе фронта.

Казалось бы, все предельно ясно! Но кто-то стал говорить, что это – подстава, что нам таким путем просто подбросили дезинформационные материалы...

Но ведь немцы-то готовились к своему наступлению всерьез, в том числе и по линии Абвера. В частности, чтобы скрыть направление главного удара, в ОКХ был разработан дезинформационный план «Кремль». По этому плану, в соответствии с легендой, командующий группой армий «Центр» генерал-фельдмаршал Ханс Гюнтер фон Клюге подписал 29 мая приказ о наступлении на Москву, в котором войскам якобы ставилась задача: «Разгромить вражеские войска, находящиеся в районе западнее и южнее столицы противника, прочно овладеть территорией вокруг Москвы, окружив город, и тем самым лишить противника возможности оперативного использования этого района». Насколько известно, было сделано девять экземпляров этого «документа».

Ну а далее Абвером было предпринято все возможное, чтобы этот план стал известен командованию Красной Армии. Нет сомнения, что хотя бы один экземпляр с подписью генерал-фельдмаршала коим-то совершенно естественным образом оказался в руках советского командования... Подробности нам неизвестны.

Зато известно, что документ с «руководящей» подписью перевесил всю информацию наших от источников – даже ту, что удалось получить от надежнейшего «Старшины» очень окольным путем, через Бельгию, – перевесил сведения добытые войсковой разведкой, оперативными отрядами 4-го управления НКВД, ну и так далее... Хотя кто тут скажет, что именно оказалось весомее: подпись германского генерал-фельдмаршала или уверенность нашего Верховного Главнокомандующего?

Ведь Сталину очень хотелось, чтобы все было именно так, как говорилось в подброшенном Абвером документе – это вполне соответствовало его «полководческой концепции»...

* * *

В 1942 году вновь произошли перемены в руководстве у «соседей»: в августе генерал-майор Панфилов стал заместителем командующего 3-й танковой армией, остановившей наступление гитлеровцев южнее города Козельска, прозванного еще татаро-монголами, в XIII веке, «Злым городом». Исполняющим обязанности начальника Главного разведывательного управления Красной армии на целых два года стал генерал-лейтенант Иван Иванович Ильичев, который с июля 1941-го был военным комиссаром сначала Разведуправления, а затем и Главного разведуправления Генштаба Красной армии; в должности начальника ГРУ он будет утвержден только в августе 1944-го. Заметим, что это уже был четвертый начальник военной разведки за тот самый период, когда Павел Фитин бессменно руководил Разведуправлением НКВД – НКГБ...

УДАР ПО «ЦИТАДЕЛИ»

Новый 1943 год начался 2 февраля – в тот самый день, когда в Сталинграде капитулировала окруженная 6-я немецкая армия.

«Разгром на Восточном фронте зимой 1942/43 г. крупных сил вермахта и союзных Германии войск надломил хребет всему фашистскому блоку, и вскоре Италия, Румыния, Венгрия и Финляндия начали активные поиски контактов со странами антигитлеровской коалиции с целью выхода из войны.

[32] Христофоров В.С. Органы госбезопасности СССР в 1941–1945 гг. М., 2011. С. 208.

Развернувшиеся события положили конец расчетам на вступление в войну против СССР Турции и Японии, явились решающим стимулом роста движения Сопротивления в Европе и Азии. «Победа под Сталинградом, – пишет известный британский историк Дж. Эриксон, – работая как мощный реактор, воздействовала на все последующие события на Восточном фронте и в целом»[33].

Начало 1943 года было ознаменовано еще несколькими громкими победами Красной армии: 18 января была прорвана блокада Ленинграда, 8 февраля войска Воронежского фронта освободили город Курск, а 12 февраля войска Северо-Кавказского фронта – Ростов-на-Дону...

Однако тут-то союзники и не преминули снизить наше победно-радостное настроение, аккуратно подложив нам «ложечку дегтя».

Перед тем президент Рузвельт назвал Сталинградскую битву «эпической борьбой, решающий результат которой празднуют все американцы», а премьер-министр Черчилль оценил победу под Сталинградом как «изумительную» – но зато после этих красивых и вполне справедливых слов, 9 февраля, сэр Уинстон написал Иосифу Виссарионовичу, что открытие второго фронта переносится на август – сентябрь 1943 года... Это было уже третье перенесение сроков открытия давно обещанного второго фронта.

Хотя, конечно, данное пренеприятное известие и не было особым сюрпризом для Кремля, потому как сообщения на эту тему приходили на Лубянку с различных сторон. К примеру, японский посол в Турции пообщался с тамошним министром иностранных дел, и министр доверительно рассказал ему о переговорах сэра Уинстона Черчилля с президентом Турции Исметом Иненю, проходивших в конце января, после чего посол честно докладывал в свой МИД собственные соображения:

«А. Английские цели и стремления основаны, прежде всего, на надежде, что как Германия, так и Россия в процессе борьбы сильно ослабнут и погибнут. Исходя из этих соображений, Англия и строит свою основную политику...

Б. Признавая, что германское весеннее наступление будет серьезным и значительным, англичане все же совершенно определенно уверены, что это наступление не решит судьбу русских армий, во всяком случае, в течение 1943 г. Таким образом они, очевидно, пока будут наблюдать за развитием этого наступления и, предпринимая одновременно специальные меры предосторожности, чтобы предотвратить заключение сепаратного мира между Германией и Россией, станут ждать взаимного ослабления обеих держав.

В. Если советские армии окажутся в критическом положении, англичане сделают все от них зависящее, чтобы помешать Германии одержать решительную победу. В частности, чтобы сдержать германское наступление, они усилят свои наступательные операции в Северной Африке и на других фронтах и сделают вид, что собираются вторгнуться в Европу.

Г. Если дело плохо обернется для германских армий и появится опасность, что они не захотят дальше сражаться, то, оценивая существующее положение, невозможно отрицать тот факт, что Англия поторопится заключить мир с Германией, чтобы таким образом предупредить опасность большевизации Европы... <...>»[34].

Спецсообщение это подписано Павлом Фитиным.

Ну как тут ни вспомнить сакраментальное черчиллевское – «Что может быть хуже союзников?»! А японец, однако, молодец – весьма проницательный! Насчет того, что «сделают вид, что собираются вторгнуться в Европу» – вообще блестящая оценка перспектив второго фронта! Ну а на пункт «Г.» следует обратить особое внимание.

Было также известно, что именно в этот период в США и Великобритании стали возникать различные тенденции и мысли, даже писались доклады о том, как дальше поведет себя Россия. Не пойдет ли она на замирение с Германией, чтобы создать некий континентальный блок и сделать невозможной высадку союзников во Франции и в целом в Европе?

Но так думали союзники, а нашему руководству и командованию было ясно, что летом 1943 года предстоят большие бои, и вполне возможно, что решающие.

Между тем, опыт двух прошедших лет войны свидетельствовал: Красная армия побеждает в зимних кампаниях, но терпит поражение в летних.

А ведь впереди была именно летняя кампания, и командование вермахта, как и руководство Германии, рассчитывало взять реванш за Сталинград... Однако есть такая русская поговорка: играй, да не отыгрывайся! Но Гитлеру хотелось именно что отыграться – к тому же, как это нередко кажется излишне азартным игрокам, для этого у него складывались исключительно благоприятные обстоятельства.

«Замысел наступательной операции под Курском возник в ставке Гитлера сразу после окончания боев под Харьковом. <Харьковская оборонительная операция советских войск продолжалась с 4 до 25 марта 1943 года. – А.Б.> Сама конфигурация фронта в этом районе подталкивала фюрера к нанесению ударов по сходящимся направлениям. В кругах германского командования были и противники такого решения, в частности Гудериан. В то время он отвечал за производство новых танков для германской армии и придерживался той точки зрения, что не следует использовать их в качестве главной ударной силы в большом сражении – это может привести к напрасной растрате сил. Стратегия вермахта на лето 1943 года, по мнению таких генералов, как Гудериан, Манштейн и ряда других, должна была стать исключительно оборонительной, максимально экономной в плане расхода сил и средств.

Однако большинство немецких военачальников активно поддер-

[33] Мировые войны XX века. Кн. 3. Вторая мировая война. Исторический очерк. М., 2002. С. 155.

[34] Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 4: Секреты операции «Цитадель». Кн. 1. М., 2008. С. 257.

живали наступательные замыслы фюрера. Среди них шел спор в основном только о сроках удара под Курском...»[35].

Советское командование хотело не только закрепить, но и развить достигнутый успех, и по завершении Сталинградской битвы Ставка работала над планом стратегического наступления с целью разгрома группы армий «Центр» и «Юг». Политическое руководство нашего государства рассчитывало тем самым сокрушить оборону гитлеровцев от Смоленска до самого Черного моря, освободить важнейшие экономические районы Левобережной Украины, изгнать войска противника с Северного Кавказа и из Центральной Росси и выйти за реку Днепр.

Однако оперативная обстановка и информация, получаемая всеми видами разведки, существенно переменили эти планы.

Приводимое спецсообщение в Государственный Комитет Обороны, основанное на полученных из Лондона материалах, подписал нарком Меркулов – очевидно, ввиду особой его важности. А может, Всеволоду Николаевичу просто захотелось «отметиться» перед членами ГКО СССР в своей новой должности: 14 апреля был вновь образован Народный комиссариат госбезопасности СССР и Меркулов опять занял должность наркома.

«Резидент НКГБ в Лондоне сообщает полученный агентурным путем текст телеграммы, отправленной 25 апреля из Южной группы германских войск за подписью генерал-фельдмаршала фон Вейхса[36] в адрес оперативного отдела верховного командования армии:

«Исчерпывающая оценка готовности противника противодействовать проведению плана 'Цитадель' остается такой же...

Основная концентрация сил противника, которые, очевидно, были еще некоторое время тому назад на северном фланге группы армий 'Юг', может быть теперь ясно определена в основном районе будущих операций: Курск – Суджа – Волочанск – Острогожск...

Однако сейчас неизвестно, преследует эта концентрация сил наступательные или оборонительные цели. В настоящее время бронетанковые и механизированные соединения равномерно распределены по группам за линией фронта как стратегические резервы в предвидении немецкого наступления. Пока нет никаких указаний на слияние этих групп в более крупные соединения или на появление их на линии фронта...

Для противодействия осуществлению плана 'Цитадель' противник располагает сейчас приблизительно 90 соединениями, находящимися к югу от линии Белгород – Курск – Малоархангельск. Наступление частей группы армий 'Юг' встретит упорное сопротивление противника в глубоко эшелонированной и хорошо подготовленной главной оборонительной зоне с многочисленными зарытыми в землю танками, с сильными артиллерийскими и местными резервами. Основные усилия обороны будут сосредоточены в главном секторе Белгород – Томаровка...»[37].

Делаем остановку на этом важнейшем месте документа. Перечитайте последнее предложение – о том, где будут сосредоточены основные усилия обороны Красной армии: в секторе Белгород – Томаровка, то есть на южном фасе так называемого Курского выступа, прямо под левым его основанием. Гитлеровское командование это знало! (Конечно, фельдмаршал фон Вейхс докладывал в ОКХ[38] о положении на своем, южном направлении – а ведь был еще и северный фас...) Запомним этот момент. Ну а пока вновь возвращаемся к спецсообщению:

«В настоящее время трудно предугадать, попытается или нет противник избежать угрозы окружения путем отхода на восток, которая <угроза окружения. – А.Б.> последует за прорывом основных участков на линии фронта Курск – Белгород – Малоархангельск...

В заключение необходимо отметить, что события указывают скорее на оборонительные, чем наступательные, намерения противника. Это является совершенно безошибочным в отношении сектора фронта, занимаемого 6-й армией и 1-й бронетанковой армией. Можно предполагать, что в случае переброски подкреплений в район севернее фронта группы армий 'Юг' и с началом продвижения стратегических резервов к линии фронта и их слияния в более крупные соединения наступательные действия противника станут более реальными, однако и при этом условии противнику не удастся даже предупредить выполнения нами плана 'Цитадель'...»

Резидент НКГБ СССР указывает, что название «Цитадель», упоминавшееся ранее в распоряжениях и донесениях германского командования, относится к подготовляемой операции по прорыву нашего фронта в районе Курск – Белгород, а не к городу Великие Луки, как это предполагалось ранее.

Народный комиссар государственной безопасности СССР Меркулов»[39].

Нет, очевидно, смысла объяснять, что получить этот материал советской разведке помог Джон Кернкросс, работавший в службе радиоперехвата и дешифрования, которую обычно именовали Блетчли-Парк, по месту ее расположения. Дешифрованные материалы отсюда отправлялись всего нескольким официальным лицам: премьер-министру Великобритании, военному министру, руководителю разведки и еще, буквально, двум-трем высокопоставленным чиновникам. Ну и еще, как мы понимаем, комиссару госбезопасности 3-го ранга Павлу Фитину.

Историки так говорят про работу «Листа» в тот период:

«Он передал важнейшие данные о готовящемся наступлении

[35] Мировые войны XX века. Кн. 3. Вторая мировая война. Исторический очерк. М., 2002. С. 159.

[36] Вейхс Максимилиан фон (1881–1954) – командующий группой армий «Б», генерал-фельдмаршал.

[37] Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 4: Секреты операции «Цитадель». Кн. 1. М., 2008. С. 444–445.

[38] Главное командование сухопутных войск вермахта.

[39] Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 4: Секреты операции «Цитадель». Кн. 1. М., 2008. С. 444–445.

немцев на Курской дуге, указал примерные сроки наступления, технические параметры нового немецкого танка «Тигр» и другие сведения.

Своей самоотверженной работой он внес серьезный вклад в нашу победу под Курском и на других фронтах»[40].

Через службу радиоперехвата и дешифрования проходило довольно много разнообразных материалов, и для британского руководства, разумеется, особый интерес представляли те из них, которые непосредственно касались Англии. Все остальные сообщения – а их, разумеется, было подавляющее большинство – в том числе и информация относительно событий на советско-германском фронте, так сказать, «принимались к сведению», после чего в подавляющем своем большинстве уничтожались. Причем, уничтожались они без всяких «актов о списании», да и вообще без какого-либо учета. Так что разведчик без особых усилий забирал и передавал сотруднику резидентуры все документы, которые могли представлять интерес для Москвы. Не стеснялся он и заглядывать в «ящик для уничтожения», куда сбрасывали расшифрованные сообщения его коллеги... Также, в силу положения, занимаемого им в британской контрразведке, знакомился с материалами дешифровки документов германского командования Энтони Блант – «Тони». А в результате Центр получал достаточно большое количество документов, которые сами англичане не хотели передавать советским представителям, чтобы не раскрыть свою тайну «Энигмы».

В частности, Кернкросс передал в Москву шифры позывных люфтваффе, и это позволило советскому командованию организовать несколько ударов по скоплениям немецких самолетов, сосредоточенных перед началом больших сражений...

Уточним, кстати, относительно связи «Цитадели» и города Великие Луки, крупного железнодорожного узла и промышленного центра, входившего тогда в Калининскую область. Этот город, превращенный гитлеровцами в серьезный оборонительный пункт, был освобожден 17 января 1943 года, но еще до августа 1944 года (!) фронт стоял в 15–20 километрах от Великих Лук. В центре города находился и до сих пор сохраняется огромный земляной вал старинной крепости – последний оплот обороны гитлеровцев в январе 43-го. Очевидно, эта великолукская цитадель и дезориентировала наших стратегов – тем более что дорога через Великие Луки напрямую ведет на Москву...

...Думается, каждому понятно, что в это время и Красная армия не сидела в пассивном ожидании – мол, чего там новенького сообщит разведка о планах противника, откуда нам его теперь ждать?

Вот что писал в своих знаменитых «Воспоминаниях и размышлениях» маршал Георгий Константинович Жуков:

«Войска фронтов, каждый в полосе своих действий, вели усиленную авиационную и войсковую разведку. В результате в начале апреля у нас имелись достаточно полные сведения о положении войск противника в районе Орла, Сум, Белгорода и Харькова. Проанализировав их, а также те данные, которые удалось получить с более широкого театра военных действий, и обсудив все с командующими Воронежским и Центральным фронтами, а затем с начальником Генштаба А.М.Василевским, я послал Верховному следующий доклад:

«Товарищу Васильеву.

5 ч. 30 мин. 8 апреля 1943 г.

Докладываю свое мнение о возможных действиях противника весной и летом 1943 года и соображения о наших оборонительных боях на ближайший период.

<...> Исходя из наличия в данный момент группировок против наших Центрального, Воронежского и Юго-Западного фронтов, я считаю, что главные наступательные операции противник развернет против этих трех фронтов, с тем чтобы, разгромив наши войска на этом направлении, получить свободу маневра для обхода Москвы по кратчайшему направлению.

2. Видимо, на первом этапе противник, собрав максимум своих сил, в том числе до 13–15 танковых дивизий, при поддержке большого количества авиации нанесет удар своей орловско-кромской группировкой в обход Курска с северо-востока и белгородско-харьковской группировкой в обход Курска с юго-востока...»[41]

А вот что вспоминал начальник оперативного управления Генштаба генерал армии Сергей Матвеевич Штеменко:

«...Генеральный штаб неослабно следил за противником. Данные о нем носили несколько противоречивый характер. И разведчики, и операторы сходились на том, что у него появились признаки осторожности, иногда переходящей в нерешительность. Тем не менее, в районе Орла, Белгорода и Харькова он по-прежнему сохранял ярко выраженные авиационно-танковые ударные группировки, мощь которых все время наращивалась. Это обстоятельство расценивалось как прямое доказательство наступательных намерений врага.

В конце марта и в апреле в Ставке и Генеральном штабе состоялся обмен мнениями относительно того, где и как решать главные задачи войны летом 1943 года. На сей счет было запрошено мнение авторитетных военачальников, представлявших Ставку в действующей армии, а также некоторых командующих фронтами.

Вопрос «где» не являлся тогда слишком трудным. Ответ на него мог быть только один – на Курской дуге. Ведь именно в этом районе находились главные ударные силы противника, таившие две опасные для нас возможности: глубокий обход Москвы или поворот на юг. С другой стороны, и сами мы именно здесь, то есть против основной группировки врага, могли применить с наибольшим эффектом наши силы и средства, в первую очередь крупные танковые объединения. Все прочие направления, даже при условии успешных наших действий не сулили Советским Вооруженным Силам таких перспектив, как Курская дуга. К такому выводу в

[40] История Российской внешней разведки. Очерки. Т. 4. М., 2014. С. 184.

[41] Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. 10-е издание. Т. 3. М., 1990. С. 13–14.

конечном счете пришли и Ставка, и Генеральный штаб, и командующие фронтами»[42].

В общем, было понятно место, но точное направление удара – или ударов, каковы силы противника и ряд иных, так сказать, технических вопросов оставались неизвестны.

Про сосредоточение гитлеровских войск на Курском направлении сообщал в Центр также и командир отряда «Победители» Дмитрий Николаевич Медведев – эту информацию получил от высокопоставленного немецкого офицера разведчик Николай Иванович Кузнецов. Собеседник также сообщил ему, что Гитлер намеревается взять реванш за Сталинград...

Но тут мы чувствуем, что можем увлечься описанием подготовки к сокрушительному контрудару на Курской дуге – и возвращаемся к нашему герою. Какова была его роль во всех этих событиях? Об этом судить очень трудно, но мы можем предположить, что не без его участия – прежде всего, за счет ранее полученных достоверных разведывательных материалов – удалось убедить Верховное командование отказаться от очередного «наполеоновского» плана сокрушать оборону противника на половине советско-германского фронта, как это вначале намечалось – от Смоленска аж до берегов Черного моря.

Войска, сколько возможно, нужно было стянуть к решающему месту – разведка убедительно доказала, что таким местом явится Курский выступ.

Разведка – как научно-техническая НКВД, так и военная – сообщала также о новой технике, поступавшей на вооружение вермахта и войск СС. В боевые части противника в больших количествах поступали новейшие тяжелые танки T-VI «тигр» и средние танки T-V «пантера», превосходившие, как стало известно, «тридцатьчетверки» по огневой мощи и бронезащите. К началу сражения войска групп армий «Центр» и «Юг» получили порядка ста тридцати «тигров» и свыше двухсот «пантер», 76 новых штурмовых самоходных орудий «Фердинанд»; на старых, так сказать, немецких танках (они пошли в серию всего лишь в конце 1930-х годов) T-III и T-IV была усилена броня и установлены 88-мм орудия. На вооружение люфтваффе поступили скоростные истребители «Фокке-Вульф-190А».

Было понятно, что при организации наступления противник сделает основную ставку на технику, танки и авиацию; пехоте будет отведена второстепенная роль, так как сейчас, на третье лето войны в России, она стала гораздо слабее, нежели была в прошлые годы...

Конечно, сообщения разведки теперь уже никто не укладывал «под сукно» – они передавались советским оружейникам, которые готовили свой достойный и адекватный ответ «фрицам»... Хороший «подарок» сделали нам и сами гитлеровцы: в начале 1943 года, на Ленинградском фронте они усадили в болото новехонький T-VI «Тигр» (чего ему реально было делать в условиях лесисто-болотистой местности Северо-Запада?!), который затем был взят подразделением Красной армии в качестве трофея – и, разумеется, всесторонне и тщательно изучен советскими специалистами. Верховный Главнокомандующий, обязал наших конструкторов в области боеприпасов и артиллерии создать средства для поражения этих танков, и задача была решена – появились новые виды снарядов, которые пробивали броню «тигров»...

Но все это, опять-таки, не наша тема. А нас сейчас – как руководство страны и командование Советских Вооруженных сил в то время – больше всего интересует направление главного удара гитлеровцев.

И здесь, опять-таки, сказала свое веское слово разведка. Генерал армии Штеменко свидетельствует:

«В начале мая переход противника в наступление приобрел совершенно реальный характер.

Разведка доносила, что Гитлер намерен собрать руководящий состав своих вооруженных сил для окончательного решения вопроса о наступлении на советско-германском фронте. Такой сбор действительно состоялся 3–4 мая в Мюнхене – городе, ставшем когда-то колыбелью нацистской партии. В течение этих двух дней план операции «Цитадель» подвергся последним уточнениям...»[43].

План гитлеровского командования был предельно прост и даже очевиден – нанести концентрические удары на северо-восток из района Белгорода и на юго-восток из района Орла, с тем, чтобы окружить наши войска, находящиеся западнее линии Белгород – Курск.

Ну, говорят же, играй, да не отыгрывайся! Нет никаких сомнений в том, что фюреру хотелось именно отыграться – отплатить за сталинградское окружение «курским котлом». А для того чтобы окружить находящиеся на Курском выступе советские войска, требовалось нанести удары под основание этого выступа. Но тут, опять-таки, надо было учитывать хотя бы то, что – как писал в своем донесении фельдмаршал фон Вейхс – основные силы Воронежского фронта были расположены именно там, у основания...

Однако замечено, что чем дольше шла война на советской территории, тем более шаблонными становились действия противника. Как отработали гитлеровцы в 1941 году успешную тактику «котлов» – так и продолжали пытаться применять ее и в 1943-м, в полной уверенности, что для советского командования это окажется неожиданностью.

А ведь если бы немецкие войска нанесли свой главный удар по Курскому выступу «в лоб» – на город Льгов, то вполне могли бы дойти и до са́мого Курска... Но, как это было известно разведке, на данном направлении гитлеровцы наносили лишь вспомогательный, отвлекающий удар.

Ну что ж, разведка успешно выполнила свою миссию, а высшее руководство ее наконец-то услышало. Блестяще сработала и наша военная контрразведка «Смерш» – Абвер не имел информации ни о

[42] Штеменко С.М. Генеральный штаб в годы войны. Кн. 1. М.,1975. С. 211.

[43] Штеменко С.М. Генеральный штаб в годы войны. Кн. 1. М.,1975. С. 226.

планах советского командования, ни о тех резервах, что постоянно и в больших количествах прибывали к войскам фронтов, изготовившихся к отражению германского удара. Гитлеровцы даже не предполагали, что Красная армия готовится перейти в наступление.

Накануне начала операции «Цитадель» к войскам обратился фюрер германской нации Адольф Гитлер:

«Солдаты!

Сегодня вы начинаете великое наступательное сражение, которое может оказать решающее влияние на исход войны в целом.

С вашей победой сильнее, чем прежде, укрепится убеждение о тщетности любого сопротивления немецким вооруженным силам. Кроме того, новое жестокое поражение русских еще более поколеблет веру в возможность успеха большевизма, уж пошатнувшуюся во многих соединениях Советских Вооруженных Сил. Точно так же, как и в последней большой войне, вера в победу у них, несмотря ни на что, исчезнет.

Русские добивались того или иного успеха в первую очередь с помощью своих танков.

Мои солдаты! Теперь, наконец, у вас лучшие танки, чем у русских.

Их, казалось бы, неистощимые людские массы так поредели в двухлетней борьбе, что они вынуждены призывать самых юных и стариков. Наша пехота, как всегда, в такой же мере превосходит русскую, как наша артиллерия, наши истребители танков, наши танкисты, наши саперы и, конечно, наша авиация.

Могучий удар, который настигнет сегодняшним утром советские армии, должен потрясти их до основания. <...>»[44].

Ладно, хватит, надоело! В обращении этом чувствуются паника и неуверенность... Особенно – пассаж с танками и про юнцов и стариков, словно бы германские солдаты не видели, кто реально противостоял им на поле боя. А вот про «могучий удар» – это оказалось очень точно. Правда, удар был не с той стороны: ровно за пятнадцать минут до начала германской артподготовки наступления – этот срок сообщила разведка – по немецким позициям внезапно был открыт ураганный артиллерийский огонь, который нанес фашистам серьезные потери и заставил их отложить на несколько часов время начала атаки. Хотя, если бы удар был нанесен минут за семь-восемь до назначенного времени, он тогда оказался бы еще более эффективным – это признавал маршал Рокоссовский, командующий войсками Центрального фронта. Но нервы у всех были на пределе – все-таки, стопроцентной уверенности, что гитлеровцы начнут наступление именно здесь и в известный нам момент, не было. Так что когда стало ясно, что немцы все-таки переходят в наступление, то сам Рокоссовский, член военного совета Телегин и начальник штаба фронта Малинин чуть было не обнялись от радости – но сдержались. Какая может быть радость, когда впереди такое ожесточенное сражение?

Вот так началась историческая битва под Курском. Об этом сражении можно рассказывать очень много, но... описание боевых действий – это, повторим вновь, уже не наша задача.

А потому мы завершаем рассказ о событиях лета 1943 года, и возвращаемся в Центр, где как раз в то самое время – точнее, накануне начала сражения на Орловско-Курской дуге, происходили немалые перемены – в том числе и внешнего порядка.

* * *

Еще 6 января 1943 года, Указом Президиума Верховного Совета СССР, для личного состава Красной армии были введены новые (на самом-то деле весьма старые и традиционные) знаки различия – погоны. Тем самым победоносную Красную армию, сокрушившую (это к тому времени уже не вызывало сомнений) гитлеровцев в Сталинграде, как бы даже внешне отделяли от той армии, что с огромным трудом и большими потерями выдержала удар гитлеровских полчищ летом 1941 года, что отступала до Волги летом 1942-го... В Наркомате внутренних дел погоны с васильковыми просветами (для офицеров) были ведены приказом от 18 февраля 1943 года. Павел Михайлович Фитин вскоре прикрепил к своему кителю золотые погоны без просветов и с двумя звездочками – 14 февраля 1943 года ему было присвоено специальное звание комиссар государственной безопасности 3-го ранга.

Вскоре очередная реформа вновь коснулась Наркомата внутренних дел.

«Политбюро 14 апреля 1943 года приняло решение о выводе из состава НКВД в качестве самостоятельного органа Народного комиссариата государственной безопасности, который возглавил В.Н.Меркулов. Внешняя разведка стала 1-м управлением НКГБ, его начальником остался П.М.Фитин. Работу по Германии и оккупированным ею странам по-прежнему вел 1-й отдел 1-го управления во главе с А.М.Коротковым. В ходе анализа деятельности разведорганов различных ведомств выявилось определенное дублирование их работы по ряду вопросов, что приводило к недостаточно эффективному использованию имеющихся сил и средств. Отмечалось неоправданное сосредоточение усилий на решении второстепенных задач в ущерб главным. Возникла необходимость более четкого разделения полномочий отдельных разведорганов и конкретизации их задач.

Это было сделано в постановлении ГКО от 5 июня 1943 г. «О мероприятиях по улучшению зарубежной работы разведорганов СССР»[45]. Документ четко разграничивал функции 1-го управления НКГБ, Главного разведывательного управления Красной армии и Разведывательного управления Наркомата ВМФ СССР.

Что касается 1-го управления НКГБ, то к числу его задач были отнесены: ведение политической разведки в целях получения сведений о внешней и внутренней политики иностранных государств, их политическом и экономическом

[44] Мировые войны XX века. Кн. 4. Вторая мировая война. Документы и материалы. М., 2002. С. 409.

[45] В источнике документ ошибочно назван «постановлением... о «Мероприятиях по улучшению...»

положении, политических партиях, группах и общественно-политических деятелях, достижениях и новинках в области науки и техники, данные об эмиграции и прочем. Подтверждалась задача концентрации основных усилий на работе против Германии и ее союзников, а также дальнейшего усиления деятельности в Англии, США и Турции. Как показывает анализ данного документа, политическое руководство скорректировало задачи 1-го управления в целях придания им традиционного для внешнеполитической разведки характера. Обращает на себя внимание отсутствие ссылок на решение военных задач, хотя это, естественно, не означало прекращения работы внешней разведки по стратегическим военно-политическим проблемам. Постановление было, безусловно, востребованным, и сыграло положительную роль в деле упорядочения деятельности за рубежом различных разведорганов. Принятые решения способствовали также совершенствованию работы 1-го управления»[46].

Надо заметить, что аппарат Берии после этого разделения вновь был чувствительно ослаблен. Но и НКГБ Меркулова был послабее, нежели в 1941 году, потому как из него, в качестве самостоятельного ведомства, была выведена и переподчинена Наркомату обороны – вернее, лично наркому обороны И.В.Сталину – военная контрразведка, центральный аппарат которой стал именоваться Главным управлением контрразведки «Смерш» НКО СССР. ГУКР «Смерш», в ранге заместителя наркома обороны – то есть заместителя товарища Сталина, возглавил генерал-лейтенант Виктор Семенович Абакумов. (Может быть, именно с того времени – хотя, вполне возможно какие-то причины на то были и раньше, – зародилась взаимная ненависть между Берией и Абакумовым?)

А вот как комментировал решение о воссоздании наркомата сам начальник 1-го управления НКГБ СССР Павел Михайлович Фитин:

«...Несмотря на ценность добытых разведывательных материалов, они еще не удовлетворяли Ставку Верховного Главнокомандования, которая нуждалась в наиболее полных сведениях о военном потенциале Германии и политике США в отношении СССР, и особенно по вопросу открытия второго фронта.

5 июня 1943 года Государственный Комитет Обороны утвердил Мероприятия по улучшению зарубежной работы разведывательных органов СССР, в которых определялись и задачи Разведывательного управления НКГБ СССР. Лучшие работники Управления направлялись для работы в закордонных резидентурах, а также для организации новых резидентур.

Год неимоверных усилий аппарата внешней разведки органов госбезопасности дал свои плоды: повысилось качество политической информации и увеличился ее объем. В больших количествах стала поступать ценнейшая научно-техническая информация, особенно военная»[47].

Как мы видим, дело налаживалось. В 1943 году Павел Фитин был награжден орденом Красной Звезды – но за что, и даже в какое именно время – этого мы не знаем, в «открытых» документах ничего конкретного не указано...

...Коренным отличием разведывательной службы от любого другого ведомства является то, что чем лучше идут дела в разведке, чем больших успехов добиваются ее сотрудники – тем меньше становится известно о том широким слоям населения. Да и вообще, всем тем, кто не имеет к этому самого непосредственного отношения. Разведка тщательно скрывает свои успехи, а достоянием широкой общественности обычно становятся ее провалы, о которых знает противник – в других же ведомствах, опять-таки, все по-другому, и неудачи обычно скрываются самым тщательным образом.

По этой причине конкретно говорить об успехах, достигнутых внешней разведкой на второй половине войны, нам очень даже непросто...

* * *

Зато об одном из личных достижений Павла Михайловича, именно того времени, мы вполне можем рассказать: 7 декабря 1943 года был подписан приказ о создании информационного отдела в составе 1-го управления НКГБ; это было первое информационно-аналитическое подразделение в Службе внешней разведки. По утверждению специалистов, все рассказы о том, что и раньше существовали некие аналогичные структуры, являются легендой – несмотря на то, что о них даже существуют воспоминания... Точнее, как мы уже говорили, информационные структуры были, а вот аналитические – нет.

– Это, конечно, огромная заслуга Павла Михайловича Фитина, что он поломал прежнюю практику, когда Сталину выборочно докладывалась пофактовая информация. В смысле, что ему сообщалось, кто что сказал, кто что написал – информация была не аналитическая, не прогнозная, а по конкретному факту, – объясняет ветеран Службы внешней разведки генерал-майор Лев Филиппович Соцков. – Но, во-первых, это искажало общую картину, а, во-вторых, постепенно поток информации становился таким, что человек был уже просто не в состоянии все это читать... Очень нужно было придумать что-то другое. Сначала придумали разведсводки, а потом, все-таки, Фитин пробил создание информационно-аналитического отдела в разведке, доказал необходимость его существования...

Конечно, Павел Фитин лучше, чем многие понимал всю важность информационно-аналитической работы, а потому, насколько нам известно, занимался ею даже вопреки запретам. Однако не нужно считать, что это только он один был такой умный и всем открыл глаза. В разведке, вообще-то, дураков не держат, так что идея создания в ИНО информационно-

[46] Великая Отечественная война. Энциклопедия. Т. VI. Тайная война. Разведка и контрразведка в годы Великой Отечественной войны. М., 2013. С. 201–202.

[47] Воспоминания начальника внешней разведки П.М.Фитина // История Российской внешней разведки. Очерки. Т. 4. М., 2014. С. 23–24.

аналитического отдела возникла и существовала задолго до прихода туда Фитина, еще при прежних руководителях разведки. Известно, что были попытки сформировать такое подразделение, но каждый раз высшее руководство категорически выступало против. На удивление, дело было не только непростое, но даже и чреватое многими опасностями...

Сталин категорически запрещал разведке делать какие-то свои домыслы, писать анализы, выводы и прогнозы государственно-политического характера, но при этом «наверху» мало кто понимал, что разрозненная фактура немного чего давала. В частности, она не могла дать «базовой информации разведки» – то есть того материала, на основании которого выявлялась дезинформация, делались выводы и, в конечном итоге, писались бумаги. Ну а раз Сталин это запрещал, то, естественно, категорическими противниками подобной практики были Берия и Меркулов.

Хотя при этом руководители НКВД и НКГБ могли также еще преследовать и свои если не корыстные, то сугубо личные цели...

Вот как объясняет ситуацию один из высокопоставленных сотрудников Службы внешней разведки:

– Беда была в том, что политическое руководство страны не имело опыта руководства разведкой – не у кого было этому поучиться. А в результате, загнав разведку в качестве отдела, потом – управления, в громадный «контрразведывательный монстр», каковым являлось НКВД, они очень сильно ее придавили и не дали ей работать так, как было надо. Естественно, что руководство контрразведки в первую очередь ориентируется на внутриполитические события, на «аппаратные игры»... Поэтому получаемая разведкой зарубежная информация, которая противоречила информации внутренней, а потому как-то могла подорвать авторитет начальника контрразведки – а может, и стул под ним покачнуть – просто не шла далее, «наверх». Такая информация могла негативно сказаться и на судьбах тех, кто ее добыл... Но так как эти сообщения имели гриф «совершенно секретно», то подшивались в соответствующие папки – и лежали там в ожидании своего часа.

И все же Павлу Михайловичу удалось, говоря казенным языком, претворить в жизнь идею создания информационно-аналитического отдела, за что ему великая честь и хвала! Время вносило свои жесткие коррективы даже в привычки «небожителей». Когда в день приходило по сотне телеграмм из резидентур и посольств, их не то, что запомнить – даже и просмотреть не представлялось возможным, а потому в памяти тех, кому нужно было работать с этими документами, оставались лишь какие-то обрывки получаемых сведений...

В конце концов, высшее начальство осознало, что оно не может запомнить – а может быть даже и осознать – всей получаемой информации. А ведь реально, начальству-то что нужно? Выжимка, полтора листочка по самой сути проблемы – чтобы оно могло вникнуть и согласиться или не согласиться, а затем дать соответствующие указания исполнителям...

Кстати, именно с «Фитинских времен» в разведке утвердилась та метода подготовки аналитических документов, которая остается и сейчас. Документ начинается с выводов, после которых уже следует подтверждение. То есть главное излагается сразу, а если начальство заинтересуется, почему это именно так – оно может ознакомиться дальше, изучить вопрос. Хотя, если начальству все и без того было ясно, то далее читать было не нужно...

Вновь созданный информационно-аналитический отдел – его стали называть ИНФО, и вскоре эта аббревиатура превратилась в официальную, – возглавил Михаил Андреевич Аллахвердов, опытнейший и блистательно подготовленный сотрудник. В ОГПУ он работал с 1919 года, окончил Военную академию им. М.В.Фрунзе; в 1920-е годы он был резидентом в Иране, потом находился на нелегальной работе в Европе, а перед тем, как стать начальником отдела, был «легальным» резидентом в Афганистане. В 1945 году – весьма редкий случай для того времени – он, продолжая возглавлять ИНФО, будет произведен в генерал-майоры. Наверное, это можно считать самым убедительным доказательством успешной работы нового подразделения.

Заместителем у Аллахвердова стала уже известная нам Елена Дмитриевна Модржинская, возвратившаяся из Варшавы в 1941 году. Ей были поручены такие важнейшие задачи, как разработка положения об ИНФО и подбор для него сотрудников. Этот документ был сделан настолько толково и профессионально грамотно, что некоторые требования из него остаются злободневны и сейчас.

Ну а теперь, что называется, информация для справки, чтобы лучше понять суть дела:

«ИНФО состоял из пяти отделений (направлений). Четыре из них определялись по географическому принципу. Пятое имело справочные функции. Создавалось бюро переводов, где работали всего семь сотрудников. Была образована группа спецсообщений. Если в ИНФО первоначально работал 41 сотрудник, то к концу войны информационный отдел имел уже девять направлений и насчитывал 126 человек.

Тем самым сформировалось информационно-аналитическое ядро внешней разведки СССР, а в ее работе наступил качественно новый этап. Появился работоспособный аппарат, который помог организовать добычу и обработку информации, отсеивать дезинформацию и сомнительные сведения, от освещения отдельных эпизодов и событий перейти к планомерному слежению за международной ситуацией, давать обоснованные прогнозы на ближайшее, а затем и на более отдаленное будущее.

Если ранее оперативные подразделения разведки брали на себя весь цикл добычи, обработки и направления руководству страны информации по важнейшим военным и политическим проблемам, не имея подчас достаточно подготовленных переводчиков, редакторов, аналитиков, так ска-

зать, вручную обрабатывая то, что удалось добыть, то теперь стала возможной планомерная информационно-аналитическая работа, нацеленная на обеспечение руководителей СССР проверенной и достоверной информацией по широкому кругу международных проблем»[48].

Информации становилось все больше и больше – и она освещала глобальные мировые процессы. Если говорить о задачах, решавшихся информационным отделом, то их, примерно, можно сформулировать следующим образом: аналитическая обработка и реализация полученных агентурных материалов; определение достоверности и оценка этих материалов; обработка и редактирование – или, как оно было написано в приказе по наркомату – «содействие улучшению качества информации» – спецсообщений, поступающих из резидентур. Ну а для этого – кроме всего многого прочего – сотрудникам ИНФО нужно было глубоко вникать в политику, проводимую правительствами иностранных государств, а также хорошо изучить структуру и методы работы разведорганов иностранных государств – чтобы иметь возможность выпускать информационные материалы на эту тему.

В обязанность ИНФО также вменялось дважды в месяц выпускать разведсводки для руководящего состава НКГБ и готовить задания для резидентур – по своему направлению.

Про работу ИНФО очень интересно вспоминал ветеран разведки генерал-майор Николай Антонович Косов, пришедший в отдел чуть ли ни в самый день его основания:

«Работать приходилось с утра до глубокой ночи, с небольшим обеденным перерывом. Каждый из работников подключался к материалам, где его способности более всего годились. Модржинская и Рыбкина были сильны в анализе, хорошо знали германскую тематику. Другие обрабатывали информацию по Востоку, Китаю, Японии.

[48] История Российской внешней разведки. Очерки. Т. 4. М., 2014. С. 304–305.

Пользу от ИНФО вскоре почувствовали все работники, в том числе и те, кто испытывал к новой службе своего рода ревность, – ведь раньше оперативники сами решали, что и как направлять «наверх». Такие попытки предпринимались и в обход службы. И нам нередко возвращали эти материалы, с указанием довести их до нужной кондиции»[49].

Из сказанного можно понять, что это подразделение заняло в структуре 1-го управления весьма солидное, серьезное и при том самостоятельное положение.

* * *

Работая над этой книгой, нам не единожды пришлось столкнуться с таким, ну, просто милым по своей наивности утверждением: мол, в то самое время, когда наши доблестные западные союзники относились к своим советским партнерам со всей открытой душой, стопроцентно им доверяли и даже не могли ничего такого... так сказать... подумать, «команда Фитина» беззастенчиво похищала, покупала или получала от своих доброжелателей, их военные, политические и технические секреты. Мол, так нечестно вели себя эти энкавэдэшные разведчики, что до сих пор за них стыдно...

Поспешим утешить и успокоить особенно совестливых товарищей! Западные союзники также не отказывали себе в возможности пошпионить в «нашем советском огороде». В доказательство тому – спецсообщение, поступившее 30 октября 1943 года в Наркомат госбезопасности из Управления НКГБ по Мурманской области:

«Нами секретным путем сфотографирован ряд документов, подготовленных английскими разведчиками Диксоном и Реем для отправки в адрес старшего британского офицера «Полярное» (база Северного военного флота и место стоянки британских кораблей).

Приводим полностью текст документа, представляющего наибольший интерес: «Старшему британскому офицеру ‘Полярное’ от старшего британского офицера в Мурманске.

[49] История Российской внешней разведки. Очерки. Т. 4. М., 2014. С. 308.

Я отдал указание собирать информацию по следующим вопросам:

1. Количество воинских частей военно-морского флота, прибывших в Кольский залив из портов Дальнего Востока, и причины увеличения количества воинских частей в Мурманске за счет уменьшения количества воинских частей во Владивостоке.

2. Наличие на Севере русских авиационных частей и соединений, снаряженных британским вооружением (самолетами), когда, по какой причине они оставили район Кольского залива.

3. Прохождение больших судов вдоль Кольского залива надводным рубежом. Прохождение подводных лодок подводным рубежом.

4. Ремонтные средства для работы Эпрона[50].

5. Стоянки судов, глубина водного пути в самых узких местах Кольского залива... Возможность прекращения навигации путем потопления барж.

6. Глубина вблизи стоянки судов. Сколько осталось свободных мест для судов (находящихся на якоре) соответственно потонувшим поблизости судам.[51]

7. Минные и торпедные склады, перегрузка, пополнение и расходование запасов.

8. Изменение в системе заграждений Кольского залива. Влияние полного прилива и нижней точки отлива на систему заграждений. Возможности траления».

Старшим британским офицером на Севере СССР является контр-адмирал Арчер. <...>»[52].

Понятно, что первый и второй вопросы волнуют англичан, именно как наших союзников. Но далее идет откровенный сбор шпионской информации на дальнейшую перспективу. Кто-нибудь тут может возразить?

И вот – так сказать, финальная точка в этой «шпионской истории». В ориентировке НКГБ СССР от 30 октября 1945 года говорилось:

[50] Организация, занимавшаяся подъемом затонувших судов и водолазными работами; с 1942 г. – в составе ВМФ, в качестве аварийно-спасательной службы.

[51] Так в тексте.

[52] Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 4: Великий перелом. Кн. 2. М., 2008. С. 481–482.

«...Английские разведывательные органы воспользовались (расширившимися) возможностями и активизировали шпионскую деятельность против Советского Союза. Всего за период Отечественной войны в СССР побывало около 200 английских разведчиков, из них в Москве – 110 человек, в Мурманске – 30 и в составе различных делегаций свыше 20»[53].

Далее в ориентировке указывалось, что советскими контрразведывательными органами за «период союзничества» были выявлены резидентуры аж целых семи английских спецслужб: «классической» разведки СИС, разведки Министерства экономической войны, военной разведки и разведок ВМФ и ВВС, политической разведки британского МИДа и разведки Министерства информации.

Морализировать не будем – у разведки, знаете ли, свои законы, которые далеко не всегда сочетаются со столь милыми нам принципами высокой морали...

БОЙ ПОСЛЕ ПОБЕДЫ

Если основных военных событий 1943 года было, как минимум, два – победоносное завершение Сталинградской битвы и разгром гитлеровцев на Курской дуге, – то главным политическим событием этого года, без всяких сомнений, явилась Тегеранская конференция.

«Большое значение для дальнейшего хода войны в Европе имела первая встреча глав трех ведущих государств антигитлеровской коалиции И.В.Сталина, Ф.Рузвельта и У.Черчилля – на Тегеранской конференции (28 ноября – 1 декабря 1943 года). Центральное место на конференции заняло обсуждение вопроса о создании второго фронта на Западноевропейском театре военных действий. Благодаря настойчивости Сталина, поддержанного Рузвельтом, было отклонено предложение Черчилля ограничиться высадкой англо-американских войск на Балканах. В итоговом документе Военные решения Тегеранской конференции было указано, что второй фронт в Европе будет открыт в течение мая 1944 г. В этом документе было зафиксировано также заявление Сталина о том, что советские войска предпримут наступление в это же время с целью предотвратить переброску сил с восточного на западный фронт»[54].

К сказанному следует также добавить, что на Тегеранской конференции Сталин подтвердил обещание, что Советский Союз вступит в войну против Японии через два-три месяца после разгрома Германии.

...А теперь – небольшое, но необходимое отступление. Вряд ли кто станет спорить с утверждением, что наиболее популярным справочником сегодня является компьютерная «Википедия». Однако необходимо добавить, что это и наименее надежный справочник – как-то раз нам даже пришлось объяснять это в радийном прямом эфире, когда позвонивший в студию слушатель безапелляционно заявил: «Вы говорите вот так, а в «Википедии» написано...» Но все же и она полезна – там можно быстро найти сноски на какие-то более надежные источники или утвердиться в правильности того, чего и так знаешь (дурная привычка пишущего). Вот и сейчас мы заглянули в эту «компьютерную энциклопедию» – и вдруг в статье «Эйзенхауэр», с изумлением узнали, что «После Тегеранской конференции был открыт Второй фронт, и Эйзенхауэр становится Верховным главнокомандующим экспедиционными силами». Но мы ведь только что прочитали, что открыть второй фронт в Европе было решено в мае 1944 года, а открыли его вообще 6 июня. Но это так – необходимое уточнение. Как говорится, «не верь злым людям, сынок!»...

А теперь нам нужно сделать ряд других уточнений, уже непосредственно касающихся героя нашей книги.

«Разведка и Тегеранская конференция» – это тема, воистину окруженная домыслами и легендами.

Вот, например, в книге генерала Судоплатова «Разведка и Кремль»: написано, что (звучит, правда, немножко коряво, но это же не сам Павел Анатольевич писал, а его американские соавторы) – так получается – партизанскому соединению под командованием полковника Медведева «...первому удалось выйти на связи Отто Скорцени, руководителя спецопераций гитлеровской службы безопасности. Медведев и <Николай Иванович> Кузнецов установили, что Скорцени готовит группы нападения на американское и советское посольства в Тегеране, где в 1943 году должна была состояться первая конференция «Большой тройки». Группа боевиков Скорцени проходила подготовку возле Винницы, где действовал партизанский отряд Медведева. Именно здесь, на захваченной нацистами территории, Гитлер разместил филиал своей Ставки. Наш молодой сотрудник Николай Кузнецов под видом старшего лейтенанта вермахта установил дружеские отношения с офицером немецкой спецслужбы Остером, как раз занятым поиском людей, имеющих опыт для борьбы с русскими партизанами. Эти люди нужны были ему для операции против высшего советского командования. Задолжав Кузнецову, Остер предложил расплатиться с ним иранскими коврами, которые собирался привезти в Винницу из деловой поездки в Тегеран. Это сообщение, немедленно переданное в Москву, совпало с информацией из других источников и помогло нам предотвратить акции в Тегеране против «Большой тройки»[55].

Данный фрагмент вызывает слишком много вопросов. Неужели местность и условия в районе Винницы столь похожи на Иран, что «боевиков» готовили именно здесь? Какая связь между «опытом борьбы с русскими партизанами» и «операцией против высшего советского командования»? И какое вообще командование имеется в виду – Сталин, руководство Ген-

[53] Архив СВР России.

[54] Мировые войны XX века. Кн. 3. Вторая мировая война. Исторический очерк. М., 2002. С. 167.

[55] Судоплатов П.А. Разведка и Кремль. Записки нежелательного свидетеля. М., 1996. С. 154–155.

штаба или командование одного из фронтов? Ну и потом, если человек собирается принять участие в столь рискованном мероприятии, как нападение на высших руководителей ведущих стран мира, то когда же он планирует закупить ковры – до того или после? А может, Остер – точнее, штурмбаннфюрер СС фон Ортель – просто намеревался прихватить их в американском посольстве? Завернули бы Рузвельта в пару ковров, в них бы вывезли его из Ирана – а после того можно будет отдать ковры обер-лейтенанту Паулю Зиберту в счет уплаты долга... Хотя, правда, несколько смущают столь доверительные отношения «эсэсовского майора» и армейского обер-лейтенанта – уж слишком разного полета птицы, никоим образом ранее между собой не связанные. А немцы-то субординацию соблюдали здорово...

И все же многие авторы считают, что именно с этого разговора, с этой телеграммы «из лесов под Ровно» начинается работа советской разведки по гитлеровской операции «Длинный прыжок», проведением которой руководил легендарный «человек со шрамом» оберштурмбаннфюрер СС Отто Скорцени...

...А вот опытнейший Виталий Геннадьевич Чернявский – до войны он учился в Московском институте стали им. Сталина, в 1941-м ушел на фронт, служил в военной контрразведке, откуда был переведен во внешнюю разведку, выезжал в долгосрочные командировки, затем работал в авторитетнейшем АПН, был председателем Иностранной комиссии Союза писателей СССР, работал в редакции весьма популярного еженедельника «Новое время» – думает совершенно по-иному. Он пишет:

«Что же касается операции «Длинный прыжок», то Скорцени, судя по всему, не имел к ней никакого отношения, потому что ее в природе просто не существовало. Объективные исследователи, изучив появившиеся на сей счет в последнее время документы, считают, что гитлеровские спецслужбы, по здравому размышлению, воздержались от ее проведения. Во-первых, они слишком поздно узнали, что встреча «большой тройки» состоится именно в Тегеране. Решение об этом, как теперь документально известно, было принято только 8 ноября 1943 года. И тогда же названа точная дата проведения – 28 ноября – 1 декабря. Немцы имели в своем распоряжении максимум дней двадцать, а этого времени, учитывая, по тогдашним меркам, колоссальную отдаленность места встречи от основных баз в Германии и оккупированной Европе, совершенно не хватало. Во-вторых, благодаря энергичным контрразведывательным мерам, предпринятым советскими и британскими спецслужбами, на территории Ирана и в особенности в его столице и в прилегающем к ней районе, была разгромлена многочисленная сеть гитлеровских разведывательных структур, их опорные пункты и пронацистские организации местных националистов. У Абвера и немецкой Службы безопасности просто не оказалось в нужный момент и в нужном месте террористов и диверсантов, способных выполнить сверхсложное задание – ликвидировать Сталина, Рузвельта и Черчилля...»[56].

В общем, ясно, что хотя немцы и хотели бы «легким движением руки» обезглавить антигитлеровскую коалицию – да только понимали, что данная амбициозная задача (как и вообще большинство амбициозных задач) невыполнима.

Это, опираясь на иностранные источники, подтверждал в своей книге и доктор исторических наук, профессор Юрий Львович Кузнец, человек, прекрасно знавший и любивший Восток. Он называет основных действовавших в Иране гитлеровских агентов, и говорит, что они «не были нацелены против участников Тегеранской конференции. И даже в последнем радиообмене с Берлином – 15 октября 1943 года, когда гитлеровская верхушка уже знала, что руководители СССР, США и Великобритании встретятся именно в Тегеране, немецкой группе не было поставлено задачи прорываться в Тегеран. Берлин сообщал: Все ваши семьи в порядке. Фюрер одобрил вашу просьбу о поставке противотанковых средств и тяжелых пулеметов. Поручено выделить самолет для доставки этого оружия. Срок – месяц. Но поручение фюрера не было ни через месяц, ни позже.

Другие радиообмены из-за плохого качества связи не состоялись»[57].

...Хотя мы не исключаем, что «ужастики» про гитлеровские планы были небесполезны – они способствовали тому, что американский президент поселился именно в советском представительстве, чтобы не подвергаться риску при достаточно долгом переезде к месту переговоров из американского посольства...

Конечно, гораздо более интересно рассказывать о блистательной операции, благодаря которой были в полном смысле слова спасены (можно даже думать, что их жизнь прямо-таки висела на волоске!) лидеры ведущих государств антигитлеровской коалиции – нежели о том, как в результате долгой и кропотливой оперативной работы советская и британская разведки, контрразведка «Смерш» и другие спецслужбы обеспечили «Большой тройке» комфортные условия для пребывания в Тегеране.

Насколько нам известно, вышеназванные и неназванные спецслужбы весьма основательно «вычистили» Иран от гитлеровских шпионов и пособников.

Только в конце 1942 года англичане арестовали порядка полусотни высших иранских офицеров и чиновников; в феврале 1943-го был арестован начальник Генштаба генерал Захеди; весной 1943 года были взяты несколько групп германских парашютистов...

Приходится признавать, что в этой работе далеко не все было так просто – наши союзники, в частности, стремились нейтрализовывать не только германских агентов, но и, заодно, тех государственных и общественных деятелей, которые противились британскому влиянию. Но так как на территории Ирана присутствовали не только британские, но и

[56] Чернявский В.Г. Разведка. Вымыслы и правда. М., 2004. С. 115.

[57] Кузнец Ю.Л. «Длинный прыжок» – в никуда. М., 1996. С. 156.

советские войска, и действовали определенные договоренности, то многое нужно было согласовывать с советским союзником.

Примером тому – документ на бланке «Народный комиссариат иностранных дел СССР» с грифом «Срочно. Секретно», адресованный наркому госбезопасности Меркулову:

«Английский посланник в Иране Буллерд поставил перед советником нашего посольства в Тегеране т. Максимовым вопрос о необходимости ареста пронемецки настроенных лиц: депутата меджлиса Новбахта, шейха Абдул Касим Кашани и Абдуллу Меджид Мамасани. Буллерд предложил выступить совместно и добиться перед иранским правительством ареста названных лиц.

В связи с этим НКИД просит информировать о Вашем мнении по вопросу об аресте вышеперечисленных лиц, а также сообщить имеющиеся у Вас о них данные.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ НАРОДНОГО КОМИССАРА

ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ – (В.Деканозов)»[58].

На документе – написанная синим карандашом резолюция П.Фитина от 22.VII.1943: «Т. Одинцову. Подготовить ответ».

Ответ оказался отрицательный:

«В принципе мы не возражаем против ареста Новбахта, шейха Абдул Касим Кашани, шейха Абдул Меджида Мамасани как активных вожаков профашистских формирований в Иране, связанных с немецкими разведчиками Майером и Шульце, находящимися там на нелегальном положении.

Однако по ряду соображений оперативного характера арест их в настоящее время для нас нежелателен. Поэтому считаем, что предложение Булларда о совместном нашем выступлении перед иранским правительством по вопросу их ареста необходимо отвести, мотивировав следующим образом: Новбахт является членом меджлиса, и арест его в настоящее время вызовет резкое реагирование всего состава меджлиса. Шейх Абдул Касим Кашани является видным духовным деятелем Ирана, пользующимся известностью далеко за его пределами (в Иране, Сирии, Саудовской Аравии, Палестине и Индии). Поэтому арест его вызовет резкое озлобление широких слоев иранского народа, и это может быть использовано для усиления антисоюзнической работы»[59].

Понятно, что Всеволод Николаевич этот текст только подписал – блестящий во всех отношениях анализ сделан специалистами ИНФО. К сожалению, нам ничего неизвестно, принимал ли какое-то участие в подготовке данного документа Павел Михайлович.

В Наркомате иностранных дел согласились с железной логикой послания – и на свою просьбу англичане получили вежливый отказ...

...В работе по установке гитлеровских агентов – в качестве (назовем так, как это сейчас официально называется) старшего бригады наружного наблюдения – принимал активное участие юный Геворк Вартанян, впоследствии, совсем за другие дела, удостоенный звания Героя Советского Союза. Конечно, никаких сталиных и черчиллей он там самолично не спасал, и не только их не видел, но, может быть, вообще ничего не знал об их приезде – жаль, что мы его вовремя о том не спросили! Тегеран, как известно, тогда оказался отрезанным от всего Ирана, и из столицы не просачивалось абсолютно никакой информации, с Тегераном ни у кого не было никакой связи, а потому по стране ходили самые фантастические слухи – мятеж, переворот, оккупация... Да и в самом городе вряд ли кому говорили: «У нас тут такие гости, понимаешь! Вах! Пойдем, посмотрим!» Так что если Геворк и его «легкая кавалерия» получали в эти дни какие-то задания, то лишь чисто конкретные – по отдельному объекту наблюдения и без всяких подробностей.

Но, во-первых, как «наружник» он провел блестящую работу в интересах советской разведки, а, во-вторых, он совершил реальный подвиг, к сожалению, оставшийся неоцененным и неотмеченным.

Вот что сам Геворк Андреевич (в то время еще «не открытый» для широкой публики, а потому называемый Георгием Андреевичем и без фамилии) рассказал Юрию Львовичу Кузнецу, поместившему этот рассказ в свою книгу:

«Англичане развернули в Иране сеть разведывательных школ, в которых готовили агентуру для последующей заброски в республики Закавказья и Средней Азии. Об одной из таких школ мне стало известно через моих тегеранских знакомых. После того как резидентура доложила в Москву, Центр дал «добро» на внедрение меня в эту школу. После небольшого собеседования, во время которого я делал акцент на желании подзаработать, меня туда приняли. Школа располагалась в жилом доме, в котором якобы разместился радиоклуб. Нам преподавали радиодело, тайнопись, правила конспирации и другие науки, необходимые разведчику...»[60].

Получив первичное разведывательное образование, за которое он всю жизнь был очень благодарен англичанами, Вартанян потом без зазрения совести завалил свою alma mater, «сдав» советскому куратору всех своих товарищей по учебе и всю-всю информацию про разведшколу. Информация была доведена до англичан самым «наивным» образом – мол, смотрите какое «шпионское медресе» эти немцы у нас с вами под носом устроили! – и англичане предпочли свою школу тихонечко прикрыть. Всех вартаняновских однокашников, оказавшихся на советской территории с соответствующим заданием, товарищи из НКВД переловили, после чего кого-то перевербовали, кого-то посадили...

Без всякого сомнения можно говорить так, что гитлеровские планы были разоблачены и сорваны – но не в последний момент, как в кино, а профессионально – на дальних, так сказать, подступах.

«Резидентуры внешней разведки в Иране провели большую работу по обеспечению безопасности Тегеранской конференции

[58] Архив СВР России.

[59] Кузнец Ю.Л. «Длинный прыжок» – в никуда. М., 1996. С. 156.

[60] Кузнец Ю.Л. «Длинный прыжок» – в никуда. М., 1996. С. 207.

руководителей союзных держав в 1943 г. В результате были сорваны планы немецких спецслужб по организации покушения на лидеров «Большой тройки».

Центр высоко оценил деятельность тегеранской резидентуры в годы войны. Было, в частности, подчеркнуто, что она внесла большой вклад в своевременное выявление и срыв планов Германии в отношении Ирана, обеспечение безопасности поставок в нашу страну военно-технических грузов и продовольствия через территорию Ирана, пресечение деятельности фашистской агентуры и направляемых ею подпольных организаций, блокирование и ликвидацию антисоветских националистических организаций, осуществлявших подрывную работу под немецким руководством. Свыше 30 сотрудников тегеранской резидентуры были награждены орденами и медалями»[61].

Для обеспечения Тегеранской и последующих встреч на высшем уровне немало пришлось потрудиться и сотрудникам других резидентур, зачастую находившихся во многих тысячах километров от мест проведений конференций.

«После образования антигитлеровской коалиции для руководства Советского Союза было крайне важным знать позицию союзников – США и Великобритании – об открытии второго фронта в Европе. Советские резидентуры в Лондоне и Вашингтоне, располагая ценными источниками информации, передавали в Москву данные, выявляющие истинные намерения правительств США и Великобритании по затягиванию открытия второго фронта.

Добытая разведывательная информация позволяла И.В.Сталину вести успешные переговоры с У.Черчиллем и Ф.Рузвельтом по послевоенному устройству Европы. Во многом советская разведка определяла ведение внешней политики СССР...»[62].

«Лондонская резидентура внесла существенный вклад в разведывательное освещение планов английского руководства по послевоенному устройству Германии и мира, а также по подготовке англичан и американцев к встречам «Большой тройки» в Тегеране, Ялте и Потсдаме. Этому способствовали регулярно получаемые секретные документы МИД Англии»[63].

Для полноты картины мы можем добавить, что всего за годы войны из Лондона поступило около 20 тысяч разведывательных материалов, 90 процентов из которых были оригинальными документами.

...Все прекрасно – кроме одного. За этими рассказами мы совсем уже потеряли нашего героя.

И тут мы прямо-таки опускаемся с небес на землю – из далекого жаркого Тегерана, буквально напичканного гитлеровской агентурой, или из далекого прохладного Лондона, где в самом центре британских спецслужб ведут свой незримый бой отважные помощники советской разведки – возвращаемся в Москву, на Лубянку, к сугубо канцелярским (Sic!) делам. Вот рапорт на имя наркома Меркулова:

«Нью-Йоркская резидентура систематически задерживает обработку добытых документальных и агентурных материалов, и в частности материалов, получаемых от группы «Пэла», вследствие чего ряд важных для государства сведений поступает к нам с большим опозданием, теряя до некоторой степени свою ценность.

Например, с почтой № 2, полученной нами 25 мая с.г., резидентура выслала среди других материалов:

1) проект соглашения между США и Англией по вопросам Ленд-Лиза на 4-х страницах (документ получен резидентурой 1-го марта 1944 г.).

2) Меморандум министерства финансов по вопросам о послевоенных финансовых и торговых отношениях между СССР и США на 41 листе (документ получен резидентурой 15.II-44 г.). <...>

Эти материалы, в случае их своевременного получения нами, могли бы оказаться весьма полезными инстанции и, в частности, для нашей делегации на Международной валютно-финансовой конференции, происходящей сейчас в США.

Так же, почтой № 2, нам прислан секретный документ «Форен Экономик Администрейшен» о будущности Германии – на 12 страницах, полученный резидентурой 15.– 1944 г.[64] Этот материал мог бы представить большой интерес для наших руководящих правительственных организаций и в частности для представителей в Европейской Консульской Комиссии.

Подобное положение объясняется значительной перегрузкой сотрудников резидентуры оперативной работой.

В целях правильного и своевременного использования добытых материалов, полагал бы целесообразным перевести из Лос-Анжелоса[65] для этой работы нашего оперативного работника «ЮЛИЮ» в Нью-Йоркскую резидентуру.

Прошу вашего согласия.

ПРИЛОЖЕНИЕ справка на «Юлию».

НАЧАЛЬНИК 1 УПРАВЛЕНИЯ НКГБ СССР

КОМИССАР ГОСБЕЗОПАСНОСТИ 3 РАНГА

(ФИТИН)

14 июля 1944 г. »[66].

Вот ведь, вульгарнейшие канцелярские проволочки, прямо-таки на уровне какой-нибудь конторы «Рога и копыта»! Хотя речь идет о государственных секретах первостепенной важности!

А кто такая «Юлия», вопрос о переводе которой из Лос-Анжелеса в Нью-Йорк обсуждают два комиссара госбезопасности, нарком и руководитель разведки, на 1119-й день Великой Отечественной войны? Конкретно – не знаем, но можно понять, что это – машинистка. Значит, вопрос о переводе машинистки из одной резидентуры в другую можно было решить только вот на таком высочайшем уровне.

---

[61] Великая Отечественная война. Энциклопедия. Т. VI. Тайная война. Разведка и контрразведка в годы Великой Отечественной войны. М., 2013. С. 219–220.

[62] Христофоров В.С. Органы госбезопасности СССР в 1941–1945 гг. М., 2011. С. 208.

[63] Великая Отечественная война. Энциклопедия. Т. VI. Тайная война. Разведка и контрразведка в годы Великой Отечественной войны. М., 2013. С. 197.

[64] Так в тексте.

[65] Так в тексте.

[66] Архив СВР России.

Но это, думается, была далеко не самая большая трудность. Помните, мы говорили, что в УСС, на момент ее основания, работало тринадцать тысяч человек. А что было у нас?

«В ноябре1941-го штат 1-го Управления НКВД был сокращен до 145 человек, в ноябре 1942-го – до 135 человек. В мае 1943 года центральный аппарат разведки увеличился до 197 единиц»[67].

Напомним, что в начале войны – в августе 1941-го – в Центре трудилось 248 сотрудников.

Но все равно, всем трудностям вопреки, «команда Фитина» переиграла и американцев, и англичан, не говоря уже о тогдашнем главном противнике – спецслужбах гитлеровской Германии!

А вот – редкое свидетельство человека, общавшегося с Павлом Михайловичем в дни войны, его интересная и объективная характеристика, данная человеком, который был не только разведчиком, но и профессиональным литератором:

«Первая встреча с руководителем внешней разведки состоялась 12 сентября 1944 года, когда он принимал первую группу оперативных работников, срочно направлявшихся во вновь созданную резидентуру в Бухаресте. Эта точка прикрывалась аппаратом политического советника Союзнической контрольной комиссии. Павел Михайлович принял тогда заместителя резидента Нила Шустрова, до войны выполнявшего разведывательную миссию в Румынии, а также оперсотрудников Виталия Новикова, владевшего французским языком, и автора этих строк, знавшего немецкий. Начальник внешней разведки четко и доходчиво объяснил наши задачи, осведомился, как мы себя чувствуем и не нуждаемся ли в чем-либо, и пожелал всяческих успехов. В заключение он поинтересовался, какие кодовые имена мы получили. И тут выяснилось, что у меня такого имени нет. Я первый раз отправлялся в долгосрочную заграничную командировку; на сборы и подготовку мы получили всего два дня и в спешке все забыли о такой детали.

– Ну, это мы сейчас поправим, – улыбнулся Фитин. – Окрестить вас недолго. Какое имя вам нравится?

– Остап, – не раздумывая, брякнул я. Имя героя моего любимого романа «Двенадцать стульев».

– Что ж, Остап так Остап.

На том и порешили...»[68].

Известно, что Фитин, в общем-то, особенно поначалу, был чисто политическим руководителем разведки – реальным оперативником он стал ближе к концу войны. И вот то, что он, чуть ли не единственным, вспомнил о необходимости присвоить разведчику оперативный псевдоним – тому подтверждение.

А вообще момент-то оказался довольно непростой... Иной начальник в подобной ситуации мог бы безапелляционно заявить сотруднику, что тот не готов к командировке – вплоть до отстранения (конечно, не в военное время) от поездки. По крайней мере, мог бы здорово испортить настроение работнику, а всем тем, кто его готовил, «раздать» по выговору. Полнó ж подобных начальников, в любой сфере деятельности, которые придерживаются именно таких методов, считая это необходимой «строгостью» и «требовательностью»! Вот только пользы от того на самом деле немного... Фитин же по-человечески обратил всё в шутку.

* * *

Теперь – несколько слов о личной жизни Павла Михайловича. Насколько мы помним, он был женат во второй раз, от этого брака у него были сын и дочь, а также в этой новой его семье жил Анатолий, сын Фитина от первого брака, которому в 1944 году было двенадцать лет.

Подробностей мы, опять-таки, не знаем – хотя понятно, что мальчику нелегко было ужиться с «другой мамой», в чужой, фактически, семье, потому как отец вечно был занят, да и Лилия, очевидно, гораздо больше времени и внимания уделяла своим маленьким детям, нежели приемному сыну. Старшим сыном вообще быть труднее, а неродным – и подавно.

Кому принадлежала идея отправить Анатолия в суворовское училище мы, конечно же, не знаем. Но к тому времени, кроме тех суворовских училищ, что относились к армии, и нахимовских училищ, что относились к флоту, были сформированы два суворовских училища войск НКВД – в Кутаиси и в Ташкенте. Причем, если в «армейские» СВУ и «флотские» НВУ принимали преимущественно сыновей погибших фронтовиков, сирот, то в Кутаисском и Ташкентском училищах обучались, в основном, сыновья офицеров, генералов и других сотрудников органов и войск НКВД и НКГБ. С одной стороны – преемственность, а с другой – все эти сотрудники были либо на фронте, либо в оперативных отрядах за линией фронта или вели борьбу диверсантами, бандитами, гитлеровской агентурой и прочей нечистью в нашем тылу. Так что не стоит считать создание СВУ специально для детей сотрудников НКВД – НКГБ какой-то особой привилегией. Форма одежды суворовцев СВУ НКВД отличалась от других училищ – при тех же черных мундирах, погоны и лампасы были василькового цвета, а фуражки – как у сотрудников органов внутренних дел, с васильковой тульей и краповым околышем. На погонах Кутаисского училища было написано «Кт СВУ», и потому местные мальчишки, умирающие от зависти, кричали суворовцам вслед: «Кутаиси-таракан!»

Летом 1944 года Анатолий был отправлен в Кутаиси. На вокзал провожала его Лилия Фитина – Павел Михайлович, разумеется, находился на службе... Потом, в 1946 году, училище было переведено под Ленинград, в Петродворец («шифровка» на погонах переменилась на «Л СВУ», в отличие от «Лен СВУ», «армейского»), в изрядно побитые войной кирпичные казармы, в которых до войны располагалось Военно-политическое пограничное училище имени К.Е.Ворошилова, фактически по-

[67] Кирпиченко В.А. Разведка: лица и личности. М., 1998. С. 235.

[68] Чернявский В.Г. Разведка. Вымыслы и правда. М., 2004. С. 55.

гибшее при обороне Петергофа в 1941-м году, а до революции стоял 148-й пехотный Каспийский полк.

Одно из самых ярких впечатлений от нового училища – немецкий танк «Пантера», пробивший стену клуба, да так там и застрявший; в столовой частично отсутствовала крыша, а потому дождь капал в суп...

После суворовского училища Анатолий окончил школу КГБ в Свердловске, потом, без отрыва от службы, получил высшее образование на историческом факультете Свердловского университета и работал в органах госбезопасности, постепенно продвигаясь по службе. Вполне возможно, что Павел Михайлович мог бы ему чем-то помочь, бывшие сослуживцы и подчиненные относились к нему с большим уважением, старые связи оставались, но в семье Фитиных обыкновения кого-то «двигать» не было...

Анатолию Павловичу было сорок девять лет, это был 1981 год, когда он получил назначение на полковничью должность в Ленинграде. Но таков оказался каприз судьбы, что он скоропостижно скончался, не успев даже прибыть к новому месту службы... Произошло это через десять лет после ухода из жизни Павла Михайловича.

* * *

Возвращаемся, однако, в 1944 год.

Известно, что тогда, 5 ноября, государственные награды получили сразу восемьдесят семь сотрудников внешней разведки – можно понять, что Павел Михайлович немало постарался, чтобы труд его соратников оказался достойно отмечен. Чекистов как-то не очень «баловали» государственными наградами. Сам Фитин получил тогда орден Красного Знамени.

...Недавно в одном уважаемом журнале, в очерке одного достаточно известного автора мы с изумлением прочли:

«За качественное и оперативное решение разведывательных задач Павел Михайлович в ноябре 1944 года был награжден орденом Боевого Красного Знамени. <Ну, тут-то почти всё верно, хотя слово «Боевое» к названию ордена Красного Знамени добавляется только в разговорах. А вот далее... – А.Б.> В представлении на орден говорилось:

«Тов. Фитин П.М. возглавляет внешнюю разведку страны с 1939 года. Все пять лет он самостоятельно, оперативно и качественно решал многие вопросы разведывательной деятельности. С января по июнь 1941 года лично направил товарищу Сталину свыше ста разведдонесений о подготовке Германии к нападению на Советский Союз...»

Делаем паузу. Ранее мы уже объясняли, что даже в частном разговоре сотрудников на Лубянке не рекомендовалось – мягко говоря – вспоминать о событиях, которые привели к 22 июня. И кто бы рискнул в наградном представлении говорить о том, что товарища Сталина сто раз безуспешно предупреждали о грозящей опасности?! Самоубийцы в НКГБ не работали!

Продолжаем цитату, точнее – как бы цитату:

«“В годы войны обеспечивал руководство страны ценной информацией о стратегических замыслах германского командования. Важный вклад принадлежит тов. Фитину в овладении Советским Союзом сокровеннейшими американскими секретами по созданию атомного оружия и доведении информации о них до советских ученых, что способствовало впоследствии ликвидации в кратчайший срок ядерной монополии США. <...>”».

Всё, хватит! Какая в 1944 году «ядерная монополия США», и какая ее «ликвидация в кратчайший срок»?! И эта более чем сомнительная писанина представляется как подлинный документ, хранящийся, как бы очевидно, в архивах разведки! Впрочем, за время работы над книгой нам пришлось – в разного рода публикациях – встретить немалое количество подобных «документов».

Ну а далее автор журнальной публикации (и, кстати, целого ряда достаточно хороших книг) ничтоже сумняшеся уверяет читателя:

«Еще два ордена – Боевого Красного Знамени и Красной Звезды – Павел Михайлович получил за неоценимый вклад внешней разведки в Победу над фашистской Германией, за добывание в послевоенный период ценных документальных материалов о планах союзников СССР по антигитлеровской коалиции и за постоянное информирование Кремля о всех нюансах политики Запада в отношении нашей страны».

Да не было больше никаких орденов! Четыре медали – «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «За победу над Японией», «30 лет Советской Армии и Флота» и «За боевые заслуги».

Хотя были еще и иностранные ордена – но это уже в послевоенное время.

А из наших, советских, орденов генерал-лейтенант Фитин получил два ордена Красного Знамени, в 1940-м и 1944-м, и «Звездочку», в 1943-м. Все, ничего больше! И это – при всех титанических заслугах нашей внешней разведки перед народом и страной. Столько наград и таких мог получить за время войны хороший ротный командир в пехоте, а этих ребят награждали не очень щедро...

Зато начальник 4-го управления НКВД генерал-лейтенант Павел Анатольевич Судоплатов был награжден гораздо более достойно: орденом Ленина (но это уже после войны, в 1946-м), тремя орденами Красного Знамени (один – довоенный), орденом Суворова 2-й степени, орденом Отечественной войны 1-й степени и двумя орденами Красной Звезды. Ну что ж, всё это за дело! Вряд ли кто сегодня может оспаривать заслуги генерала Судоплатова.

Зато известный нам генерал-лейтенант Амаяк Захарович Кобулов, который до начала 1945 года руководил Наркоматом внутренних дел Узбекистана, а затем перебрался в центральный аппарат, был награжден четырьмя орденами Красного Знамени, орденами Трудового Красного Знамени, Кутузова 2-й степени и Красной Звезды.

А вот генерал-лейтенант Фитин за все пять лет Великой Отечественной войны только что и заработал, как два ордена... Как видно, непосредственные его начальники не слишком о нем заботились. Впрочем, у самого Всеволода Николаевича Меркулова, при его звании комиссара госбезопасности 1-го ранга – а потом и генерала армии – также было всего три ордена: орден Ленина, довоенный еще орден Красного Знамени и орден Кутузова 1-й степени. Зато Лаврентий Павлович Берия был награжден гораздо более щедро – званием Героя Социалистического Труда, пятью орденами Ленина, двумя – Красного Знамени и орденом Суворова 1-й степени. Наверное, начальник у него был более внимательный и заботливый...

* * *

Время, между тем не то ставило перед разведкой новые задачи, не то – усложняло старые, выводя их на передний план. Одной из таких задач было отслеживать те тайные контакты, которые те или иные силы в нацистской Германии пытались установить с руководством Англия и США за спиной СССР, и попытки союзных нам государств заключить (при определенных условиях, разумеется) с противником сепаратный мир. «Симптомы» подобных поползновений просматривались уже давно, мы о том писали.

К примеру, вот весьма интересная информация на эту тему. В мае 1942 года пришло сообщение из стокгольмской резидентуры, что один из сотрудников германского посольства в Швеции тайно вылетел в Лондон, чтобы обсудить с британской стороной условий выхода Германии из войны. В полученном спецсообщении говорилось:

«На сегодняшний день известно, что немец приехал со следующими мирными предложениями:

1. Англия как империя остается нетронутой.

2. Немцы согласны вывести свои войска из Чехословакии и реставрировать в Чехословакии такой режим, какой был до Мюнхена.

3. Оставить Польшу, какой она была, за исключением польского коридора, Данцига и Каттовиц[69], которые должны будут отойти к Германии.

4. Вся Восточная Европа будет реставрирована в ее прежних границах.

5. Прибалтийские страны останутся также самостоятельными.

6. После принятия Англией этих условий Германия совместно с Англией договорится с СССР. <...>»[70].

Вообще, представления эти выглядели довольно забавно: Германия больше не задирала Англию и отказывалась практически от всех своих завоеваний в Европе – исключая лишь несколько территорий, уж слишком нагло отторгнутых от нее по условиям Версальского договора, но вот чего она хотела оттяпать от Советского Союза, будет ли продолжаться война – это оставалось неизвестным... Вполне возможно, что анонимные силы, скрывавшиеся за неназванным немецким дипломатом, рассчитывали даже привлечь Великобританию в своему «крестовому походу на большевистский Восток» – однако Англия отклонила предложения немцев и интернировала гитлеровского дипломата.

В 1943 году представители определенных кругов в германском руководстве не нашли ничего лучшего, как обратиться за помощью к папе Римскому Пию XII, чтобы он посодействовал в организации переговоров между англо-американцами и гитлеровским рейхом. Но его святейшество понял, что в данном случае он может выступить в качестве пособника Гитлера и его кровавого режима – так сказать, «адвокатом дьявола», и благоразумно отказался.

Однако чем ближе становился крах нацистского режима, чем реальнее казалась победа советского оружия – тем более настойчивыми были попытки заключить сепаратные договоренности, причем, повторим, как с той стороны, так и с другой, но, разумеется, по различным причинам. Если представители гитлеровской Германии прежде всего боялись ответственности за свои злодеяния, то «западников» страшила возможная «советизация» или «большевизация» Германии и Восточной, а то и всей Европы. Можно предположить, что «советизация» Германии не радовала и представителей рейха...

«Наступление советских войск с каждым днем приближало конец войны в Европе. Тем не менее, гитлеровское руководство, продолжая наращивать сопротивление, еще рассчитывало на возможность обострения противоречий в антигитлеровской коалиции и для достижения своих целей всеми силами пыталось вбить клин между союзниками.

27 января фашистские руководители собрались, чтобы обсудить создавшуюся обстановку. Гитлер обратился к своим ближайшим помощникам со следующим вопросом: «Вы что думаете, англичане преисполнены энтузиазма по поводу русского продвижения?» И далее сообщил о том, что по его приказу западным союзникам «подкинуты» сфабрикованные документы, из которых следует, что вместе с советскими войсками на территорию Германии «вступает 200-тысячная германская армия (из коммунистов и бывших военнопленных. – Ред.), полностью проникнутая идеями коммунизма... Получив это сообщение, западные союзники почувствуют, что их как будто пронзили острием». Участники совещания согласились, что вступление советских войск в Центральную и Юго-Восточную Европу противоречит интересам Великобритании, и пришли к единому мнению, что шансы на изменение позиции Запада увеличатся с каждым километром приближения советских солдат к Берлину»[71].

В общем, многие на Западе – как в странах «оси», так и в государствах антигитлеровской коалиции, – надеялись, что всё удастся уладить полюбовно, а потому, кто только в этих переговорах ни участвовал! Банкиры, диплома-

[69] Так в тексте. Катовице – город на юге Польши, столица Силезского воеводства.

[70] История Российской внешней разведки. Очерки. Т. 4. М., 2014. С. 568–569.

[71] История Второй мировой войны. 1939–1945. Т. 10. М., 1979. С. 127.

ты, сотрудники спецслужб, общественные деятели, военачальники и просто жулики – причем, даже на самом-самом высоком уровне…

К примеру, «с марта 1945 года действовал <германский> канал связи с американцами в Цюрихе, где 6 марта Даллес встретился с уполномоченным СС при группе армий «С» в Италии К.Вольфом. Переговоры касались капитуляции германских войск в Северной Италии. Командующий союзными войсками в Италии фельдмаршал Г.Александер через посла Англии в Москве 12 марта информировал советское руководство о прибытии представителей германского командующего А.Кессельринга для обсуждения условий капитуляции. В тот же день министр иностранных дел СССР высказался за участие в этих переговорах. Однако МИД Англии и госдепартамент США отклонили это предложение.

Тогда Советский Союз потребовал прекращения этих переговоров, и союзники стали отрицать дальнейшее наличие контактов с немцами…»[72].

Контакты, между тем, продолжались аж до конца апреля 1945 года.

Кажется, во всей Германии в это время спокойным оставался только сам Адольф Гитлер, хотя советская пресса и прикрепила к нему ярлык «бесноватый фюрер»; ни о каком заключении мира он не думал. Бригадефюрер СС Вальтер Шелленберг свидетельствует:

«Если Германия проиграет войну, – сказал Гитлер, – немецкий народ докажет свою биологическую неполноценность и потеряет право на существование. Запад вынуждает нас драться до конца. Однако ясно, что победителем будет не Запад, а Восток»[73].

Поведение, достойное римлянина – правда, времен упадка, последующей деградации и развала империи…

Между тем, сам Шелленберг, шеф германской внешнеполитической разведки, не только принимал участие в организации сепаратных переговоров, но и убеждал собственного начальника рейхсфюрера СС Генриха Гиммлера в том, что «гибель Германии неминуема» и надо «постараться удержать руль потерпевшего аварию государственного корабля и повести его в мирную гавань, пока он не пошел ко дну»[74].

Даже при самой буйной фантазии невозможно представить подобный диалог между Павлом Фитиным и Лаврентием Берией – хотя бы в том самом трагическом октябре 1941 года, когда, фактически, они готовились сдавать Москву!

Но так уже была налажена работа нашей разведки – и столько было самых разных людей, которые не желали, чтобы одна война перешла в другую, чтоб нацистские военные преступники могли уйти от ответственности, да и симпатии к Советскому Союзу были тогда весьма велики – что вся информация о тайных переговорах очень быстро становилась достоянием советской разведки.

«Имевшиеся разведданные о тайных переговорах США с представителями нацистской Германии, которые велись с 1944 г., позволили советскому руководству занять твердую позицию и предотвратить заключение сепаратного мира. Добытая советской разведкой информация была использована для оказания давления на союзников по выполнению ранее достигнутых договоренностей о безусловной капитуляции Германии.

Разведывательная информация о настроениях влиятельных политических и военных кругов и руководства спецслужб США и Великобритании постоянно учитывались высшим руководством СССР и командованием при планировании завершающих операций по разгрому Германии»[75].

Разведка получала и обобщала соответствующую информацию, передавала ее «наверх» – а там вежливо говорили союзникам, что не надо, мол, шептаться с врагами за спиной своих боевых товарищей. По тем временам подобных предупреждений оказалось вполне достаточно, чтобы никакие сепаратные договоры между Германией (или какими-то определенными силами, действующими в оной под теми или иными лозунгами) и Соединенными Штатами и Великобританией, заключены не были.

Громадная заслуга в этом принадлежит нашей внешней разведке, Павлу Михайловичу Фитину, а также – признаем, мудрости западных политиков, которые хотя и не любили Россию, и боялись «большевизации» Европы, но прекрасно понимали, что такое Германия, и совсем не желали ее очередного «возрождения». В конечном итоге, Германия, расколотая на две половинки в 1945 году, всех в мире вполне устраивала…

* * *

Было бы вполне логично закончить эту главу Днем Победы и окончанием войны. Но, во-первых, мы не знаем, где и как провел этот день Павел Фитин, а, во-вторых, война закончилась для действующей армии, но не для действующих сотрудников спецслужб.

«После открытия второго фронта было очень важно знать планы и намерения правительств США и Англии по урегулированию после войны политических вопросов, касавшихся как Германии, так и стран, воевавших на ее стороне. Эту задачу пришлось решать нашей разведке, которая справилась с ней довольно успешно»[76].

А в общем – «Le Roi est mort, vive le Roi!»[77]. Перефразируем: война закончена – началась новая война! Но если в первом случае все уже знали, что короля зовут Людовик Шестнадцатый или Анри Четвертый, то о том, что началась «Холодная война», не знал пока что никто…

Хотя разведка уже добывала ее документы.

Вот информация, которую в апреле 1945 года из 1-го управления НКГБ передали начальнику Главного управления контрраз-

[72] История Российской внешней разведки. Очерки. Т. 4. М., 2014. С. 421–422.

[73] Шелленберг В. Лабиринт. Мемуары гитлеровского разведчика. М., 1991. С. 362.

[74] Шелленберг В. Лабиринт. Мемуары гитлеровского разведчика. М., 1991. С. 371.

[75] Христофоров В.С. Органы госбезопасности СССР в 1941–1945 гг. М., 2011. С. 215.

[76] Воспоминания начальника внешней разведки П.М.Фитина // История Российской внешней разведки. Очерки. Т. 4. М., 2014. С. 25.

[77] Король умер. Да здравствует король! (Франц.).

ведки «Смерш» НКО СССР комиссару госбезопасности 2 ранга Абакумову:

«В настоящее время в Румынии существует так называемая «Комиссия помощи польским беженцам» /«ИМКА»/, которая в своей деятельности ориентируется целиком на эмигрантское польское правительство в Лондоне, не признает Временного правительства в Польше и никакой связи с ним не поддерживает.

Из агентурных материалов, имеющихся в нашем распоряжении, видно, что, прикрываясь вывеской «Комиссии», отдельные ее члены занимаются активной разведывательной деятельностью в Румынии и ведут работу против Советского Союза.

Нам известно, что председатель этой «комиссии»[78] поляк СВИДЕРСКИЙ Казимир в течение длительного времени возглавляет группу польских разведчиков в Румынии, в 1943 году был арестован немцами и в начале 1944 года из-под стражи освобожден. Продолжает вести активную разведывательную работу.

Из агентурных материалов, полученных из Вашингтона, видно что СВИДЕРСКИЙ непосредственно связан с англичанами и американцами, информирует их о произведенных арестах среди поляков и о мероприятиях, проводимых нашими советскими организациями <...>»[79].

Объяснять, что разведки недавних наших союзников теперь начинали активно работать против Советского Союза, смысла нет, а вот документально подтвердить – не сложно. Вот спецсообщение, датированное сентябрем 1945 года:

«В июле с.г. работник комиссии по репатриации в Германии передал нашему резиденту в Париже архив украинских националистических организаций, существовавших в гор. Веймар (Германия) до июня 1945 года, т.е. до перехода Веймара в зону оккупации советских войск.

На основании захваченных документов установлено, что в гор. Веймар, во время оккупации его союзниками, было сосредоточено до четырех тысяч украинцев, бежавших с немцами из Украины.

В Веймаре находились бывш. Харьковский «Провод» ОУН во главе с его руководителем ДОЛЕНКО В.Д., «Украинский Центральный Комитет» (УЦК) во главе с В.КУБИЙОВИЧЕМ и другие антисоветские националистические организации, действовавшие на Украине при немцах. <...>»[80].

Далее следует информация обо всяких организационных пертурбациях и, разумеется, «дележке портфелей» – какой смысл человеку «идти во власть», если он с того ничего не имеет? Нас это не очень интересует, а вот прочитать про тех, кто, в отличие от гитлеровцев, изначально не побрезговал услугами заведомых предателей – будет достаточно любопытно. (В спецслужбах есть такая циничная шутка: «Нет отбросов, а есть резервы», – но к нашей разведке она, конечно, никакого отношения не имеет!) Если же говорить про отношения гитлеровцев и бандеровцев, то мы прекрасно помним, как в 1941-м немцы сразу же указали последним на их место, и только после чувствительных ударов Красной армии согласились признать в них нечто «себеподобное»... Однако возвращаемся к документу, утвержденному Павлом Фитиным:

«<...> 14 апреля, после оккупации Веймара американскими войсками, по общему согласию находившихся там националистических главарей, «Украинский Центральный Комитет» – УЦК был ликвидирован как «немецкая административная единица» и вместо него создан «Украинский комитет», председателем которого назначен старый украинский эмигрант – петлюровец КОВПАНЕНКО.

Группа, возглавляемая ДОЛЕНКО, настаивала на активных действиях «правительства» УНР, считая, что все украинцы-военные должны явиться в украинские легионы, существующие в американской и английской армиях, и что премьер-министр УНР должен письменно обратиться к ЭЙЗЕНХАУЭРУ[81] с извещением о наличии «президента» и «правительства» УНР, чтобы американцы оказали помощь и приняли «правительство» под свою опеку.

«Правительство» УНР по этому вопросу заняло тогда выжидательную позицию.

По имеющимся в 1 Управлении НКГБ данным, ЛЕВИЦКИЙ, после оставления Веймара американцами и оккупации города Красной Армией, выехал и находится во Франкфурте на Майне, где вместе с Андреем МЕЛЬНИКОМ возглавляет созданный американцами «Украинский Комитет»...»[82].

Как видим, наши американские союзники уже тогда активно разыгрывали ту самую крапленую «украинскую карту», на которую оказалось так много поставлено сегодня.

Разумеется, крапленая карта у них была не одна, и волонтеров «холодной войны» англо-американцы набирали, где только возможно. Уровень «добровольцев» был понятен – о том, что с этими «резервами» постоянно нужно держать ухо востро, свидетельствует следующее, подготовленное ИНФО и завизированное Фитиным в декабре 1945 года, спецсообщение:

«Резидент НКГБ СССР в Варшаве сообщает:

В конце ноября с.г. польскими органами безопасности был перехвачен прибывший из Лондона курьер от генерала КОПАНСКОГО, начальника польского «генштаба» в Лондоне.

При обыске у курьера была обнаружена зашифрованная телеграмма на имя командующего Армией Крайовой ЖЕПЕЦКОГО, известного под псевдонимами «Презес», «Слюсарчик», «Вольский» и «Ожуг», который еще 5.11.45 был арестован безпекой.

Текст телеграммы гласит:

«006. 10 ноября. 'Ожугу'.

Для Вашего сведения сообщаю, что генерал АНДЕРС[83] проводит

[78] Разночтение в оригинале.
[79] Архив СВР России.
[80] Архив СВР России.
[81] Эйзенхауэр Дуайт Дэвид (1890–1969) – генерал армии, командовал оккупационными войсками США в Германии; 34-й президент США (1953–1961).
[82] Архив СВР России.
[83] Андерс Владислав (1892–1970) – дивизионный генерал, командовал польскими формированиями во время Второй мировой войны – Армия Андерса (2-й Польский корпус).

самостоятельную политику, противоречащую как воле большинства польской общественности, так и позиции польских руководящих деятелей в Лондоне. Нами установлено оживленное передвижение курьеров и наличие самостоятельной радиосвязи между 2 корпусом и Польшей. Эта деятельность 2 корпуса вызвана тем, что много людей уклоняются, о чем Вы сообщали. (Так в тексте. Примечание 1 Управления НКГБ).

АНДЕРС атакует наших людей и стремится к овладению денежными средствами страны, имеющимися в распоряжении нашей администрации. Два человека АНДЕРСА совершили вооруженное нападение на нашу пляцувку[84] в Италии, арестовали несколько человек, захватили шифры и денежные средства, в том числе полмиллиона долларов. <...>«»[85].

...Понятно, что и наша разведка совершенствовала свою деятельность, работая применительно к новым условиям и реалиям нового послевоенного мира.

«За короткий отрезок времени после освобождения Франции парижская резидентура НКГБ быстро наладила разведывательную работу и добилась положительных результатов. Она сумела использовать благоприятную оперативную обстановку, сложившуюся во Франции в конце 1944 – начале 1945 года, а также возросший престиж Советского Союза во всем мире для приобретения ценной агентуры и внедрения надежных агентов в наиболее важные объекты страны пребывания. Особенно большое внимание уделялось спецслужбам, дипломатическим и иным представительствам ведущих западных государств.

В июне 1945 года в Центре был разработан окончательный план реорганизации бывшей объединенной разведгруппы и налаживания дальнейшей разведывательной работы во Франции. Было признано целесообразным расформировать эту группу, поскольку ее организационное построение не отвечало требованиям конспирации. Многие агенты знали друг друга, были в курсе заданий, выполнявшихся другими членами организации. Средства и методы, успешно использовавшиеся в условиях Сопротивления, оказывались неприемлемыми в новой обстановке. Большое значение придавалось повышению качества добываемой информации, поскольку, например, из более чем тысячи агентурных донесений о положении во Франции, полученных в 1945 году, Центр использовал лишь 16 процентов.

Было создано несколько самостоятельных, не зависящих друг от друга небольших разведгрупп. Их назначение и задачи были четко сформулированы. Наиболее ценная агентура выделялась отдельно.

Вскоре в Москву стали поступать данные, свидетельствовавшие о том, что французская контрразведка разрабатывает некоторые разведгруппы. Как отмечалось в докладной записке на имя начальника Первого управления НКГБ П.М.Фитина от 25 сентября 1945 года, целью французов являлось:

«1. Вскрыть весь состав групп, выявить работников советской резидентуры в Париже, наши планы и методы работы во Франции.

2. Максимально 'переплести' работу членов групп с парторганизациями на местах и руководством французской коммунистической партии для того, чтобы в удобный момент не только нанести удар по нашей работе, но и одновременно подорвать престиж и скомпрометировать компартию, представив ее как агентуру СССР и придаток советской разведки».

С тем, чтобы не позволить французским спецслужбам осуществить задуманную операцию, руководство внешней разведки в Москве решило дать указание «легальной» резидентуре в Париже законсервировать до конца года образованные летом 1945 года разведгруппы, запретив их членам проводить какую-либо работу и особенно иметь контакты с французской компартией»[86].

И вот еще, для полноты картины, документ, свидетельствующий о том, что уже тогда совсем недавние наши союзники не исключали «силового решения» проблем строительства «новой Европы» и тем же путем думали развивать отношения с Советским Союзом:

«Резидент МГБ в Каире сообщил следующие агентурные сведения:

4.3.46 французская военная миссия в Каире направила на имя начальника 2 секции штаба национальной обороны Франции докладную записку, в которой сообщила, что в связи с предстоящей эвакуацией английских войск из Египта, польские войска, находящие в Египте, будут направлены в Палестину и Киренаику[87].

В Киренаике они будут влиты в армию Андерса, которая в ближайшее время должна быть переброшена туда из Италии.

Армия Андерса и другие польские части, находящиеся под английским контролем, будут распущены только формально. Англичане намерены сохранить основные кадры польской армии, и надеются, что число солдат, которые пожелают воспользоваться правом возвращения на родину, будет весьма незначительно. Демобилизованные солдаты, не желающие возвращаться на родину, берутся на особый учет и должны по первому требованию вернуться в свои части. Англичане предпочитают расселить их в Киренаике, Триполитании и Ливане, предоставив им работу в гражданских организациях.

В настоящее время английская разведка отбирает из польских солдат агентуру для работы против СССР, при чем особый интерес проявляют к выходцам из западных областей Украины и Белоруссии.

НАЧ. 8 ОТДЕЛА 1 УПРАВЛЕНИЯ МГБ СССР
ГЕНЕРАЛ-МАЙОР
(АЛЛАХВЕРДОВ)»[88].

Спецсообщение подготовлено информационным отделом и утверждено Павлом Фитиным.

Холодная война грозила перейти в «горячую». Тем более что

[84] Отделение.
[85] Архив СВР России.
[86] Очерки истории Российской внешней разведки. Т. 4. М., 1999. С. 244–245.
[87] Историческая провинция; в 1943 г. оккупирована британскими войсками; с 1951 г. – в составе Ливии.
[88] Архив СВР России.

наши теперь уже противники – скоро в обиходе советских спецслужб появится термин «ГП», «главный противник», которым на долгие годы станут США – были уверены в своей монополии на обладание всесокрушающим ядерным оружием. Им нужно было не так уж и много времени, чтобы запастить достаточным количеством ядерного оружия для нанесения массированного удара по территории СССР.

«Планы атомной войны против СССР, разработанные Объединенным комитетом начальников штабов США в период 1945–1959 годов, составлялись и уточнялись почти ежегодно...

Первый такой план, получивший кодовое название «Тоталити»[89], бы готов в конце 1945 года. Он был составлен с учетом атомных ударов по японским городам Хиросима и Нагасаки. В нем учитывались стратегическая уязвимость территории СССР и возможные последствия нанесения первого атомного удара с использованием 20 атомных бомб. Планом предусматривалась бомбардировка 17 городов СССР, включая Москву, Горький, Куйбышев, Свердловск, Новосибирск, Омск, Саратов... При этом разработчики плана исходили из того, что Советский Союз не сможет нанести по США ответный удар из-за отсутствия у него атомного оружия. Иными словами, ставка делалась на безнаказанность для США»[90].

Однако они ошибались в своих надеждах – перед ними была уже совершено иная страна, которая по-настоящему могла и умела за себя постоять. И это был уже совершенно иной мир, который во многом изменился именно потому, что его смогли повернуть генерал-лейтенант Павел Фитин и его «команда» – советская внешняя разведка.

Так что противники наши не успели. 29 августа 1949 года Советский Союз громогласно заявил о своем вступлении – точнее, о создании теперь уже «Клуба ядерных держав», в котором тогда еще было только два члена.

Мы знаем, кому следует сказать за это спасибо!

* * *

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 6 июля 1945 года были отменены специальные звания государственной безопасности и всему начальствующему составу органов НКВД и НКГБ СССР присвоены воинские звания, установленные для офицерского состава и генералов Красной армии.

9 июля 1945 года Павел Михайлович Фитин стал генерал-лейтенантом. Тогда ему еще было всего только тридцать семь лет.

«О, молодые генералы своих судеб!» – кажется, что это и про него...

* * *

В июне 1945 года начальником Главного разведывательного управления Генштаба Красной армии стал генерал-полковник Федор Федотович Кузнецов – пятый начальник военной разведки за «время Фитина».

«ЕСТЬ ЧЕРНОЕ И БЕЛОЕ, И НЕЛЬЗЯ ЭТО ПУТАТЬ...»

На том мы и вынуждены закончить рассказ о «Фитинском времени» в истории советской внешней разведки – безусловно, самом ярком и самом известном периоде ее деятельности, не только благодаря личности ее начальника, но еще и потому, что оно совпало с Великой Отечественной войной.

Теперь мы переходим к иным событиям, в которых будет гораздо меньше интересного, зато гораздо больше таких загадок, которые нам возможно если не разрешить, то хотя бы прояснить.

Генерал-лейтенант Павлов вспоминал:

«Не успела закончиться война, как Берия расправился с некоторыми, имевшими свое особое мнение начальниками. В июне 1946 года под каким-то надуманным предлогом он снял с поста начальника разведки П.М.Фитина и направил его в распоряжение управления кадров»[91].

Это – устоявшаяся легенда, ее повторяют многие, однако она имеет весьма уязвимые места.

Виталий Георгиевич пишет: «Не успела закончиться война». По логике, это должен быть май 1945-го, или, крайний срок, сентябрь того же года. Но июнь 1946-го называется «через год».

А чем занимался сам Лаврентий Павлович в июне 1946-го? Руководил «атомным проектом»! 20 августа 1945 года при Государственном Комитете Обороны (ГКО будет упразднен 4 сентября 1945 года, по окончании Второй мировой войны) был создан Специальный комитет, председателем которого стал Берия. Задачей комитета, вскоре переименованного в Специальный комитет при СНК СССР, а затем и в Специальный комитет при Совете Министров СССР, было «руководство всеми работами по использованию внутриатомной энергии урана».

Маршал Советского Союза Л.П.Берия еще некоторое время руководил Наркоматом внутренних дел, но 29 декабря все того же 1945 года он передал эту должность генерал-полковнику Сергею Никифоровичу Круглову, кстати, ровеснику П.М.Фитина. Хотя Берия и продолжал курировать спецслужбы, но... мертвый медведь в лесу не хозяин!

Имя Круглова не на слуху, хотя личность эта, как представляется, достаточно интересная. В 1931 году он поступил в Московский индустриально-педагогический институт им. К.Либкнехта, оттуда был переведен слушателем японского отделения особого сектора Московского института востоковедения, затем направлен на восточное отделение Института красной профессуры. Учился он до 1937 года, но учебу опять-таки не завершил, так как в октябре 37-го был назначен ответственным организатором Отдела руководящих партийных органов ЦК ВКП(б). Через год уже он был направлен в Наркомат внутренних дел в качестве особоуполномоченного НКВД СССР, в звании «старший майор госбезопасности» – то есть, генерал-майор.

Напомним, что Павел Фитин в то время окончил Центральную

[89] «Totality» (Англ.) – «Совокупность».
[90] История Российской внешней разведки. Очерки. Т. 5. М., 2014. С. 36.
[91] Павлов В.Г. Трагедии Советской разведки. М., 2000. С. 354.

школу НКВД и стремительно поднимался по всем ступенькам «карьерной лестницы» обезлюдевшей разведслужбы. Наверное, в этом уже как-то ему помогал и Круглов, ставший в 1939 году заместителем наркома по кадрам.

В 1941-м, при разделе НКВД и НКГБ, Сергей Никифорович стал 1-м заместителем наркома внутренних дел, затем, в августе – октябре побыл членом Военного совета Резервного фронта, которым сначала командовал Г.К.Жуков, а потом С.М.Буденный (в конце августа – начале сентября войска фронта успешно провели Ельнинскую операцию, в которой родилась Советская гвардия). В ряде биографий Круглова пишется, что в 1941–1942 годах он являлся членом Военного совета Западного фронта, но, как известно, эту должность с июля 1941-го по декабрь 1943 года занимал Н.А.Булганин.

Круглов же возвратился в НКВД в качестве заместителя, а потом 1-го заместителя наркома и руководил выполнением ряда особых заданий... В частности, в январе 1945 года он организовывал охрану «объектов специального назначения» и обеспечение безопасности участников Крымской конференции; в апреле – мае обеспечивал охрану главы Советской делегации Молотова во время его пребывания на конференции в Сан-Франциско, посвященной созданию Организации Объединенных Наций; в июле – августе обеспечивал безопасность Потсдамской конференции.

Из перечисленного можно понять, что с Павлом Фитиным Сергей Круглов был знаком достаточно хорошо. Зная характер Фитина, можно также предполагать, что отношения между ними были – по крайней мере – «рабочими», а может быть и несколько теплее. При этом понятно, что никакой конкуренции между ними не было и быть не могло.

Вполне нормальные, насколько нам известно, были отношения у Фитина и с его непосредственным начальником – генералом армии Меркуловым. А дальше следует «но», с которого, очевидно, всё и началось...

7 мая 1946 года Всеволод Николаевич был снят с поста министра государственной безопасности СССР.

Страна вновь входила в «полосу репрессий». «Первым звонком» стало так называемое «шахуринское дело» – по имени наркома авиапромышленности Алексея Ивановича Шахурина, генерал-полковника инженерно-авиационной службы; по этому делу будут арестованы руководители авиационной промышленности и командование Военно-воздушных сил СССР, вплоть до командующего, маршала авиации Александра Александровича Новикова, дважды Героя Советского Союза, и начальника штаба ВВС, маршала авиации Сергея Александровича Худякова. Затем последуют «дело Еврейского антифашистского комитета», «Ленинградское дело», «дело врачей» и так далее...

О том, кому и зачем это было нужно, мы сейчас говорить не будем, тема не наша – но уточним, что для выполнения подобных задач нужен был жесткий и опытный руководитель, беззаветно преданный Сталину. Меркулов, несмотря на всю свою преданность, жестким человеком не был, а потому выбор пал на генерал-полковника Виктора Семеновича Абакумова, опытного чекиста, руководившего во время войны самой эффективной контрразведкой, которую лично Иосиф Виссарионович окрестил «Смерш» – «Смерть шпионам!» Что интересно, хотя наград у Абакумова было немного, но все ордена, что называется, полководческие: орден Суворова двух степеней и орден Кутузова 1-й степени... Всё!

Это впоследствии уже появилась у нас «в верхах» некая туманная «всепрощающая» формулировка: «освободить от исполнения обязанностей, в связи с переходом на другую работу» – вот народ и гадает, за что ж начальника сняли? Тогда всё было несколько проще: против наркома Меркулова выдвинули несколько обвинений, и в том числе – но данная буквальная формулировка была сделана уже чуть позже, по партийной линии, – что «министр Госбезопасности т. Меркулов В.Н. скрывал от ЦК факты о крупнейших недочетах в работе Министерства и о том, что в ряде иностранных государств работа Министерства оказалась проваленной».

В принципе, тут мы можем поставить точку. Кто отвечал за работу Министерства «в ряде иностранных государств»? Фитин! Значит, и его нужно отправить во след за бывшим начальником.

Меркулов был назначен заместителем начальника Главного управления советского имущества за границей при Министерстве внешней торговли СССР. Это показывает, что товарищ Сталин не только не имел к нему никаких претензий, но и не утратил доверия. Вот и дали человеку «хлебное место» за кордоном, чтобы здесь не болтался, чтоб ему меньше вопросов задавали...

Понятно, что Абакумову нужно было «расчистить» наркомат от «людей Берии» и «людей Меркулова». И какая в данном случае разница, кто из них является авторитетным профессионалом, а кто так – занимает место?

Как это нередко бывает, нашлись обстоятельства, которые поспособствовали – точнее, оправдали это решение.

Известно, что ни одна спецслужба не гарантирована от провалов и предательства. В послевоенное время таких произошло несколько – о причинах можно говорить долго. Но вот – конкретные факты.

Во-первых, 5 сентября 1945 года перешел на сторону противника (измена разведчика расценивается именно так) сотрудник военной разведки, шифровальщик посольства СССР в Канаде лейтенант Игорь Гузенко. А мы некогда говорили, что шифровальщик, в качестве объекта вербовки, представляет больший интерес, нежели посол. Гузенко передал канадцам большое количество секретных материалов – в том числе и касающихся «соседей», то есть в данном случае разведки НКГБ. Разразился большой скандал, а по нашей разведывательной сети

был нанесен ряд чувствительных ударов.

Во-вторых, в том же «черном сентябре» на сторону противника вознамерился перейти сотрудник внешней разведки вице-консул в Стамбуле полковник Константин Волков. Изменник успел даже написать письмо своим «британским коллегам», намереваясь сообщить им – всего за 30 тысяч фунтов стерлингов – имена двух советских агентов, работавших в Foreign Office и одного в MI5. К счастью – не Волкова, конечно, – сообщение попало в руки нашего агента в MI6 Кима Филби, оперативный псевдоним «Зенхен», и потенциального Иуду аккуратно возвратили в Москву, где он вполне заслуженно пополнил список «жертв сталинских репрессий».

В-третьих, американские криптографы сумели дешифровать радиограммы, отправленные в 1944–1945 годах из Центра в Нью-Йоркскую резидентуру – причиной провала оказалось нарушение инструкции нашими шифровальщиками. А в результате, с учетом тогдашнего «похолодания» советско-американских отношений, власти Соединенных Штатов закрыли советские генеральные консульства в Нью-Йорке и Сан-Франциско, вследствие чего прекратили деятельность две «легальные» резидентуры.

Ну а далее всё получилось так, как писал в своем исследовании «Шпионаж по-советски» известный американский советолог Дэвид Даллин:

«Чрезвычайные военные обстоятельства неизбежно вызывали послабления в строгих правилах конспирации... Теперь военная напряженность прошла, и настало время, когда нарушители правил должны были расплачиваться за свои прегрешения. В каждом случае крупного провала некоторые лица или даже группы лиц обвинялись в этом и подвергались наказанию, независимо от того, виновны они или нет, потому что нужен был пример на будущее. «Слабина» должна быть устранена, «предательство» – наказано»[92].

Вроде бы, по официальной версии, именно за эти проколы Фитин и был наказан... Конечно, с некоторым опозданием, но мы же не знаем точно, когда на Западе раскрутился этот «маховик» и по-настоящему напряглись отношения.

Есть еще и такая версия, что всему виной был известный нам «Лицеист», двойной агент Орестс Берлинкс.

На допросе в контрразведке МГБ СССР бывший сотрудник гестапо Зигфрид Мюллер рассказал следующее:

«Нам удалось установить, что советник советского посольства Кобулов вел в Германии разведывательную работу. Кобулову в августе 1940 года был подставлен агент германской разведки – латыш Берлинкс, который по нашему заданию длительное время снабжал его дезинформационными материалами. Берлинкс говорил мне, что ему удалось войти в доверие Кобулову, что последний рассказывал Берлинксу даже о том, что все доклады он направлял лично Сталину и Молотову...»[93].

В принципе, это нам уже известно – а вот на Лубянке такого до сих пор не знали, поэтому, вроде бы, за оперативный успех с «Лицеистом» Амаяк Захарович даже получил тогда орден Красного Знамени...

А далее, как нам рассказывали, когда вся эта история выплыла наружу, Фитин по-честному отдал все документы, касающиеся этой разработки, в соответствующие органы. Возможно, он посчитал, что, в конце концов, этих знаменитых братьев – Амаяк в то время был заместителем начальника Отдела «С» МВД СССР, занимавшегося «атомным проектом», Богдан был заместителем начальника Главного управления советским имуществом за границей – немножко поставят на место и наконец-то восторжествует справедливость. Абакумов лично занялся «раскруткой» этого дела, но, как предполагается, Кобуловых поддержал Берия, понявший, что если «Хозяину» во всех подробностях доложат, как его обманули с «Лицеистом», то тогда худо будет не только братьям, но и их «патрону», у которого как раз в то время отношения со Сталиным несколько напряглись... Вот потому-то это дело и закончилось для Фитина отстранением от должности, и в таком случае утверждения, что с ним расправился Берия, могут соответствовать действительности.

И все-таки «Лицеист», в конце концов, сгубил своего куратора!

В приговоре Военной коллегии Верховного суда СССР от 1 октября 1954 года Амаяку Захаровичу Кобулову вменялось в вину следующее:

«Находясь по рекомендации Берия в 1940–1941 годах на ответственной работе резидентом советской разведки в советском посольстве в Германии, Кобулов А.З. развалил работу советской разведки и допустил проникновение в советскую разведку агентов немецкой разведки, а получаемую от этих агентов дезинформацию передавал через Берия Правительству СССР.

Допрошенный еще в 1945–1947 гг. бывший гитлеровский разведчик Мюллер З. показал, что Кобулов А. допустил проникновение немецкой агентуры в советскую разведку, а из сообщения начальника 2-го Главного управления МВД СССР Панюшкина видно, что Кобулов А. получал от своей агентуры дезинформационные материалы...

Несмотря на преступную работу Кобулова А. в Германии, Берия укрыл его от привлечения к ответственности и назначил наркомом внутренних дел Узбекской ССР, где Кобулов А.З. продолжал проводить в жизнь преступные указания Берия, направленные на противопоставление органов НКВД партии и правительству...»[94].

Оставляем документ без комментариев.

Итак, 15 июня 1946 года генерал-лейтенант Павел Михайлович Фитин был освобожден от должности.

К сожалению, с соответствующим документом нам познакомиться не удалось, но генерал-майор Лев Филиппович Соцков

[92] Даллин Д. Шпионаж по-советски. Объекты и агенты советской разведки. 1920–1950. М., 2001. С. 287.

[93] История Российской внешней разведки. Очерки. Т. 3. М., 2014. С. 452.

[94] Политбюро и дело Берия. Сборник документов. М., 2012. С. 707–708.

пересказал нам его своими словами:

– Характеристика когда его сняли, была примерно такая – ничего не знает, ничего не умеет, в оперативной работе не разбирается и руководить не умеет. Там буквально напрашивается вывод: и как же он попал сюда?

Удивительно! Мы ведь помним, что с того самого 1939 года, когда Павел Фитин возглавил внешнюю разведку НКВД, Главным разведывательным управлением Генштаба Красной армии руководил уже пятый начальник. Почему товарищи Берия и Меркулов семь лет нянчились с «ничегонезнающим» и «ничегонеумеющим» начальником сначала 5-го отдела, а затем 1-го управления?!

Конечно же, советские газеты, вышедшие на следующий день – 16 июня 1946 года – ничего не сообщали об этом «кадровом решении».

Возьмем газету «Правда» – орган ЦК ВКП(б) – и посмотрим, о чем она тогда писала:

«Работа комиссии по контролю над атомной энергией.

Нью-Йорк, 15 июня. (ТАСС). Вчера в Нью-Йорке в здании Хантер-колледж открылось заседание комиссии Об'единенных наций по контролю над атомной энергией для рассмотрения проблем, возникающих в связи с развитием атомной энергии, и для изыскания методов установления контроля над производством атомной бомбы...»

«Процесс главных немецких военных преступников в Нюрнберге.

Нюрнберг, 14 июня. (ТАСС). На вечернем заседании трибунала продолжался допрос Папена[95]...»

«Международное обозрение.

Небезызвестная консервативная газета «Дейли мейл» пишет, что надо добиться урегулирования международных отношений без участия Советского Союза. Вашингтонский корреспондент агентства Юнайтед Пресс говорит, что дело подошло к тому, чтобы пред'явить Советскому Союзу «подлинный ультиматум»...

Все эти и им подобные рассуждения различных англосаксонских журналистов не заслуживали бы особого внимания, если бы за ними не стояли определенные и достаточно влиятельные реакционные круги, поставившие, по всем данным, перед собой задачу – подорвать основы послевоенного мира и безопасности...»

Нужно ли объяснять, что к информации, содержащейся во всех этих сообщениях, Павел Михайлович имел самое прямое и непосредственное отношение? И говорить о том, что подобные сложнейшие задача могла решить именно та Служба, которую он создал за время своего руководства коллективом советской разведки...

* * *

Ну а в разведке, к сожалению, после его ухода вновь началась, извините, свистопляска. Уверившись – благодаря той самой разведке, как мы знаем! – в том, что войны в обозримом будущем не будет, политическое руководство страны вновь занялось экспериментами. Смена высшего руководства страны этот процесс еще более усилила.

Генерал-лейтенант Фитин был уволен из кадров МВД СССР в 1953 году, так за это недолгое время внешняя разведка сменила шесть наименований и семь начальников!

Еще при Павле Михайловиче, 15 марта 1946 года, внешняя разведка впервые стала называться Первым главным управлением (ПГУ) – но тогда МГБ СССР[96]; затем начались эксперименты с Комитетом информации – сначала он был при Совете министров СССР, потом – при МИДе; в ноябре 1951 года разведка вновь стала ПГУ МГБ СССР, но в январе 1953 года обратилась в 1-е управление Главного разведывательного управления МГБ СССР, а в день смерти Сталина, 5 марта 1953 года, превратилась вдруг во Второе главное управление МВД СССР...

На посту руководителя разведки, на три неполных месяца, Фитина сменил генерал-лейтенант Петр Николаевич Кубаткин, всю войну возглавлявший управление госбезопасности Ленинградской области, а потому и расстрелянный впоследствии по Ленинградскому делу; затем три года разведкой руководил генерал-лейтенант Петр Васильевич Федотов, ранее начальник контрразведывательного управления – впоследствии его лишили генеральского звания «за грубые нарушения социалистической законности»; с 1949-го по 5 января 1953 года начальником разведки был генерал-лейтенант Сергей Романович Савченко, бывший нарком госбезопасности Украины – в 1955 году его уволили «по служебному несоответствию»; после Савченко разведкой три месяца руководил генерал-майор Евгений Петрович Питовранов, начальник управления контрразведки; потом, опять-таки три месяца, был генерал-лейтенант Василий Степанович Рясной, заместитель министра госбезопасности СССР; наконец, 28 мая 1953 года – но, к сожалению, очень ненадолго и в качестве «исполняющего обязанности» – службу возглавил хорошо нам известный кадровый разведчик генерал-майор Александр Михайлович Коротков, которого в июле того же года сменил другой замечательный разведчик – генерал-майор Александр Семенович Панюшкин.

Нельзя, конечно, не вспомнить, что затем, с июня 1955 года в разведке началась «эпоха Сахаровского» – когда Службой до июля 1971 года руководил генерал-полковник Александр Михайлович Сахаровский, человек, на два года моложе Фитина. Ветераны и историки разведки говорят, что по своему значению Павел Фитин и Александр Сахаровский вполне сравнимы, потому как каждый из них сделал для Службы очень и очень много... Но мы вновь возвращаемся к нашему герою.

Итак, 15 июня 1946 года Павел Фитин был освобожден от должности и полгода пребывал в распоряжении отдела кадров Министерства госбезопасности. В

[95] Папен Франц Йозеф Герман Михаэль Мария, фон (1879–1969) – немецкий государственный и политический деятель, дипломат; посол Германии в Турции в 1939–1944 гг.

[96] С 13 марта 1954 г. до 22 октября 1991 г. советская разведка называлась Первое главное управление (ПГУ) КГБ СССР (до 5 июля 1978 г. было КГБ при СМ СССР).

декабре 1946 года его отправили заместителем уполномоченного МГБ в советской зоне оккупации Германии, но там он пробыл недолго, и в феврале 1947 года был назначен заместителем начальника Управления МГБ Свердловской области.

Говорить о новых служебных обязанностях Павла Михайловича достаточно сложно, потому как при внимательном рассмотрении можно понять, что выбор нового места его службы определялся совсем не тыком наугад начальственного пальца и отнюдь не мстительным желанием заслать куда-нибудь подальше отстраненного руководителя разведки. Тому в подтверждение повторим ранее процитированную фразу из воспоминаний Павла Михайловича:

«В послевоенные годы мне на протяжении почти пяти лет пришлось заниматься вопросами, связанными со специальным производством и пуском урановых заводов...»[97].

Сейчас ведь хорошо известно, что в Рудных горах Саксонии, в восточной части Германии, буквально сразу после войны был создан гигантский горнодобывающий и горнообогатительный комбинат, на котором получали урановую руду, необходимую для атомных бомб. Работа это проводилась под прикрытием советского государственного акционерного общества «Висмут»...

О том, чем является для нашей оборонной промышленности Урал, мы и уточнять не станем. Так что, определенно, совсем не случайно оказался в этих местах генерал, работавший по «атомному проекту». Теперь его задачей было надежно защитить наши разработки от любопытства своих бывших коллег – заокеанских и заморских. А так как ядерный взрыв 29 августа 1949 года оказался для американцев гораздо большей неожиданностью, нежели для нас ядерный взрыв 16 июля 1945 года, то можно понять, что ему это в полной мере удалось.

Так что считать это назначение всего лишь более-менее «почетной ссылкой» – нельзя. Это была служба на участке, порученном, как тогда говорилось, «партией и Родиной».

...Нам повезло, что в городе Екатеринбурге удалось встретиться с несколькими сотрудниками госбезопасности, которые помнят Павла Михайловича и могут о нем рассказать. Не расшифровывая этих людей, мы перескажем их воспоминания.

Прежде всего надо отметить, что Павел Михайлович Фитин действительно не чувствовал себя каким-то незаслуженно обиженным человеком и никак не показывал каких-то собственных обид. Ведь есть же такие люди, что, виноват – не виноват, но даст понять, а то и скажет всем и каждому, мол, кем и где я был раньше – а теперь вынужден прозябать среди вот таких, как вы. Нет, Фитин с полнейшей ответственностью относился к порученному ему делу и был именно на своем месте и совершенно не вспоминал о прошлом. А потому и коллектив сразу и без сомнений, без опасений – мол, «столичная штучка», чего от него еще ждать? – принял нового начальника. Сотрудники почувствовали: пришел, во-первых, высококлассный профессионал и, во-вторых, что не менее важно, достойный, очень порядочный человек.

Недаром же в те самые времена ему была дана такая характеристика – в известном нам наградном листе:

«За время работы в органах НКВД-МГБ приобрел опыт в оперативно-агентурной работе. Умело руководит подчиненными работниками и пользуется у них авторитетом. Участвует в партийно-общественной жизни коллектива»[98].

Начальник, как вспоминают сотрудники, он был требовательный и строгий, при том – справедливый, а по-человечески очень добрый и общительный. Но к тем, кто не держал своего слова, не выполнял своих задач, ничего об этом не говоря, считая, что, мол, пройдет время, забудут – он был жестким, и отношение к таким людям было у него сугубо принципиальное. При этом сам Павел Михайлович был очень организованным человеком: что намечено, то обязательно сделает, даже если никому ничего не обещал. Была у него еще и такая черта – если он даже случайно услышит, что человеку нужна какая-то помощь, то сделает всё, что может. Не говоря ни слова, ничего не обещая – просто, потом сообщит, мол, тебя ждут там-то... И всё действительно будет решено!

Как нам сказали, он всегда стоял к человеку лицом.

Фитин прекрасно понимал, какая колоссальная ответственность на него возложена – причем, не только за государственные интересы, но и за каждого человека, с которым он работает. Особое отношение у него было к фронтовикам, он очень доверял тем, кто понюхал пороху. Понятно, что тогда в управлении почти все были такие – многие сотрудники во время войны служили в «Смерш», имели как оперативный, так и боевой опыт. Поэтому Павел Михайлович внимательно прислушивался к мнению и даже советам подчиненных.

К тому же, в людях он разбирался великолепно, и знал, кого о чем спросить, чего у кого потребовать, как подойти к человеку.

Памятен среди ветеранов такой случай, произошедший несколько позже, когда Фитин уже возглавлял Свердловское управление МВД. Секретарем комсомольской организации там был Юрий Дементьев – офицер лет двадцати пяти, фронтовик, награжденный орденом Красной Звезды, медалями «За боевые заслуги», «За взятие Берлина» и «За освобождение Праги». В войну он был шифровальщиком в штабе 4-й гвардейской танковой армии, у легендарного танкового генерала Дмитрия Даниловича Лелюшенко; по возвращении с войны Дементьев поступил в Свердловский горный институт, но через два года его пригласили на службу в управление госбезопасности, а от таких предложений отказываться было непринято.

[97] Воспоминания начальника внешней разведки П.М.Фитина // История Российской внешней разведки. Очерки. Т. 4. М., 2014. С. 26.

[98] Архив СВР России.

Кажется, что Юрий Дементьев оказался на месте – веселый, компанейский, он не только сплачивал молодежный коллектив, но и пользовался уважением старшего поколения. С Павлом Михайловичем, несмотря на разницу в возрасте, положении и звании, у него были, можно сказать, дружеские и вполне доверительные отношения. Однако вскоре Фитин заявил комсоргу напрямую: «Ты мне не нужен! Тебе здесь делать нечего! Увольняйся!» Тогда уволиться из госбезопасности означало поломать не только карьеру, но и, что было весьма вероятно, саму жизнь. Однако Павел Михайлович прекрасно знал, что он делает, и понимал, какая судьба уготована его молодому другу.

Из Свердловска, имея на руках соответствующие рекомендации, Дементьев прибыл в Москву, где прямиком направился на соседнюю с Лубянской площадью (на Лубянке находилось здание МВД и МГБ) Театральную площадь, в Большой театр СССР, куда и отдал свои документы. И вскоре, по конкурсу, он был принят солистом оперы, а уже потом окончил консерваторию...

Заслуженный артист РСФСР Юрий Викторович Дементьев прослужил в Большом театре четверть века, после чего стал первым директором Красноярского театра оперы и балета. До конца своих дней (он ушел в 2005 году, совсем чуть-чуть недожив до восьмидесяти) он сохранял чувство благодарности к генералу Фитину, сумевшему не только разглядеть его талант, но и помочь ему реализовать свои способности.

Однажды, когда Большой театр был на гастролях в Ленинграде, он пришел в гости к Анатолию Павловичу Фитину и говорил ему, чуть ли не со слезами на глазах: «Ты представляешь, моя жизнь совершенно переменилась! Кем бы я был? Ну, простым сотрудником, в лучшем случае дослужился бы до подполковника... А так – я мир узнал, тридцать шесть стран объехал, мир узнал меня, я состоялся, как артист и как человек!» Фактически, Павел Михайлович дал ему путевку в жизнь.

Про Павла Фитина можно сказать, что он стремился делать добро – не только своим близким, друзьям, но и вообще тем людям, с которыми так или иначе сводила его судьба. Ветераны говорили, что не помнят кого-либо, кому он сделал что-то плохое. Зато то, как он помогал людям, как вытаскивал их из сложнейших ситуаций – порой даже с возможностью заработать неприятности для самого себя – это осталось в памяти, это особенно ценилось. При том каких-то личных интересов он не имел, в поступках его – что бы он ни делал для других людей, – не было ни корыстности, ни какой-то собственной заинтересованности. Людям запомнилась удивительная скромность своего начальника.

Вызывало уважение и то, что вне общества, вне коллектива он себя не видел. Обязательно присутствовал на различных общественных мероприятиях, которых тогда было много – «маевках», субботниках, соревнованиях, которые не только сплачивали коллектив, но и показывали, кто чего стоит, кто как относится к общественному делу, к своим товарищам и сослуживцам. При этом сам Фитин из коллектива не выделялся – был вместе со всеми, охотно шутил, смеялся – он вообще был жизнерадостным человеком.

И при этом Павел Михайлович всегда много работал, много читал; подчиненные поражались его воистину уникальной памяти, его аналитический склад ума вызывал восхищение...

Как нам сказали, «это был уникальный человек, в котором скопилось очень много доброго – оно его буквально переполняло; словно бы это была какая-то его особая миссия – нести добро людям»...

Нельзя и про то забывать, что Фитин был увлеченным спортсменом – занимался различными видами спорта, особенно увлекался настольным теннисом. Старался привлекать к спорту сотрудников – несмотря на их вечную занятость, как следует раскрутил работу местного общества «Динамо» и часто приходил на одноименный стадион, где не только охотно участвовал в легкоатлетических соревнованиях, выступая наравне со всеми, но и азартно болел «за своих», что тоже способствовало общему увлечению спортом.

Была, впрочем, у него еще и личная причина почаще заглядывать на «Динамо»... Семейная жизнь Павла вновь развалилась – и мы опять не знаем, по какой причине. Хотя предполагать можно: как уже говорилось, должность начальника разведки времени для личной жизни не оставляла – а тем более, во время войны...

И вот здесь, в Свердловске, он повстречал женщину, которая, казалось, могла стать его судьбой. По тому времени, она была человеком гораздо более известным, нежели глубоко законспирированный начальник внешней разведки. Точнее, она была знаменитой, и знал ее не только весь Советский Союз, но и весь мир – по крайней мере, спортивный.

Это была Римма Жукова[99] – спортсменка-конькобежец, чемпионка СССР, лучший стайер 1950-х годов.

Не знаем, почему они не расписались официально, но в анкетах он писал: «Женат. Жена – Римма Михайловна Жукова». Жили они в квартире Риммы, в доме на пересечении улиц Белинского и Энгельса, переехав туда из своей «генеральской квартиры» на улице Ленина, в центре Свердловска, в так называемом и до сих пор сохранившемся в качестве памятника архитектуры «городке чекистов».

Когда в 1951 году Фитин был назначен министром госбезопасности Казахстана, Жукова поехала с ним и выступала за Алма-Атинское «Динамо»...

...Казалось, как говорится, «жизнь налаживается». Назначение министром крупнейшей по территории – после РСФСР, разумеется, – союзной республики свидетельствовало о том доверии, которое вновь оказывали Павлу Михайловичу на Лубянке и в Кремле.

И тут в жизни Фитина произошло еще одно очень важное по тем

[99] Жукова Римма Михайловна (1925–1999) – заслуженный мастер спорта СССР, одиннадцатикратная чемпионка СССР, чемпионка мира 1955 г. в большом многоборье, многократная рекордсменка мира.

временам событие: в 1952 году он был избран делегатом XIX съезда ВКП(б). Конечно, это было «должностное», скажем так, избрание – номенклатурные работники определенного уровня просто должны были становиться делегатами партийных съездов, но это было включение его в партийную элиту. В анкетах тогда обязательно писалось, что имярек был делегатом того или иного съезда.

XIX съезд – последний партийный съезд, на котором присутствовал Иосиф Виссарионович Сталин – проходил в Москве с 5 по 14 октября 1952 года, на нем присутствовали 1359 делегатов. На этом съезде впервые, пожалуй, было сказано о возникновении «двухполярного» мира – «агрессивного империалистического» и «миролюбивого демократического», возглавляемого социалистическими странами и, прежде всего, Советским Союзом. ВКП(б), Всесоюзная Коммунистическая партия (большевиков), была переименована в КПСС, Коммунистическую партию Советского Союза.

В общем, теперь уже без всяких оговорок можно понять, что к Павлу Михайловичу Фитину «в верхах» никаких претензий более не было.

Скорее всего, сказались тут и очередные перестановки в «чекистском ведомстве»: 12 июля 1951 года, по обвинению в государственных преступлениях, был арестован генерал-полковник Абакумов – министр госбезопасности. «Мавр сделал свое дело...» – былые заслуги в зачет уже не шли.

Министром госбезопасности был назначен Семен Денисович Игнатьев[100], кадровый партработник – заведующий Отделом партийных, профсоюзных и комсомольских органов ЦК партии, и эту должность он сохранял, возглавляя госбезопасность... Но ведь известно, что подлинными вдохновителями и организаторами приснопамятных репрессий были отнюдь не наши спецслужбы, а именно партийные чиновники. Вот и новоявленный министр достаточно «успешно» принялся раскручивать «Дело врачей» и «Мингрельское дело»...

Однако министром Игнатьев был недолго – сразу же в день смерти Иосифа Виссарионовича МГБ в очередной раз возвратилось в лоно МВД СССР, а Лаврентий Павлович Берия опять принял «родное министерство». Игнатьев стал секретарем ЦК КПСС, но очень ненадолго – как только развалилось «дело врачей», что произошло буквально месяц спустя, в апреле 1953-го, члены Центрального Комитета решили освободить Семена Денисовича от обязанностей секретаря ЦК КПСС в виду «допущенных т. Игнатьевым С.Д. серьезных ошибок в руководстве бывшим Министерством государственной безопасности СССР». Как говорится, он слишком много знал...

Ладно, судьба Семена Денисовича нас больше не волнует – т. Игнатьев и далее устроился вполне прилично. А вот то, что не остался без работы бывший министр Фитин – вот это для нас очень и очень важно. Он возвратился в Свердловск, теперь уже начальником областного управления МВД. Нет смысла объяснять, что это было решение Берии – очевидно, единоличное, – потому как тогда все «сподвижники вождя» фактически были равны или, по крайней мере, считали себя таковыми, и вряд ли Лаврентий Павлович с кем-то согласовывал перемещения в «собственном» ведомстве.

Между тем, время тогда было тяжелое и, можно сказать, достаточно поганое. Новое руководство страны, пытаясь заигрывать с населением, ознаменовало сталинскую кончину амнистией более чем миллиона двухсот тысяч заключенных. К чему это привело – нам известно, в основном, по слухам. Фитину же пришлось возглавить Управление МВД как раз в разгар этого узаконенного «беспредела» – человеку, работавшему по линии intelligence, державшему на связи Лондон, Нью-Йорк и Токио, теперь следовало заниматься отбросами общества...

Обратившись к спецсообщению УМВД, в мае 1953 года направленному секретарю Свердловского обкома партии А.М.Кутыреву, можно подобрать целый «букет» подтверждающих сказанное примеров, от которых дрожь берет:

«17 апреля 1953 года в квартиру домохозяйки КОЩЕЕВОЙ Екатерины Павловны, 65 лет, проживающей в городе Свердловске по улице Расковой, № 48, зашел освобожденный по амнистии ЧЕРНОВ Д.П., 1926 года рожд., и с целью завладения имуществом, убил КОЩЕЕВУ, нанеся ей два удара топором по голове, после чего забрал несколько предметов носильных вещей и скрылся. ЧЕРНОВ разыскан и арестован. <...>

16 апреля за кражу из сумки денег в сумме 950 рублей в магазине «Свердловскодежда», был задержан освобожденный по амнистии ФЕФЕЛОВ Анатолий Григорьевич, 1937 г. рожд., судимый в прошлом за карманные кражи. <...>

26 апреля с/г в городе Н-Тагиле освобожденный по амнистии СТЕПАНОВ Ефим Яковлевич, 1924 г. рожд., на почве равности нанес удар молотком по голове и ранение бритвой своей жене СТЕПАНОВОЙ Светлане Сергеевне, от которых она умерла. СТЕПАНОВ арестован. <...>

20 апреля с/г в городе Асбесте освободившийся по амнистии ДОЛГАНОВ Михаил Васильевич, под угрозой ножа, ограбил рабочего Южного рудоуправления АЛИМПИЕВА Василия Дмитриевича, с которого снял рубашку, кепи и отобрал сто рублей денег. ДОЛГАНОВ задержан. <...>»[101].

Хватит, наверное? А то там еще очень много подобного...

Происходящее вызывало соответствующие настроения в обществе – и вот фрагмент из «Справки о политических настроениях некоторой части населения города Свердловска и Свердловской области»:

«Нормировщик цеха № 14 завода № 3 КУЗНЕЦОВА, беспартийная, говоря об освобождении заключенных по амнистии, заявила:

«Если бы правительство знало положение на местах и людей,

[100] Игнатьев Семен Денисович (1904 – 1983) – в 1953–1960 гг. первый секретарь сначала Башкирского, затем – Татарского обкома КПСС.

[101] Архив Управления ФСБ России по Свердловской области.

которые находились в заключении, оно бы такой амнистии не допустило. Часть освобожденных безусловно будут полезны и они туда больше не попадут. Но вместе с ними выпустили воров и бандитов-профессионалов и вот они-то сейчас не дают спокоя народу ни днем, ни ночью, сколько стало грабежей и убийств. Амнистия это ошибка правительства»[102].

Что ж, правительство имеет право безнаказанно ошибаться — тем более что не ему свои ошибки исправлять. Значит, основной задачей начальника Управления внутренних дел было так наладить службу охраны общественного порядка, чтоб возвратить покой на улицы уральских городов. Известно, кстати, что в некоторых местах для борьбы с бандитами даже применялись войска...

...А в это время в Нью-Йорке успешно работал советский нелегал Вильям Генрихович Фишер, подготовка к командировке которого началась еще при Фитине, в апреле 1946 года; в Великобританию возвратился из корейского плена кадровый сотрудник СИС Джордж Блейк, теперь уже навсегда связавший свою судьбу с советской разведкой — о чем, разумеется, тогда не знали англичане; к выводу за рубеж для работы в нелегальных условиях готовился Конон Трофимович Молодый, фронтовик, кавалер трех боевых орденов за Великую Отечественную войну, в будущем — легендарный Лонсдейл...

Фитин же в это время решал совершенно иные задачи, и вот — пример еще одной из них:

«СПРАВКА

о неблагополучном положении на Государственном Синарском трубном заводе министерства металлургической промышленности[103]

Произведенным предварительным расследованием установлено, что Государственный Синарский трубный завод министерства металлургической промышленности, выпускающий ответственную продукцию, главным образом для министерства Оборонной промышленности СССР, на протяжении многих лет, систематически, поставляет заводам-заказчикам в заведомых объемах заведомо бракованную продукцию, срывая этим самым нормальную работу последних и своевременное выполнение строго регламентированных сроками правительственных заданий по выпуску агрегатов для нужд обороны страны и вместе с этим ставит под угрозу неизбежных аварий и преждевременного выхода из строя при эксплуатации этих агрегатов, изготовленных из поставленной продукции.

Группа лиц, случайно пробравшихся на руководящие должности в заводе, ВИШЕВНИК, АЙЗЕНШТАТ, ДРАБКИН, ИОФИН и ряд других во главе с главным инженером СОМИНСКИМ, несмотря на серьезные и неоднократные предупреждения заводами-заказчиками о систематической засылке бракованной продукции и срывом, в связи с этим, правительственных заданий, а также значительном количестве поступивших рекламаций, никаких реальных мер по устранению этого не принимали...»[104].

Что надо было по этому вопросу делать дальше, наверное, должны были разбираться уже другие «компетентные органы»...

Можно предполагать, что сотрудники Свердловского управления МВД справлялись с этими многоразличными проблемами — и при том у них еще оставалось время и на спорт и, хоть немножко, на какую-то личную жизнь...

«Москва МВД Союза СССР генералу армии товарищу МАСЛЕННИКОВУ И.И[105].

Руководство и партийный комитет УМВД рекомендует следующий состав президиума Свердловского Областного Совета «Динамо»:

Председатель — ФИТИН П.М., зам. Председателя — РАБИНОВИЧ Д.Б. ...»[106].

Фамилии членов президиума нам не суть важны.

Под телеграммой стоит подпись «ФИТИН» и дата — 25 июня 1953 г.

На штампе в левом верхнем углу указано «Передать по ВЧ» и обозначено время передачи — 1 час 16 минут, уже 26 июня.

Но очень сомнительно, чтобы 26-го числа, да и во многие последующие за тем дни, у кого-либо дошли руки до этой телеграммы. Зато мы можем сказать, что это был один из последних служебных документов, подписанный генерал-лейтенантом Фитиным.

* * *

Именно в тот день, 26 июня 1953 года, на заседании Президиума ЦК КПСС, был арестован Лаврентий Павлович Берия.

Очень скоро Павел Михайлович был вызван в Москву — как представитель «банды Берии», его, так сказать, подручных. А что тут удивительно? Под началом — и даже под непосредственным руководством — Лаврентия Павловича он работал с 1939 года, и на нынешнюю весьма ответственную должность его поставил именно Берия. К тому же, в ходе следствия «по делу Берии» выискались материалы, однозначно компрометирующие Фитина. Их было немного, но...

Известно, в частности, что в архивных материалах МВД СССР, касающихся разработки одного из лидеров грузинской контрреволюционной эмиграции Евгения Гегечкори[107], было обнаружено его личное письмо к своей племяннице — Нине Теймуразовне Берия, жене Лаврентия Павловича.

Выступая на заседании 7 октября 1953 года, Генеральный прокурор СССР Роман Андреевич Руденко заявил:

«Необходимо указать, что бывшие сотрудники МВД, занимавшиеся разработкой грузинской эмиграции, зная, что Прокуратура собирает доказательства, подтверждающие связь Гегечкори с Берия, не сообщили следствию об этом письме. Так, бывший начальник 1-го Главного управления

---

[102] Архив Управления ФСБ России по Свердловской области.

[103] Так в тексте.

[104] Архив Управления ФСБ России по Свердловской области.

[105] Масленников Иван Иванович (1900–1954) — Герой Советского Союза, генерал армии, заместитель министра внутренних дел; застрелился после подавления «Воркутинского восстания».

[106] Архив Управления ФСБ России по Свердловской области.

[107] Гегечкори Евгений Петрович (1881–1954) — революционер-меньшевик.

НКВД СССР – МГБ СССР Фитин П.М., получивший в 1946 году это письмо от заграничной агентуры, зная, что письмо хранится в делах МВД, о нем на допросе 18 июля 1953 года вообще не упомянул, хотя специально допрашивался о связи Берия с грузинской эмиграцией. Бывший резидент во Франции Гузовский А.А. и сотрудник резидентуры во Франции Тавадзе И.К. (ныне арестованные) также ничего не показали о письме Гегечкори к Н.Берия, хотя оно было направлено Фитину при сопроводительном письме за их подписями»[108].

Вполне возможно, что это было единственное, что можно было предъявить Фитину, который ни к каким группировкам не принадлежал, ни чьим «человеком» не был – но просто по-порядочному не стал топить бывшего своего начальника... Обошлось ему это очень дорого – ни больше, ни меньше, как обвинением, что он – «враг народа». Павел Михайлович был отстранен от должности, на него было заведено уголовное дело.

А в результате, прежде всего, рухнула его личная жизнь.

– Римма сразу же отказалась от него – как патриотка! – рассказала нам одна из бывших сотрудниц Свердловского управления. – Она поверила в то, что Павел Михайлович действительно является «врагом народа» – раз его в этом обвинили. В то время чувство патриотизма было у нас на очень высоком уровне, ну и мы верили тому, что нам говорили. Можно ли обвинять ее в чем-то? Не знаю...

Мы стопроцентно принимаем эти слова на веру и не собираемся строить каких-либо догадок на этот счет...

Спортивная карьера Риммы Михайловны Жуковой удалась. Вскоре, в 1955 году, она станет первой конькобежкой планеты, победив на чемпионате мира.

Впоследствии она переедет из Свердловска в Москву.

...А вот личная жизнь у нее не сложилась. Внук Павла Михайловича, Андрей Анатольевич Фитин, рассказал нам, как в конце 1970-х годов, будучи курсантом Высшего военно-морского училища им. М.В.Фрунзе, он пришел к Римме Михайловне в ее большую квартиру на улице Горького – нынешней Тверской. Принес торт, попили чаю... Разговора по душам, в общем-то, не получилось – совершенно разные люди в первый раз видели друг друга, тем более, что в гостях у нее была подруга, кажется кто-то из известных киноактрис, оживленно обсуждавшая столичные новости... Но когда Андрей уходил, Жукова вышла проводить его в коридор и откровенно сказала: «Андрюша, я – дура! Ты знаешь, я полная дура! Я так любила твоего деда – но я испугалась. Я очень жалею, что у меня так сложилась судьба...»

На старости лет она осталась одна...

А ведь судьба Павла Фитина тогда действительно не только была неясной, но и, можно сказать, всё висело на волоске. Пока проходило расследование, он числился за штатом, причем в те времена в подобной ситуации военнослужащим денежного довольствия не выплачивали. По счастью, когда Павел Михайлович был заместителем представителя МГБ в Германии, он там имел возможность прикупить две автомашины – не новые, конечно, не шикарные, но для нашей тогдашней жизни вполне подходящие. Теперь эти машины пришлось продать и существовать на вырученные деньги... Накоплений у него не было.

Следствие продолжалось не то полгода, не то месяцев восемь. Что делать с Фитиным, не знали. Вроде бы, он постоянно был при Берии, а с другой стороны, было известно, что Берия его не очень любил, по крайней мере, к его любимчикам Фитин не относился – это уж точно. Ему даже оправдываться по этому поводу было не надо – как, например, тому же Меркулову, который писал в письме Никите Сергеевичу Хрущеву, ставшему тогда первым секретарем ЦК КПСС (между тем как Сталин официально был Генеральным, но обычно подписывался просто секретарем ЦК ВКП(б):

«Я знал Берия почти 30 лет. И не только знал, но в отдельные годы этого периода был близок к нему, не раз бывал у него дома в Тбилиси.

Разумеется, за все эти годы я никогда ни на минуту не подвергал сомнению его политическую честность.

Он никогда не давал мне повода усомниться в его преданности и любви к товарищу Сталину.

Но теперь, в свете того, что я узнал о преступных действиях Берия на Пленуме ЦК КПСС из доклада товарища Маленкова и из выступлений товарищей Хрущева, Молотова, Булганина и других, перебирая в памяти прошедшие годы, я уже другими глазами смотрю на факты и события, связанные с Берия...»[109].

Вот так! Тридцать лет проработал бок о бок – никаких сомнений, но вот послушал товарища Маленкова и иже с ним – и всё тогда стало ясно. Что же это за чекист, который не мог распознать «врага народа»?!

Берию расстреляли 23 декабря 1953 года. В тот же самый день расстреляли и Всеволода Николаевича Меркулова, а также – известных нам Владимира Георгиевича Деканозова, Богдана Захаровича Кобулова и еще нескольких высокопоставленных «сподвижников», имена которых в этой книге не упоминались...

И только через год, 19 декабря 1954 года – причем, именно в тот самый день, когда отмечают свой праздник военные контрразведчики, Военной коллегией Верховного Суда СССР был приговорен к расстрелу и расстрелян Виктор Семенович Абакумов, бессменный и единственный руководитель контрразведки «Смерш».

Несчастного же Амаяка Захаровича Кобулова расстреляли 26 февраля 1955 года. Почему мы пишем «несчастного»? Вроде бы, мягко говоря, особой симпатии он у нас не вызывал. Но если прочитать его прошение о помиловании... нет, это так оно только названо, а как его по-настоящему назвать, мы просто не знаем... – Мы предлагаем читателю заключительный фрагмент этого человеческого документа, написанного 9 ноября

[108] Дело Берия. Приговор обжалованию не подлежит. М., 2012. Стр. 350.

[109] Политбюро и дело Берия. Сборник документов. М., 2012. С. 139.

1954 года. Впереди у «Захара» было еще три с половиной месяца жизни. Но какой жизни?!

«...Несколько слов личного порядка. Сегодня исполнилось ровно 500 дней (пятьсот), как я нахожусь под стражей в одиночном заключении. 40 (сорок!) дней жду каждую минуту, каждую секунду – смерти. Сорок дней и сорок ночей при каждом каком-либо шорохе или шуме шагов в коридоре, мне кажется, что идут за мной и уже должны взять на смертную казнь. Трудно описать пером те испытания, которым я подвергаюсь. Они, эти испытания и переживания, достойны перу такого гения, как Достоевский. Особенно тяжело было 7 и 8 ноября, когда весь советский народ ликует, всё прогрессивное человечество отмечает Великий Праздник, а ты сидишь за железной решеткой, в каменном мешке, не чувствуя за собой никакой вины, оторванный от семьи, от несчастных своих детей...

Камера, в которую меня поместили после смертного приговора, почти лишена естественного света, из нее даже небо не просматривается; за эти сорок дней я не дышал свежим воздухом, меня за это время не выводили никуда, уборная в самой камере, стоит невыносимое зловоние... За что я подвергаюсь этим моральным пыткам. Сердце обливается кровью, не могу больше писать – глаза залиты горькими слезами...

Прошу Вас, очень прошу, скорее кончить со мной так или этак... Никакие нервы не выдерживают, ибо душевные переживания хуже всяких физических мук.

Осужденный к смерти

[п.п.] А.Кобулов

9 ноября 1954 г.

Бутырская тюрьма, камера смертников»[110].

Все-таки, даже в жуткие – во многом – Сталинские времена так над приговоренными к смерти не издевались...

Читатель скажет, что мы сейчас нагнетаем обстановку – и мы незамедлительно с ним согласимся. Да, нам именно это нужно. Зачем? Чтобы подвести читающего эту книгу к тому самому выводу, к которому пришли и мы сами, анализируя всё то, о чем здесь рассказано...

Многие источники утверждают, что Павла Михайловича Фитина отправил в отставку без пенсии Лаврентий Павлович Берия. Не удивительно, такому злодею одним грехом больше или меньше – ровным счетом ничего не изменится! Есть версия, что убрал его с должности Никита Сергеевич Хрущев, потому как во время войны Фитин представил в ГКО, в ЦК (или куда там еще) документы, проливающие свет на судьбу Леонида Хрущева[111], сына нынешнего первого секретаря от первого брака – якобы, тот попал, если не сам сдался, в плен к гитлеровцам. Ну и «Никита», как обычно именовал своего не очень удачливого вождя весь советский народ, не то решил наказать бывшего начальника разведки, не то заставить его замолчать.

И вот теперь нам совершенно понятно, что все «конспирологические» версии не стоят выеденного яйца. Посмотрите выше, что произошло с теми людьми, кто кому-то мешал или кого-то раздражал! Герои Советского Союза и Социалистического Труда, кавалеры многих орденов, герои Великой Отечественной войны, генералы армии и даже Маршал Советского Союза были расстреляны без всякого сожаления и учета прежних заслуг! Так что если бы хоть както и хоть кому-то мешал генерал-лейтенант, начальник областного управления МВД – то тогда просто-напросто на одного расстрелянного оказалось бы больше, вот и всё. Стерли бы его в порошок, никто бы потом и не вспомнил! Как говорилось, «нет человека – нет проблемы».

Но так как вся вина Павла Михайловича Фитина заключалась в том, что он просто принадлежал к «другой команде» – хотя и это слишком громко сказано, он только входил в эту «команду», в общем-то, и не принадлежа к ней, – то с ним, на удивление, поступили самым гуманным образом. Не стали расстреливать, даже не посадили – так, как упекли в лагерь Павла Анатольевича Судоплатова на целых пятнадцать лет, но он-то, известно, был «человеком Берии», – а «ничейного» Фитина просто выкинули, ну и всё! Уволили по служебному несоответствию, чтобы как-то мотивировать увольнение... Тоже действовали по принципу – «нет человека – нет проблемы». Но – гуманно. Так что можно считать, что ему очень повезло. По большому счету, конечно.

«После разоблачения Берии никто не протянул руку помощи незаслуженно униженному бывшему начальнику внешней разведки»[112], – с горечью писал Виталий Григорьевич Павлов.

И это действительно так – когда человека выкидывают, то потом никто уже не заботится о его благополучии и комфорте – о нем просто не вспоминают, несмотря на все его былые заслуги. Поэтому, разумеется, никакой пенсии 46-летнему генерал-лейтенанту, отслужившему всего лишь «четырнадцать календарей», никто не назначил – не выслужил, не положено! Что у нас всегда четко знают, это кому чего не положено. Насчет того, кому чего положено – с этим несколько сложнее...

...Один из генералов Службы внешней разведки сказал нам так:

– Вспоминаются слова покойного Вадима Алексеевича Кирпиченко... Как-то в период моего нытья – не помню, по какому случаю, – он бросил такую фразу: «А кто тебе сказал, что Родина должна признавать своих героев? Хорошо признавать, когда она здоровая, когда у нас всё хорошо... Но любовь бывает не взаимной, и вовсе не обязательно, что если ты любишь Родину – то и она тебя любит». Я задумался над этой фразой. Действительно, в истории так оно и получалось. Люди отдавали себя Родине и не задумывались, чтобы она отвечала им тем же... К сожалению, иногда государство видит своих героев с опозданием.

К еще большему сожалению, добавим мы, иногда она про них вообще забывает...

[110] Политбюро и дело Берия. Сборник документов. М., 2012. С. 729.

[111] Хрущёв Леонид Никитович (1917–1943) – гвардии старший лейтенант ВВС; погиб в воздушном бою.

[112] Павлов В.Г. Трагедии Советской разведки. М., 2000. С. 354.

Павел Фитин действительно был из тех людей, которые честно и самоотверженно выполняли свой долг, не ожидая в ответ какой-либо «взаимности»...

Вот только человек он был очень честный, из тех, кто, как говорится, душой болеет за свое дело, и не считает, что «брань на вороту не виснет». Если бы он был, как говорится, толстокожим, то сумел бы быстро пережить и забыть все подозрения, допросы и упреки. Но получилось так, что именно несправедливые обвинения, а не страх возможного наказания, серьезно ударили по здоровью генерала.

Очевидно, страх появился уже позже и долго оставался в его душе – по этой причине длительное время свои боевые награды и парадную генеральскую шашку Павел Михайлович хранил в семье сына Анатолия. Фитин-старший, видимо, боялся, что если вдруг «за ним придут», то могут конфисковать ордена. В конце концов, когда стало ясно, что всё давным-давно успокоилось, он взял свои награды к себе, – а в настоящее время они занимают почетное место на стенде в Зале истории внешней разведки, к сожалению, закрытом для широкой публики...

Конечно же, не без помощи друзей, ему подбирались должности достаточно ответственные, но, очевидно не требующие слишком большой работы и не отнимающие всё время с утра и до вечера – как было раньше... Но потому и материально, опять-таки к сожалению, не самые выгодные. Хотя, вполне возможно, Фитин и сам к таким не стремился. Работал он Главным контролером Министерства госконтроля СССР, старшим контролером Комиссии советского контроля Совмина СССР. Можно понять, что должности эти требовали кристальной честности и настоящей, как тогда говорилось, «партийной принципиальности».

В августе 1959 года Фитин стал директором фотокомбината Союза советских обществ дружбы и культурных связей с зарубежными странами. Звучит весьма солидно, но на деле, как нам рассказывали, это было небольшое производство по выпуску передвижных выставок и сувенирной продукции.

При этом Павел Михайлович стиля жизни и привычек своих не менял – он вел колоссальную общественную работу, активно участвовал в работе партийной организации, и всегда, чем только мог, старался помогать людям. Хотя у самого у него здоровье тогда уже крепко «пошаливало» – передряги 1953 года, а может быть и более ранние, даром не прошли...

Насколько нам известно, общался Фитин и с бывшими своими коллегами – так, когда из американского плена возвратился Вильям Генрихович Фишер, отныне и навсегда превратившийся в Рудольфа Ивановича Абеля, они встречались... О встрече своего отца с генералом Фитиным – тогда Павел Михайлович уже не руководил разведкой, но еще находился на службе, – вспоминал Петр Васильевич Зарубин. Хотя, приходится признать, что такие встречи были не частыми... Людей, пребывающих не у дел, люди, очень занятые, забывают довольно быстро.

Зато на этом, можно сказать, покое – по сравнению с тем, конечно, что было в жизни Павла Михайловича раньше, – решился и его семейный вопрос. Оно не удивительно. Пусть и не при должности, но ведь не должности, в конце концов, решают личные вопросы. Человек он был привлекательный, умный, эрудированный, обаятельный – и женщинам, насколько мы знаем, нравился.

Теперь же получилось следующее... В свое время, когда он курировал «атомный проект» – может, когда руководил разведкой, а может и позже – он познакомился с ученым-ядерщиком по фамилии Рождественский. Подробностей их отношений мы не знаем, – рабочие, дружеские, а может и просто встречались на торжественно-праздничных мероприятиях, – но факт тот, что когда на ядерных испытаниях ученый получил повышенную дозу радиации и вскоре потом умер от лучевой болезни, осталась его вдова, Нина Анатольевна. Когда они разглядели друг друга, это нам неизвестно, но факт тот, что вскоре Павел Михайлович и Нина Анатольевна оформили брак, и этот союз продолжался уже до конца жизни Фитина...

...Вспоминает Евгений Викторович Дементьев, младший брат известного нам заслуженного артиста РСФСР Юрия Дементьева:

– Это был, 1970-й год, январь или февраль, я в институте учился... Когда я приезжал к брату, в Москву, то мы, уральцы, нередко собирались и приглашали Павла Михайловича... Ну и я, помнится, что-то не то или не так сказал во время этой посиделки – наверное, фантазия излишне сработала... И вот когда Фитин уходил, то, одев пальто, он положил мне руку на плечо и сказал: «Евгений, есть черное и белое, и нельзя это путать, и как-то заменить и перекрасить». Вот таков, как я понял, был смысл его слов – правда всегда останется правдой, а ложь будет ложью, как бы подчас ни пытались мы поменять их местами. Черное останется черным, белое – белым... Смысл этих слов я понимаю до сих пор, помню их по всей своей жизни!

Павел Михайлович Фитин умер 24 декабря 1971 года, в Москве, четырех дней не дожив до шестидесяти четырех лет. Он похоронен в Москве, на старинном Введенском кладбище, в Лефортове.

...А все-таки, белое остается белым, и биография замечательного человека, руководившего советской разведкой на протяжении всей Великой Отечественной войны и, во главе своей «команды», переигравшего всех наших откровенных противников и мнимых друзей, все-таки выходит к читателю.

Жаль, конечно, что это происходит только теперь...

❑

ВИКТОР ЛЯГИН

ГЛАВЫ ИЗ КНИГИ

ДАЛЕКО ОТ ЛЕНИНГРАДА

Как нам хорошо известно, разведка не любит открывать свои тайны, предоставляя это увлекательное занятие спецслужбам противника. Ну а если у контрразведки проникнуть в чужие тайны не получается, то успех разведки, как правило, навсегда остается под грифом «Совершенно секретно»...

Поэтому предупреждаем, что о конкретной работе Виктора Лягина в Соединенных Штатах Америки мы не знаем почти ничего. Но это означает, что люди, с которыми он работал на доверительной основе, не имели из-за своего сотрудничества с советской разведкой никаких неприятностей – однако внесли свой вклад, можно понять, что достаточно весомый, в дело подготовки СССР, вскоре ставшего одним из основных союзников США, к отражению неминуемой германской агрессии. Ведь Лягин, работая на американской земле, добывал секреты не парфюмерных фирм, но оборонных предприятий. И если, дай Бог, где-то на американском континенте живут сейчас внуки или правнуки тех людей, которые сотрудничали с Виктором, то им, благодаря своему неведению, также не приходится испытывать каких-либо нравственных мучений. Им не нужно давать оценку поступкам своих далеких предков, пытаясь понять, были ли они виноваты перед своей великой страной, или же наоборот – предвосхитив последующие события, когда СССР и США объединятся в рядах Антигитлеровской коалиции, они помогали той главной силе, которая в конечном итоге спасла мир от «коричневой чумы» и остановила японскую агрессию на Дальнем Востоке.

Виктор Александрович Лягин.

Хотя, конечно, мы имеем возможность кое-что рассказать по этой теме, но пусть вас не смущает обилие цитат в тексте: часто ведь бывает так, что в «открытую печать» попадает один-единственный фрагмент рассекреченного документа, или одно чье-то свидетельство, а далее все пишущие тем или иным образом препарируют, трансформируют или пересказывают всё тот же материал. Да, можно и нам переставлять абзацы, менять слова на синонимы и «доливать воды», подавая это затем как собственный оригинальный текст, но опыт исторического писателя нам подсказывает, что «подготовленный читатель» очень быстро понимает, откуда «содран» тот или иной «раскавыченный» фрагмент. А потому гораздо проще и приятнее подойти к первоисточнику как можно ближе и просто на него сослаться...

Ну а теперь попытаемся по имеющимся фрагментам составить картину – пусть и мозаичную – пребывания советского разведчика Виктора Александровича Лягина в Соединенных Штатах Америки. До нас ведь всё равно никто этого не сделал: по вполне понятным причинам, период его длительной заграничной командировки обычно обходился молчанием. Вот, например, что сказано в известной нам книге «Право на бессмертие»:

«Много месяцев перед войной Виктор Лягин с женой Зиной находились в служебной командировке».

И всё!

Но и последующие источники не намного красноречивее – в очерках «Истории Российской внешней разведки» «американскому периоду» жизни Виктора Лягина посвящено три с половиной строки (впрочем, в них входит и предыстория направления на эту работу):

«Уже через год Лягин расценивается как опытный работник и в июле 1939 года направляется в долгосрочную командировку в США. После двух лет напряженной работы в резидентуре, перед самой войной, Виктор Александрович возвратился в Москву».

Всё остальное – что в первом варианте, что во втором – читатель может спокойно себе домысливать...

Ну а мы сейчас можем приоткрыть первую тайну: в служебную командировку в Соединенные Штаты Америки Виктор Лягин был направлен в качестве заместителя резидента по научно-технической разведке НКВД в Сан-Франциско.

Рассказывая об этом периоде жизни нашего героя, мы ниче-

го не собираемся придумывать, а вот кое-что реконструировать нам все-таки придется. Начнем с самого начала – с дороги «туда».

Как известно, в ту пору, когда еще нельзя было приехать в аэропорт Домодедово и через 16 часов 35 минут оказаться в аэропорту города Сан-Франциско, до Соединенных Штатов приходилось добираться двумя основными путями: либо через Европу и Атлантику, либо, проехав на поезде фактически через весь СССР, идти на пароходе через Тихий океан. Этим, вторым, путем приходишь прямо в Сан-Франциско, но вот только советские пассажирские пароходы туда не ходили, да и нужно было идти по морю мимо весьма враждебной Японии (в июле-августе прошлого, 1938-го, года советские и японские войска дрались у озера Хасан, а с мая нынешнего 1939 года бои шли на реке Халхин-Гол).

В своей книге воспоминаний «За океаном и на острове»[1] Александр Феклисов описал, как в начале 1941 года он ровно сорок суток – с недельной остановкой в Японии, где контрразведка проявляла к каждому советскому гражданину огромнейший интерес – добирался от Москвы до Нью-Йорка. Завершая рассказ об этом весьма и весьма утомительном путешествии, Александр Семенович вспоминал, что к концу его он «уже почти перестал смотреть по сторонам и удивляться увиденному». Это ж как надо было «достать» советского человека, в первый раз выехавшего «за бугор»!

Так что, пока не разгорелась Вторая мировая война, до начала которой оставалось совсем уже мало времени, инженер Корнев (под этой фамилией Виктору Лягину отныне суждено было жить и умереть) с супругой явно выезжали через Европу. Каким именно маршрутом? На этот вопрос разведки отвечать не очень любят.

А как именно они ехали? Известно, что шли через Атлантический океан пароходом. Можно даже приблизительно предположить, как:

«За другим столиком два человека играли в шахматы, поминутно поправляя съезжающие с доски фигуры. Еще двое, упершись ладонями в подбородки, следили за игрой. Ну, кто еще, кроме советских людей, станет в штормовую погоду разыгрывать отказанный ферзевой гамбит! Так оно и было. Симпатичные Ботвинники оказались советскими инженерами».

Ну что ж, в шахматы он играть умел и любил, так что вполне возможно...

А сценку эту описали в своей знаменитой тогда «Одноэтажной Америке» известнейшие советские писатели Илья Ильф и Евгений Петров, подарившие нам «Великого комбинатора» Остапа Бендера... «в желтых ботинках». В США они ездили (ну а на пароходе, разумеется, шли) несколько раньше, нежели наш герой, и нет никакого сомнения, что Виктор – как мы знаем, любитель литературы, – проштудировал их сочинение про страну своего будущего пребывания. Прежде всего, и книга прекрасная, а потом – ну где еще найдешь подобную эксклюзивную, говоря современным языком, информацию о повседневной американской жизни?

Вот так они и шли (нет смысла описывать красоты путешествия, которых мы не видели и, к тому же, не знаем, насколько их видел наш герой, который вполне мог просидеть весь рейс в каюте, изучая какие-то документы и материалы, и даже не выходил играть в любимые им шахматы), пока впереди не показался огромный город – конечная цель путешествия.

«...Над океаном и землею висел туман, густо смешанный с дымом, мелкий дождь лениво падал на темные здания города и мутную воду рейда. <...>

Массивная фигура бронзовой женщины покрыта с ног до головы зеленой окисью. Холодное лицо слепо смотрит сквозь туман в пустыню океана, точно бронза ждет солнца, чтобы оно оживило ее мертвые глаза. Под ногами Свободы – мало земли, она кажется поднявшейся из океана, пьедестал ее – как застывшие волны. Ее рука, высоко поднятая над океаном и мачтами судов, придает позе гордое величие и красоту. Кажется – вот факел в крепко сжатых пальцах ярко вспыхнет, разгонит серый дым и щедро обольет всё кругом горячим, радостным светом.

А кругом ничтожного куска земли, на котором она стоит, скользят по воде океана, как допотопные чудовища, огромные железные суда, мелькают, точно голодные хищники, маленькие катера. Ревут сирены, подобно голосам сказочных гигантов, раздаются сердитые свистки, гремят цепи якорей, сурово плещут волны океана.

Всё вокруг бежит, стремится, вздрагивает напряженно. Винты и колеса пароходов торопливо бьют воду – она покрыта желтой пеной, изрезана морщинами. <...>

Медленно ползет судно среди толпы других судов... Люди стоят у борта и безмолвно смотрят в туман.

А в нем рождается, растет нечто непостижимо огромное, полное гулкого ропота, оно дышит навстречу людям тяжелым, пахучим дыханием, и в шуме его слышно что-то грозное, жадное.

Это – город, это – Нью-Йорк».

Таким, несколько ранее, увидел Нью-Йорк Максим Горький. То, что Виктор читал эти строки, и не раз, мы можем гарантировать. А вот – другая «картинка» встречи с Нью-Йорком, запечатленная сдвоенным талантом Ильфа и Петрова:

«На пятый день пути палубы парохода покрылись чемоданами и сундуками, выгруженными из кают. Пассажиры перешли на правый борт и, придерживая руками шляпы, жадно всматривались в горизонт. Берега еще не было видно, а нью-йоркские небоскребы уже подымались прямо из воды, как спокойные столбы дыма. Это поразительный контраст – после пустоты океана вдруг сразу самый большой город в мире. В солнечном дыму смутно блестели стальные грани стадвухэтажного «Импайр Стейтс Билдинг»... Слева по борту обозначалась небольшая зеленая статуя Свободы. Потом она почему-то оказалась справа. Нас поворачивали, и город поворачивался вокруг нас, показываясь нам то одной, то другой стороной. Наконец, он стал на свое место,

[1] Феклисов А.С. За океаном и на острове. М., 1994.

невозможно большой, гремящий, еще совсем непонятный».

Ладно, добавим еще одно из первых впечатлений об американской земле, полученное как Ильей Ильфом и Евгений Петровым, так и, мы уверены, Виктором Лягиным – и на том разведем их пути, потому как они действительно на определенное время расходятся, чтобы вновь потом сойтись в городе Сан-Франциско.

Итак, как написали знаменитые юмористы, таможенный чиновник «был спокойный и неторопливый человек. Его нисколько не волновало то, что мы пересекли океан, чтобы показать ему свои чемоданы. Он вежливо коснулся пальцами верхнего слоя вещей и больше не стал смотреть. Затем он высунул свой язык, самый обыкновенный, мокрый, ничем технически не оснащенный язык, смочил им большие ярлыки и наклеил их на наши чемоданы».

А далее, как понимаем, по выходе из таможни Виктора и Зинаиду встретил кто-то из сотрудников нью-йоркской резидентуры – вполне возможно, что это был Семен Семенов, потому как Лягин (он же – Корнев), как и он, прибыл в Штаты в качестве инженера «Амторга». Впрочем, стоит уточнить, что же это за организация...

Полное ее название звучит на английском языке как «Amtorg Trading Corporation» – в общем, «Торговая Корпорация “Амторг”». Она была основана в 1924 году как смешанное советско-американское акционерное экспортно-импортное общество, и на долгие годы стала ведущей организаций, осуществлявшей торговлю между двумя странами. Торговый оборот «Амторга» изначально составлял многие десятки миллионов долларов, но были годы, когда исчисление осуществлялось в сотнях миллионов.

Вообще, американские власти проводили тогда сугубо деловую политику: не имея с СССР ни политических, ни торгово-экономических официальных отношений, они никоим образом не препятствовали частному бизнесу действовать в собственных его интересах и развивать отношения с непризнанной Советской страной...

Формально компания считалась частным акционерным обществом, хотя акционеры обеих сторон были весьма различны: с американской стороны, в частности, это были отец и сын Джулиус и Арманд Хаммеры, кстати – выходцы из России, с советской стороны – такие солидные организации, как Внешторгбанк, Центросоюз и прочие. Кстати, с 1924 года и по 1933-й, когда, наконец-то, между США и СССР были установлены дипломатические отношения, именно «Амторг», кроме своих весьма масштабных торговых задач, выполнял также функции посольства и торгпредства, а также был главным источником для получения экономической информации по Соединенным Штатам. В Москве же находилось генеральное представительство «Аторга» – «Совамторг». Хотя большинство сотрудников «Амторга» являлись американскими гражданами, в его штаб-квартиру в Нью-Йорке постоянно приезжали из Советской России различные эксперты, консультанты, стажеры, руководители и представители многочисленных наркоматов, главков, трестов и иных ведомств. В иные годы количество таких «гостей» доходило до двух тысяч...

Нет, очевидно, смысла объяснять, что являясь как бы посольством, «Амторг» выполнял не только чисто дипломатические и внешнеторговые функции:

Компания «действительно вела довольно активную торговлю, но в то же время служила хорошим прикрытием для нелегальной деятельности. <...>

Как и другие родственные компании, «Амторг» был настоящим предприятием, а не просто прикрытием, его торговые операции стали источником его силы и влияния... Тот факт, что «Амторг» был и в самом деле прибыльным торговым предприятием, делал его вдвойне ценным в качестве прикрытия для операций советской разведки, потому что шпионские связи «Амторга», если бы их раскрыли, составляли ничтожную долю по сравнению с его крупными делами в области экономики».

Историки считают, что под прикрытием этой корпорации работало не менее семнадцати сотрудников внешней разведки и порядка четырнадцати их «соседей» из военной разведки.

Очевидно, что в Нью-Йорке Виктор был отвезен в офис на Медисон-авеню, представлен «Амторговскому» и чекистскому начальству – но вот кому именно, этого мы не знаем, так же как неизвестно и то, когда и как он после этого отправился к своему новому месту службы, в город Сан-Франциско. Явно, что по-американски – на автомобиле, но не тем, конечно, извилистым и живописным маршрутом, как добирались до Тихоокеанского побережья остроумные авторы «Одноэтажной Америки», а напрямую, кратчайшим путем. Но так как наш герой, насколько мы знаем, воспоминаний не оставил, придется вновь обращаться к мастерам «Двенадцати стульев» и родителям «Золотого теленка». И вот что Ильф с Петровым написали:

«Отсюда уже хорошо был виден Сан-Франциско, подымавшийся из воды, как маленький Нью-Йорк. Но он казался приятней Нью-Йорка. Веселый, белый город, спускавшийся к заливу амфитеатром».

Ну, с этой точки, с воды, Виктор Лягин мог увидеть город когда-нибудь в другой раз – во время прогулок, например. А пока – характеристика Сан-Франциско, под которой и наш герой, думается, и сам с удовольствием бы подписался:

«Это самый красивый город в Соединенных Штатах Америки. Вероятно, потому, что нисколько Америку не напоминает. Большинство его улиц подымаются с горы на гору. Автомобильная поездка по Сан-Франциско похожа на аттракцион «американские горы» и доставляет пассажиру много сильных ощущений. Тем не менее, в центре города есть кусок, который напоминает ровнейший в мире Ленинград, с его площадями и широкими проспектами. Все остальные части Сан-Франциско – это чудесная приморская смесь Неаполя и Шанхая. Сходство с Неаполем мы можем удостоверить лично. Сходство с Шанхаем

находят китайцы, которых в Сан-Франциско множество...

На наш иностранный взгляд, Сан-Франциско больше похож на европейский город, чем на американский. Здесь, как и везде в Соединенных Штатах, непомерное богатство и непомерная нищета стоят рядышком, плечо к плечу, так что безукоризненный смокинг богача касается грязной блузы безработного каменщика. Но богатство здесь хотя бы не так удручающе однообразно и скучно, а нищета хотя бы живописна.

Сан-Франциско – из тех городов, которые начинают нравиться с первой же минуты и с каждым новым днем нравятся всё больше».

Ну а теперь о том, чего не знали ни Илья Ильф, ни Евгений Петров, потому как им этого знать было не положено...

По утверждению Павла Анатольевича Судоплатова, прямым и непосредственным начальником Виктора Лягина был «легальный» резидент в Сан-Франциско Григорий Маркович Хейфец[2], официально исполнявший в то время должность консула. Генерал так рассказывает о незаурядной оперативной биографии Хейфеца:

«Он организовал нелегальные группы в Германии и в Италии в середине 30-х годов, выступая в роли индийского студента, обучающегося в Европе. На самом деле Хейфец был евреем, но из-за своей смуглой кожи выглядел как настоящий эмигрант из Азии, несмотря на голубые глаза...

Находясь до этого в Италии, Хейфец познакомился с молодым Бруно Понтекорво[3], тогда студентом, учившемся в Риме. Хейфец рекомендовал Понтекорво связаться с Фредериком Жолио-Кюри[4], выдающимся французским физиком, близким к руководству компартии Франции. В дальнейшем именно Понтекорво стал тем каналом, через который к нам поступали американские атомные секреты от Энрико Ферми[5]...»

Всё здесь хорошо и понятно, однако у нас возникает определенная трудность: в каких-либо официальных источниках, «завязанных» на Службу внешней разведки России, фамилия Г.М.Хейфеца не встречается. Не удивительно – не может же разведка откровенно рассказывать обо всех своих сотрудниках, даже выдающихся, тем более что таких там тоже было и есть немало... Имеющиеся же «неофициальные» биографии утверждают, что Хейфец, резидент в Италии, был в 1938 году отозван в Москву и переведен из разведки на службу в ГУЛАГ, и даже получил направление в Воркуту, от чего он якобы отказался по состоянию здоровья. В НКВД к резиденту, не пожелавшему менять Апеннины на Приполярный Урал, отнеслись с пониманием – и он не только был безболезненно уволен со службы, но и определен на работу во Всесоюзное общество культурных связей с заграницей, заместителем председателя, на каковой должности благополучно пребывал до октября 1941 года, когда он, получив оперативный псевдоним «Харон», был отправлен резидентом в Сан-Франциско...

Чего-то эта версия вызывает сомнения – особенно когда вспомнишь о трагических судьбах резидентов Базарова, Гутцайта, да и того же недолгого начальника разведки Пассова. А тут товарищ заявил: «Мне, мол, климат Воркуты после Рима не подходит – холодновато там будет, да и ветрено» – ну и всё, и никаких вопросов!

Поэтому тот вариант, что предложил Судоплатов, представляется, все-таки, более реальным, хотя и не имеет документального подтверждения:

«Хейфецу повезло: в 30-х годах он не был репрессирован. Его отозвали в Москву, и хотя в ноябре 1938 года Ежов дал указание об его аресте, оно не было выполнено. Вскоре Хейфеца направили в Соединенные Штаты, на Западное побережье, для активизации разведывательной работы.

Перед Хейфецем была поставлена задача установления прочных связей с агентурой «глубокогооседания»,созданнойЭйтингоном для использования в случае войны между Советским Союзом и Японией. Первоначальный план заключался в том, чтобы создать сеть нелегалов в американских портах по примеру Скандинавии для уничтожения судов со стратегическим сырьем и топливом для Японии. Не зная о японских намерениях атаковать Юго-Восточную Азию или Перл-Харбор, мы предполагали, что они сначала начнут военные действия против нас».

В данном случае Судоплатов пишет о том, что хорошо знает – именно он руководил в НКВД диверсионной работой, так что в данном случае (случаи-то всякие бывают!) доверять ему можно.

Кстати, если возвратиться к продолжению растиражированной (но не официальной!) биографии Григория Хейфеца, то и здесь некоторые моменты вызывают, мягко говоря, удивление. Утверждается, что в июле 1944 года он возвратился из командировки в Сан-Франциско, поработал в Центре, в 1947 году был почему-то из НКВД уволен и назначен заместителем ответственного секретаря и членом президиума Еврейского антифашистского комитета. Ну, здесь-то всё понятно и допустимо, так же как и то, что в ноябре 1951 года Григорий Маркович был арестован по делу этого самого Комитета и осужден на 25 лет. Однако в октябре 1952 года дело Хейфеца пересмотрели и добавили «терроризм и участие в заговоре в органах МГБ». А потом, 2 февраля 1953 года, почему-то следователь, а не кто иной, объявил Григорию Марковичу, что он приговорен к расстрелу – но расстреливать его не стали, а в конце года он вообще был оправдан вчистую и преспокойно прожил себе еще тридцать лет...

Ладно, все же будем считать, что с вероятным начальником Лягина мы познакомились. Теперь поговорим о том, чем же занимался сам Виктор на Западном побережье Соединенных Штатов Америки.

Известно немногое, но все-таки: «Руководил сбором инфор-

---

[2] Хейфец Григорий Маркович (Менделевич) (1899–1984).

[3] Понтекорво Бруно Максимович (1913–1993) – итальянский и советский физик, академик АН СССР, лауреат Ленинской и Сталинской премий.

[4] Жолио-Кюри Фредерик (1900–1958) – французский физик, лауреат Нобелевской премии, лауреат Международной Сталинской премии «За укрепление мира между народами».

[5] Ферми Энрико (1901–1954) – итальянский физик, лауреат Нобелевской премии.

мации по американским военно-морским судостроительным программам и по технологическим новинкам на предприятиях Западного побережья США. Через завербованную им агентуру Центр получил технические данные и описание устройств для защиты судов от магнитных мин, информацию о планах США по строительству авианосцев, другие ценные разведывательные материалы».

О работе Виктора в том же направлении писал и генерал Судоплатов:

«Помощнику Хейфеца в консульстве Сан-Франциско Лягину, инженеру, выпускнику Ленинградского судостроительного института, было дано специальное задание получить данные о технологических новинках на предприятиях Западного побережья. Основная задача, поставленная перед ним, – сбор материалов по американским военно-морским судостроительным программам. Я помню одно из его донесений. В нем говорилось о большом интересе, который проявляется американцами к программе строительства авианосцев. Лягину также удалось завербовать агента в Сан-Франциско, давшего нам описание устройств, разрабатывавшихся для защиты судов от магнитных мин».

Обратим внимание на следующие моменты. Павел Анатольевич уверенно связывает имена Лягина и Хейфеца, тем самым еще раз подтверждая, что Хейфец в 1939 году находился в Соединенных Штатах. Зато самого Лягина он превращает в выпускника питерской «Корабелки» – как помним, Ленинградский кораблестроительный институт был создан в 1930 году на базе одноименного факультета Политехнического института (сейчас это Санкт-Петербургский государственный морской технический университет). Ну что ж, значит, в стенах Политеха Лягин получил такую разностороннюю и глубокую подготовку, что вполне мог сойти за инженера-кораблестроителя – причем, как покажет время, не только в глазах своих благожелательных начальников. Еще раз – низкий поклон Политехническому институту!

Однако обратимся к конкретным результатам оперативной работы Виктора Лягина.

Без всякого сомнения, из всего перечисленного выше важнейшим являлся вопрос защиты судов от магнитных мин – принципиально нового оружия, появившегося в 1920–1930-х годах. Впрочем, авианосцы это тоже было новое и перспективное оружие: хотя их боевое применение началось в Первой мировой войне, но должной и объективной оценки они тогда еще не получили, зато во Вторую мировую войну именно авианосцы станут главной ударной силой флотов США, Японии и Великобритании. Но планы строительства авианосцев – это перспектива долгих лет, информация эта была нам нужна, фактически, для общего сведения, тогда как защита кораблей от магнитных мин представлялась насущной необходимостью сегодняшнего дня.

Кстати, насколько грозным и эффективным оружием считались в то время морские мины, можно судить хотя бы по следующим данным: «В 1-ю мировую войну всего было установлено около 310 тысяч морских мин, на которых погибло около 400 кораблей (в том числе 9 линкоров, 10 крейсеров, 106 миноносцев, 58 подводных лодок) и около 600 торговых судов всех воевавших государств».

Получалось порядка трехсот мин на корабль или судно.

Для сравнения: в Первую мировую войну, в 1915–1916 годах, на то, чтобы сбить один самолет, тратилось порядка 11 000 снарядов зенитной артиллерии. В 1918 году – «всего лишь» две тысячи, что, понятно, тоже немало. Но какова разница в количестве мин и снарядов! Насколько мина получается эффективнее...

Конечно, «всякое сравнение хромает», артиллерийский снаряд стоит гораздо дешевле морской мины, но ведь и тот же миноносец (типа «Новик», например), с экипажем в 142 человека, вооруженный четырьмя орудиями, четырьмя пулеметами и четырьмя, опять-таки, двухтрубными торпедными аппаратами, ни в какое сравнение не шел с каким-нибудь фанерно-тканевым «Ньюпором» или «Фарманом». (Уточним, кстати, что этот самый легендарный эскадренный миноносец «Новик», переименованный большевиками в «Якова Свердлова», погиб, подорвавшись на немецкой морской мине 28 августа 1941 года, при переходе из Таллина в Кронштадт).

Однако не будем углубляться в описание истории минной войны на море – гораздо важнее сказать, что появление магнитных мин в корне изменило характер этой войны. Изначально мины устанавливались кораблями-заградителями, которые создавали минные поля, минные балки и прочее, превращая море, как говорили моряки, в «суп с клецками» – эти районы установки мин нужно было либо обходить, либо тралить, то есть разминировать при помощи кораблей-тральщиков. Магнитные же мины по способу установки были «корабельными», «лодочными» и «авиационными» – то есть установленными с надводных кораблей, сброшенными с самолетов или (это было уже в конце Второй мировой войны) выпущенными из торпедных аппаратов идущих в подводном положении субмарин. Теперь уже, по большому счету, не надо было никакого «супа с клецками»: сброшенная, допустим, с самолета мина ложилась на дно, на установленном разведкой фарватере, которым должна будет пройти эскадра – и тральщик уже не мог ее подцепить... Зато при появлении больших боевых кораблей срабатывал взрыватель этой самой мины.

Хотя, конечно, и минные поля в море всё равно продолжали ставить – в конце концов, снять их было не так-то и легко... Новые образцы оружия обычно не отменяют, но дополняют уже имеющиеся.

Естественно, нашей разведке необходимо было знать, что делают «передовые страны» для защиты своих кораблей и судов от магнитных мин потенциального противника – гитлеровской Германии и милитаристской Японии. Про «страну Восходящего Солнца», имевшую достаточный опыт минной войны на море, забывать не нужно – достаточно сказать,

что именно подрыв на японских минах российского броненосца «Петропавловск» 31 марта 1904 года, на котором погиб адмирал Макаров[6], во многом определил проигрыш Россией войны с Японией. (Роль личности в истории пока еще никто не отменял).

Что точно выяснил по этому вопросу и передал в Центр Виктор Лягин мы, разумеется, никогда не узнаем – конкретная информация может позволить выйти на источник ее получения, но нет сомнения, что им были приобретены ценные данные, которые принесли немалую пользу. Однако из вышесказанного можно понять, насколько широк был круг вопросов, в которых он разбирался достаточно хорошо. В противном случае, Виктор не мог бы ни выйти на интересующего Москву специалиста, ни поддерживать с ним разговор. А главное, ему нельзя было бы объективно оценивать качество получаемого от агентов материала, так что, вполне возможно, приходилось бы платить изрядные деньги за малоценную информацию, не представляющую реального интереса. Но нет, в Центр из Сан-Францисской резидентуры поступала весьма ценная, по-настоящему интересная информация.

И вот еще такой этический вопрос: агент должен уважать своего руководителя. Сотрудник для агента[7] это совсем не то, что назначенный «сверху» начальник для наемного работника. Там-то, обычно, хочешь, не хочешь, а терпи любого дурака, но вот если агент не уважает сотрудника разведки, то и работать с ним не станет – ведь эта работа бывает чревата не только потерей свободы, но и самой жизни. А с неумным, бестолковым и т.д. руководителем подобный риск возрастает многократно... За что же уважали Виктора Лягина его помощники? Безусловно, за известные нам уже положительные личные качества, но все-таки думается, что в первую очередь – за прекрасную профессиональную подготовку и высокий уровень знаний. Ведь их общение вряд ли выходило за рамки «профессиональных» вопросов – конспиративная встреча сотрудника с агентом является весьма опасным мероприятием и здорово щекочет нервы обоим. Тут уж не до разговоров на отвлеченные темы: передал материалы, получил (если это обусловлено) гонорар и новое задание – и good-bye, пока не прихватили... И в этих материалах, можно понять, Лягин прекрасно разбирался.

Только не надо думать, что советские ученые и специалисты лишь тем и были в то время заняты, что с нетерпением ожидали: чего же еще новенького раздобудет для нас разведка? Разумеется, нет, они усердно работали сами, но, думается, что и помощь, получаемая ими от товарищей из НКВД и военной разведки, лишней не была. (К тому же, большинство ученых ни сном, ни духом не ведали, откуда поступает конкретная информация – всё подавалось, словно бы достижение кого-то из коллег...) Вернемся, однако, к проблемам минной войны и защиты боевых кораблей от магнитных мин.

«В СССР работы в данном направлении начались в 1936 году, когда, с началом проектирования новых крупных боевых кораблей, командование ВМФ озадачило наркоматы тяжелой и оборонной промышленности необходимостью обеспечить эти корабли защитой от неконтактного минно-торпедного оружия...

Созданный постановлением ЦИК и СНК СССР от 30 декабря 1937 года Наркомат военно-морского флота инициировал форсирование этих работ. В апреле 1940 года совместным приказом НК ВМФ и Наркомата судостроительной промышленности был утвержден план работ по развитию метода размагничивания кораблей на 1940 год. 23 сентября того же года приказом наркома ВМФ адмирала Н.Г.Кузнецова была создана Государственная комиссия для проведения заводских и войсковых испытаний размагничивающего устройства для защиты от магнитных мин».

Как видим, важнейшим этим вопросом занимались Народные комиссариаты военно-морского флота, судостроительной промышленности, тяжелой промышленности, оборонной промышленности... А какие люди были привлечены к решению поставленной задачи!

«В апреле 1941 года на заседании Военного совета <Балтийского> флота рассматривался вопрос о средствах борьбы с новыми магнитными минами. Исследовательские работы по «размагничиванию» кораблей вел Ленинградский физико-технический институт (ЛФТИ), где над темой трудились молодые ученые – Анатолий Александров[8] и будущий «отец» советской атомной бомбы Игорь Курчатов[9]. С докладом об итогах исследований Александрова пригласили на Военный совет флота».

Пять наркоматов, ученые с мировым именем – и «оставшийся за кадром» никому неизвестный сотрудник внешней разведки в капитанском звании... Но знать бы, какова доля успеха – если брать в процентном отношении – принадлежит в решении этой важнейшей задачи Виктору Александровичу Лягину?

* * *

А где-то далеко был дом... Пожалуй, не в Москве, где Виктор прожил не больше года, причем первая половина этого времени пришлась на учебу в Центральной школе НКВД и жизнь в общежитии, а вторая половина несколько раз прерывалась краткосрочными командировками. Незадолго до отъезда в Америку он получил квартиру где-то в районе Сокольников, это тогда была еще окраина столицы, но туда уже было проложено метро – самая первая в Москве Сокольническая линия...

---

[6] Макаров Степан Осипович (1849–1904) – вице-адмирал, командующий Тихоокеанской эскадрой; выдающийся флотоводец, ученый, полярный исследователь.

[7] Распространеннейшая, кстати, ошибка, когда сотрудников наших спецслужб именуют «агентами» – у нас, в отличие от США, агентами называются добровольные помощники, а те, кто трудятся в штате, считаются, повторим, сотрудниками службы.

[8] Александров Анатолий Петрович (1903–1994) – академик АН СССР, академик РАН, трижды Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской премии, Государственной премии и четырех Сталинских премий.

[9] Курчатов Игорь Васильевич (1903–1960) – академик АН СССР, трижды Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской премии и четырех Сталинских премий.

Однако в квартире этой сейчас никого не было, это были просто необжитые и даже еще не отремонтированные как следует стены – какой уж там родной дом, можно ли скучать по пустой коробке? Настоящий дом Виктора Лягина все-таки оставался в Ленинграде, на улице, носившей имя сурового декабриста Павла Пестеля, и до этого дома было почти девять тысяч километров... И как, наверное, ему хотелось войти в ту самую квартиру, и сказать: «Я дома!»

Проезжая по холмам Сан-Франциско Виктор, очевидно, не раз вспоминал милые сердцу ленинградские места: вычурные линии старинной церкви святого Пантелеймона, которую видел всякий раз, выходя из своей парадной, черную неподвижную воду реки Фонтанки, стоявшую между двумя гранитными набережными, лимонно-желтые листья кленов в Летнем саду. Как же всё это теперь далеко! И там же, в прекрасном том далеке (Николай Васильевич Гоголь когда-то, будучи в Италии, писал: «Русь! Русь! вижу тебя, из моего чудного, прекрасного далека тебя вижу...» – а на самом-то деле, «прекрасное далеко» это как раз и есть она, далекая Родина, Россия), именно там оставались самые родные люди – мама, сестра Анна, дочка Таточка... Их связывала только переписка, и, судя по всему, они даже точно не знали, где находится их родной человек, что здорово затрудняло общение, потому как писать приходилось куда-то в неизвестность, в пустоту, и это далеко не всем нравится... А может, это есть некое самооправдание, позволяющее не браться за перо – «скажи, что я писать ленив»... Писать письма – это ведь совсем не то, что «набить смску» или связаться по mail'у, «в сетях». Утраченная ныне эпистолярная культура требовала большой душевной работы, сосредоточенности, откровенности, нужно было и выбрать подходящее время, чтобы спокойно заняться письмом. Не так-то просто было излагать на бумаге свои сокровенные мысли и чувства – между тем письма, написанные от руки и отправленные в конвертах, обычно ими и были наполнены...

В семье Виктора Александровича Лягина нам передали копии писем, пришедших из Соединенных Штатов. Писем сохранилось немного – не будем забывать, что со дней их написания прошло более семидесяти лет, и то, что многое погибло во время войны, блокады, эвакуации. Зато личные эти послания теперь уже превратились в исторические документы – тем более что ни их отправителя, ни их получателей, давно уже нет на свете.

Часть из этих писем уже опубликована в книге «Право на бессмертие» и в газетах, но есть и такие, что остались обойдены вниманием писателей и журналистов. Почему? Пожалуй, читатель догадается сам.

Вот, например, письмо, написанное, как мы понимаем, в канун наступающего 1940 года – 14 декабря 1939-го. К сожалению, не на всех письмах есть даты – к тому же, и не везде даже указан год, нередко Виктор ограничивался числом и месяцем. Чему удивляться? Это же писалось для родных, которые сами всё поймут. Но, как оказалось, – писалось для истории.

Итак, одно из сохранившихся и ранее не публиковавшихся писем:

«С новым годом! С новым счастьем! С новыми надеждами![10]

Здравствуйте, дорогие!

Хотя я имею больше права назвать <вас> другим именем. Как это понять – до сих пор я от Вас не имею ни одного письма?! Аня уже приготовила тысячу причин об'яснить, почему это произошло и, конечно, во всем виноват Максим Борисович <Очевидно, имеется в виду московский «куратор», который помогал находившимся в Ленинграде родственникам разведчика. – А.Б.>, не пытайся, он абсолютно ни в чем не виноват, а виновата уважаемая Анна Александровна. Ты звонила к Максиму? – Да! Он тебя предупредил? Да! Следовательно, надо было отправить. Отправить независимо от того, когда письмо уйдет от него, ни тебя, ни кого другого это не касается – не ваше дело! Он делает преступление, если сообщает о сроках. Предположите, что я в М<оскве>. Захотели написать – сели и написали, а что дальше, вас не касается. Запомните это, и делайте, как я говорю. Хорошо, что еще Соня написала мне несколько строк, и я знаю, как обстоит дело с тем, что меня страшно беспокоило. Во-первых, Таточкина успеваемость, во-вторых, ваше здоровье, в-третьих, комнатный вопрос. Татку поздравляю, крепко, крепко целую и желаю (требую), чтобы она и впредь продолжала так же заниматься. Аню за Таточкину успеваемость благодарю. При соответствующих обстоятельствах проявлю свою благодарность в более активной форме. Рад за ваше благополучное здравие. Хотя в душе таится мысль, что Соня не всё написала. Здорова ли мама? Как она себя чувствует? Дорогая мамочка, благодарю тебя за хлопоты о Таточке. Независимо от того, как вы разместились, часть забот о Таточке принадлежит тебе, и никто не вправе тебя их лишать.

Искренне доволен, что наконец-таки вы получили возможность жить по-человечески...»

Ну и достаточно! Всё письмо – это сугубо личные моменты. Виктор раскрывается здесь как любящий сын, очень заботливый отец и вообще – замечательный семьянин, который сильно тоскует по своим близким... А то, что, очевидно, за почти полгода он не получил от них ни одного письма – ну, это, как говорил известный персонаж, «дело житейское», мы уже объясняли, что сесть за написание письма порой было не так-то и просто. И вообще, не стоит оценивать те далекие события с позиции нашего знания. Это же нам сегодня столько известно про Виктора Лягина и про его семью – и то, что он выполнял сложнейшую разведывательную миссию на далеком Американском континенте, и то, что ему было суждено никогда больше не увидеть столь любимых им людей, и то, что ему вскоре придется возглавить антифашистское подполье и погибнуть героем – что просто в голове не укладывается, как к ТАКОМУ человеку можно было относиться без пиетета, и вообще, чуть ли не позабыть про ТАКОГО человека! Но ведь тогда-то последующих событий никто и предположить не мог! Ну, сейчас уехал,

[10] Подчеркнуто в оригинале.

потом вернется – и всё, казалось, будет по-прежнему... Так что не станем никого осуждать, а давайте, лучше, будем думать о своих собственных родственниках – кто знает, что кого ждет впереди? Да и вообще, чем больше мы заботимся об окружающих, тем лучше им живется, кем бы они при том ни были – замечательными, известными людьми или самыми простыми хорошими гражданами...

Впрочем, по дальнейшей переписке можно понять, что реприманд, сделанный Виктором в приведенном нами письме, подействовал, и более никаких сбоев не было. Ну, почти – так вернее будет, потому что Лягину пришлось фыркнуть еще разочек – в письме от 25 января 1940 года. Это письмо также публикуется впервые:

«Здравствуйте, дорогие.

Получил Ваши письма (первые) и рассердился: никто из Вас чужому человеку не писал так сухо и формально, как мне. Мамино письмо я даже не знаю как понимать, что это значит «Спасибо за всё»? Из пятистрокового письма трудно понять – упрек это или действительно мама за что-то меня благодарит?!

Аня жалеет бумагу. Исписала полстранички со всех концов, но, конечно, не могла написать всего и подробно. Помню, в Москву она мне присылала более обстоятельные письма.

О Лене я уже не говорю.

* * *

Живем хорошо. Живы-здоровы.

Целую, Витя».

Можно только предполагать, с каким нетерпением и волнением ждал Виктор писем из дома – а тут приходят пять строчек, поллиста... Ну и получите тогда, дорогие родственнички, ровно четыре слова про всё наше бытие!

Не удивительно, что авторы публикаций о Герое Советского Союза Лягине предпочитали цитировать другие письма. Например, вот такое, написанное 12 декабря 1939 года – то есть в то же самое время, когда писалось «ругательное» письмо – но с пониманием, что дочка получит его где-то в январе 1940-го:

«Дорогая моя Таточка!

Поздравляю тебя с тремя праздниками – с Новым годом, днем твоего рождения <как мы помним – 21 декабря – А.Б.> и успешным окончанием учебной четверти. Я знаю, мое солнышко, что это поздравление запоздает: день твоего рождения уже прошел, Новый год начался, а о прошлой учебной четверти ты наверняка успела забыть... Что поделаешь, дорогая, мне и Зине надо работать здесь – далеко от Ленинграда. Тебе, конечно, хотелось бы праздновать вместе с нами, да и мы были бы счастливы увидеть тебя снова, крепко расцеловать и удивить каким-нибудь особенным подарком. Потерпи немного, наша девочка, придет время, и мы опять будем вместе. Не скучай, но и не забывай нас. Веселись, больше смейся и проказничай. Пиши нам сама – не надо, чтобы кто-нибудь тебе подсказывал. Будь, котик, со мной откровенна и пиши обо всем, что только захочешь...

В день твоего рождения мы соберемся нашей небольшой компанией и выпьем за твое здоровье, за здоровье бабушки и тети Ани. А я обязательно вспомню нашу дорогую мамочку Олю. Мне очень хочется, чтобы ты была такой же доброй и трудолюбивой, как была она. Я надеюсь, котик, что ты тоже вспомнишь ее в эти дни. Не надо грустить, но помнить мамочку надо всегда. Когда-то и мы с ней праздновали твои дни рождения. Я еще был студентом, получал мало денег и, конечно, не мог сделать эти праздники такими хорошими, как нам хотелось. Но сейчас всё иначе. Наша мамочка помогала мне учиться, и я стал неплохим инженером. Поэтому всем, что мы сейчас имеем, мы обязаны и ей... К тому времени, когда я вернусь домой, ты уже будешь совсем большой девочкой, и я тебе много-много расскажу о маме...

Да, Таточка, скажу тебе откровенно: если ты еще не занимаешься музыкой или занимаешься мало, то это никуда не годится. По-приятельски советую – возьмись серьезно за музыку и играй на пианино не меньше тридцати минут каждый день. Помни слова древнего мудреца Сенеки: "Истинно великое дело делается медленным, незаметным ростом". Сейчас тебе уроки музыки могут показаться малоинтересными, но пройдет время, и ты сама будешь благодарить меня... Без труда ничего не дается, а упорно трудиться, отдавать все силы учению любят не все дети. Потом они вырастают и остаются пустыми, отсталыми людьми. Работать они понастоящему не научились, много не знают и не понимают, поэтому и живут плохо. Так что, пожалуйста, не ленись...

Напиши мне о бабушке, как она себя чувствует? Береги ее – она у нас старенькая. Бабушка ведь моя мама и потому она твой лучший друг, любящий тебя безгранично. И ты люби ее...»

Что тут просто бросается в глаза, так это та пронзительная, не утихающая боль, с которой вспоминает Виктор Лягин о своей покойной жене Ольге. Он очень хочет, чтобы и в сердце дочери жила любовь к ее маме, которую Таточка по своему малолетству почти, наверное, и не помнила – и потому старается поделиться своей памятью, своей любовью...

Но, кстати, в этой книжной публикации почему-то искажены финальные строки, в которых на самом деле написано:

«Береги бабушку, она у нас старушка, мы все должны ее беречь... Бабушка твой лучший друг, который тебя безгранично любит, и ты люби бабушку больше всех. <Про то, что «бабушка ведь моя мама», в письме нет ни слова. – А.Б.>».

Определенный интерес представляют для нас и заключительные строки из этого письма:

«Татик, с нашей перепиской пока выходит очень плохо. Пиши мне обязательно два раза в месяц 10–15 и 25–28 числа каждого месяца. Пиши сама, если тетя Аня опоздает со своими письмами».

Почему же Виктор, достаточно жестко высказавший свои претензии сестре и маме, дочку только хвалит и дает ей советы? Наверное потому, что он прекрасно понимал: когда ребенку всего лишь девять лет, его поступки и поведение в основном определяются окружающими его взрослыми. Так что если бы бабушка и тетя дружно сади-

лись писать письма далекому папе Вите, то и Таточка делала бы то же самое с превеликим удовольствием. Потому ругать ее было не за что. Хотя рекомендация писать самостоятельно была...

Зато потом уже в письмах появилось «Татуся-свинюся» – это когда все писали, а она – нет... Но ничего, исправилась!

И еще есть одно письмо, в котором Лягин пишет своей дочке, что Зина, его жена, Таточку очень любит, ждет ее писем, купила ей теплых вещей на зиму, а также – плюшевого медвежонка... Татьяна Викторовна берегла этого мишечку всю свою недолгую, к сожалению, жизнь[11].

Признаем, что читать «американские» письма Виктора Лягина не так, чтобы очень интересно. Ведь никакой «привязки к местности», никакой «заграничной экзотики»! Понятно, что о своей работе разведчик ничего не пишет, круг его общения остается «за кадром» – но хотя бы океанский прибой описал, красоты легендарной Калифорнии (кто тогда не помнил фразы из Чеховских «Мальчиков»: «А в Калифорнии вместо чая пьют джин!»?) или сам город Сан-Франциско, «чудесную приморскую смесь Неаполя и Шанхая»? Нет, и про это было писать нельзя – строжайшая секретность... Поэтому все письма «оттуда» и содержали исключительно советы, вопросы, эмоции, какую-то минимальную житейскую информацию – в общем, ничего интересного для стороннего читателя.

Ну а если, все-таки, что и было о своей жизни, то вот примерно на таком уровне, как в письме от 16 февраля 1940 года:

«О жизни здесь писать абсолютно нечего – всё страшно однообразно. Живем только на работе и работой. Порою дела складываются хорошо, но какая-либо мелочь снова портит всё сделанное – приходится начинать снова».

Очень содержательно и всё понятно! Так что возвращаемся к службе нашего героя – по нашим источникам. Хотя, как мы уже говорили, она и скрыта за завесой секретности, но кое-какая информация у нас все-таки имеется. Так, ссылаясь на книгу наших товарищей, можем сообщить, что «в начале 1941 года Виктор Лягин был переведен для работы сотрудником резидентуры внешней разведки в Нью-Йорке под прикрытием должности инженера "Амторга"».

Но тут, вдруг, возникает вопрос – а под каким прикрытием работал Виктор Александрович в Сан-Франциско? Как нам представляется, либо, все-таки, под тем же, «амторговским», либо он считался каким-нибудь инженером-стажером. Ведь перевести его с дипломатической должности на инженерную означало бы, в первую очередь, полнейшее неуважение к американской контрразведке: неужто они бы там не догадались сразу, что эти должности являются прикрытием для совсем иной деятельности? Нет сомнения, что вслед за Корневым-Лягиным в Нью-Йорк из Сан-Франциско пришло и его досье по линии контрразведки, как понимаем, весьма тощее, ибо ничего предосудительного за ним замечено не было...

Между тем не станем отрицать, что контрразведка страны пребывания работала достаточно эффективно, и вскоре по «легальной» Нью-Йоркской резидентуре, в которую как раз тогда прибыл Виктор Лягин, будет нанесен хотя и не сокрушительный, однако весьма чувствительный удар. Но речь о том пойдет уже в следующей главе, а пока мы скажем, что и советская разведка работала в это время весьма и весьма эффективно. Вот что пишет исследователь:

«Загранаппараты советской внешней разведки в США в предвоенные годы добывали важную разведывательную информацию. Успешно они справлялись и с работой по линии научно-технической разведки, приобретая образцы современного по тем меркам американского вооружения. Только в 1939–1940 гг. советскими разведчиками в США было получено свыше 30 тысяч листов технической документации, около 1100 комплектов чертежей и свыше 150 образцов технических новинок».

К сожалению, опять-таки, у нас нет никакой возможности узнать, какой именно конкретный вклад внес в эту воистину титаническую работу герой нашей книги. Но думается – весомый! Еще интереснее, конечно, узнать, как были реализованы добытые разведчиком материалы, однако и это остается совершенно закрытой темой.

GOOD-BYE, AMERICA!

Первая половина 1941 года была насыщена многими важными событиями, в той или иной степени коснувшимися Виктора Лягина – как мирового масштаба, так и, разумеется, личного плана.

Самое главное, что 24 января у них с Зинаидой родился сын, которого мама решила назвать Виктором, в честь его отца. А вскоре, как мы уже сказали, Виктор Лягин-старший (отныне – так) был переведен в Нью-Йоркскую «легальную» резидентуру – «под крышу» «Амторга». Об остальных личных событиях будем рассказывать по мере их развития...

Европа тем временем уже была охвачена военным пожаром.

Официально Вторая мировая война началась нападением Германии на Польшу 1 сентября 1939 года, потому как именно это событие наконец-то вызвало хоть какой-то отпор со стороны ведущих европейских держав: 3 сентября Англия и Франция объявили агрессору войну. Можно считать, что ответ Германии был незамедлительным: «В 9 часов вечера 3 сентября 1939 года... германский флот нанес удар. Немецкая подводная лодка «U-30» без предупреждения торпедировала и потопила в двухстах милях к западу от Гебридских островов британский лайнер «Атения». Лайнер шел из Ливерпуля в Монреаль, имея на борту 1400 пассажиров. Погибло 112 человек, среди них 28 американцев».

В тот же самый день, вослед за своей метрополией, войну фашистской Германии объявили Индия, тогдашняя британская колония, и британские же доминионы Австралия и Новая Зеландия. На следующий день японское правительство поспешило заявить о невмешательстве Японии в «европейскую войну», а 5-го числа о том

[11] Татьяна Викторовна Есипова (Лягина), директор школы-интерната в г. Пушкине (в настоящее время входит в состав Санкт-Петербурга), скончалась в 1978 году.

же самом – о своем нейтралитете в этой войне – сообщило и правительство Соединенных Штатов Америки. Зато 6 сентября войну Германии объявил Южно-Африканский Союз, а 10-го – Канада, то есть еще два британских доминиона. Однако при том ни одна из вышеперечисленных стран (исключая «державы оси», разумеется) боевые действия так и не открыла.

И вообще, «страны оси Берлин – Рим», то есть агрессивного союза между Германией и Италией, к которому несколько позже присоединится Япония, после чего «ось» продлится до Токио, воевали уже давно и активно – каждый на своем направлении. Вот какая картина изображена в «Политическом словаре»:

«В 1935 г. Италия напала на Абиссинию и поработила ее. Удар был направлен также против Англии и ее морских путей из Европы в Индию, в Азию. Летом 1936 г. началась военная интервенция Германии и Италии против Испанской республики, имевшая целью перехватить морские пути Англии и Франции к их громадным колониальным владениям в Африке и Азии. В марте 1938 г. Германия заняла Австрию. В октябре 1938 г. Германия при содействии Италии добилась от Англии и Франции согласия на расчленение Чехо-Словакии[12]. Вначале Германия заняла Судетскую область; затем, впоследствии, 15 марта 1939 г., она заняла Чехо-Словакию, затем Клайпеду, а Италия – Албанию. В 1937 г. японская военщина, нарушая международные договоры, захватила Пекин, вторглась в Центральный Китай и заняла Шанхай, в 1938 г. – Ханькоу и Кантон, а в 1939 г. – остров Хайнань, нанеся удар по интересам Англии, Франции и США. Таким образом, завязались новые узлы войны: на кратчайших морских путях из Европы в Азию; на юге Европы, в районе Австрии и Адриатики; на крайнем западе Европы, в районе Испании и омывающих ее вод, и на Великом океане – в районе Китая. Отличительной чертой второй империалистической войны на первых порах являлось то, что ее вели и развертывали Германия, Италия и Япония, в то время как Англия и Франция, против которых была направлена война, пятилась назад и отступали, делая Германии, Италии и Японии уступку за уступкой».

[12] Так в тексте.

Похоже, нападение Гитлера на Польшу явилось неожиданностью для всех – но в особенности для самих поляков, ибо польское руководство очень надеялось на равноправный союз с Германией в борьбе против СССР. Тому в подтверждение мы можем привести фрагмент из совершенно секретного доклада советской разведки, содержавшего запись беседы рейхсмаршала Германа Геринга[13], почему-то названного в документе премьер-министром, с польским маршалом Эдвардом Рыдз-Смиглы[14]. Эта маршальская встреча происходила 16 февраля 1937 года в Варшаве.

«Премьер-министр Геринг: прежде всего заявил,[15] что он очень рад познакомиться с г-ном маршалом, а затем передал, что канцлер Гитлер поручил ему самым категорическим образом подчеркнуть, что он теперь в большей, чем когда бы то ни было, степени является сторонником политики сближения с Польшей и будет ее продолжать. <...>

Необходимо всегда помнить, что существует большая опасность, угрожающая с востока, со стороны России, не только Польше, но и Германии. Эту опасность представляет не только большевизм, но и Россия как таковая, независимого от того, существует ли в ней монархический, либеральный или другой какой-нибудь строй. В этом отношении интересы Польши и Германии всецело совпадают. С германской точки зрения Польша может вести подлинно независимую политику только при условии взаимных дружественных отношений с Германией.

При таких условиях Польша может рассчитывать на помощь Германии, которая усматривает гораздо большие выгоды в ведении по отношению к Польше дружественной политики, чем наоборот <...>

[13] Геринг Герман (1893–1946) – президент Рейхстага; рейхсмаршал.

[14] Рыдз-Смиглы Эдвард (1886–1941) – генеральный инспектор армии, фактический диктатор Польши; маршал.

[15] Так в тексте.

Маршал Рыдз-Смиглы подчеркнул, что он решил продолжать политику, начатую маршалом Пилсудским. По его мнению, польско-германские отношения неизменно развиваются в положительном смысле. Он надеется, что темпы этого развития будут постоянно возрастать. Он вполне разделяет мнение Геринга, что в случае возникновения каких-либо недоразумений их необходимо искренне друг с другом обсудить и ликвидировать и не давать третьим сторонам вмешиваться в них... В случае конфликта Польша не намерена стать на сторону СССР, и по отношению к СССР она все более усиливает свою бдительность. <...>».

Воистину, если Бог хочет кого-то наказать, то в первую очередь Он лишает его разума!

Ну а далее уже пошло-поехало: 13 сентября 1939 года японские войска начали наступление в Китае, продолжавшееся в течение месяца, при том, что 15 сентября были прекращены боевые действия на монгольской территории, в районе реки Халхин-Гол, где японцы потерпели сокрушительное поражение от советских войск; 17 сентября начался Освободительный поход Красной армии в Западную Украину и Западную Белоруссию. (Сегодня это пытаются изображать оккупацией, тогда как на самом деле советские войска возвратили наши территории, отошедшие к Польше после 1920 года, и остановили гитлеровских агрессоров. Уточним, что, в отличие от немцев на остальной польской территории, деревень они не сжигали и массовых расстрелов мирного населения не проводили). 8–12 октября Гитлер подписал декреты, упразднявшие польское государство; 14 октября немецкая подводная лодка потопила британский линкор «Royal Oak». Объявившие Германии войну державы, говоря бюрократическим языком, «приняли это к сведению» – без каких-либо ответных действий.

Между тем Соединенные Штаты Америки решили несколько скорректировать свою позицию, и 4 ноября Конгресс США принял поправку к закону о нейтралитете, допускающую продажу воюющим

странам оружия и военных материалов. Вот уж действительно – «Business, Business über alles!»[16]. И это при том, что американцы прекрасно понимали опасность подобной политики. Еще в 1944 году в США вышла книга Эдварда Стеттиниуса, начальника Управления по соблюдению закона о ленд-лизе «Ленд-лиз – оружие победы»[17]. Вот что писал этот высокопоставленный чиновник в первой главе своей книги:

«С одной стороны, мы были уверены, что наша страна не должна снова пережить трагедию войны. Начиная с середины 30-х годов, мы разработали систему законов о нейтралитете, которые имели целью не допустить войну в наше полушарие, изолировав нас от любых стран, вовлеченных в войну в других частях мира. И в то же время большинство американцев инстинктивно чувствовали, что наша страна не сможет наслаждаться мирной жизнью, если остальной мир будет охвачен войной...

По мере углубления мирового кризиса в 30-х годах для нас становился всё очевиднее тот жестокий факт, что три страны стали на путь агрессии. Если бы наша страна начала сотрудничать с другими миролюбивыми нациями, чтобы остановить агрессоров, прежде чем они смогут угрожать нам самим, это, в конце концов, могло вовлечь нас в войну против этих агрессоров. Однако если сидеть сложа руки, предоставив агрессорам возможность продвигаться вперед победным маршем, то это может закончиться необходимостью воевать в одиночку против целого мира, чтобы защитить собственную страну. Пока мы таким образом колебались, неуклонно росла мощь держав оси и, соответственно, возрастала угроза нашей собственной безопасности».

Впрочем, колебания были только на государственном уровне, а частный бизнес успешно продолжал делать свое дело.

Так, уже известный нам (см. Пятую главу) «Тигл ... поставлял концерну «И.Г. Фарбениндустри» тетраэтил[18], необходимый для производства авиационного бензина, патентом на производство которого располагали, кроме «Стандард ойл», «Дженерал моторс» и «Дюпон». Поставки тетраэтила Германии осуществлялись через британский филиал концерна Тигла. В 1938 году Шмиц подписал в Лондоне контракт на 500 тонн этила, а в следующем году закупил его через тот же лондонский филиал еще на 15 млн долларов. В итоге гитлеровские военно-воздушные силы получили возможность бомбить Лондон – город, который предоставил им горючее. Поставляя тетраэтил в Японию, Тигл помогал тем самым и ей вести войну.

Фактов такого откровенного цинизма можно привести немало. Так, британские военно-воздушные силы фактически оплачивали горючее, которым заправлялись бомбардировщики Геринга для налетов на Лондон. Дело в том, что они делали денежные отчисления владельцу патента по производству тетраэтила фирме «Этил» – британскому филиалу «Стандард ойл», которые затем переправлялись в нацистскую Германию. Эти деньги хранились на счетах «Стандард ойл» в банках «И.Г. Фарбениндустри» вплоть до конца войны».

«В 1940 году... отец и сын Форды решили прекратить производство авиационных двигателей для Англии. Вместо них они предпочли выпускать детали для армейских 5-тонных грузовиков – основного транспортного средства немецкой армии. Они же поставляли Германии автопокрышки – несмотря на то, что их не хватало в самих США. При этом 30 процентов автопокрышек шло в оккупированные нацистами страны».

И еще один совершенно потрясающий момент, полученный нами из того же американского (!) источника:

«В 1939 году армия Соединенных Штатов испытывала острую нехватку синтетического каучука. Именно в это время корпорация «Стандард ойл» заключила сделку с гитлеровской Германией, благодаря которой третий рейх получал необходимое количество каучука, что еще больше обострило кризис в США. Контракт не был аннулирован и после Перл-Харбора».

В общем, колебались – но продавали всё, что могли – и даже не только в ущерб своим союзникам, но и в ущерб собственным вооруженным силам, тем самым «неуклонно повышая мощь держав оси».

Морализировать по этому поводу не будем – так же как, очевидно, не имеет смысла объяснять, что вопросы поставки оружия и военных материалов американскими компаниями государствам-агрессорам очень интересовали советскую разведку. Разумеется, что в первую очередь, этими вопросами занимались сотрудники научно-технической разведки.

Вернемся, однако, к хронике развития событий.

30 ноября того же 1939 года началась Советско-финляндская война, на которую правительство США оперативно откликнулось 2 декабря объявлением «морального эмбарго» на торговлю с Советским Союзом. Как-то, все-таки, интересно умеют американские политики делить человечество на «хороших» и «плохих»: СССР оказался «плохим агрессором», а вот гитлеровская Германия, создавшая так называемое «Генерал-губернаторство оккупированных польских областей», была, очевидно, хорошим и добропорядочным агрессором, с которым было приятно (или выгодно?) торговать – тем самым, как мы помним, «неуклонно повышая ее мощь». (Пройдут десятилетия – и Штаты точно таким же образом начнут делить на «плохих» и «хороших» террористов, жуткую реальность XXI столетия. А впрочем, чему тут удивляться? Еще в 1939 году президент Рузвельт сказал фразу, ставшую крылатой: «Это – сукин сын, но это наш сукин сын». Объектом высказывания являлся никарагуанский диктатор Анастасио Сомоса[19]... Кстати, кем тогда

---

[16] «Бизнес, Бизнес превыше всего!» – англ. и нем. Искаженный немецкий «Патриотический гимн» – «Deutschland, Deutschland über alles» – «Германия, Германия превыше всего!»

[17] Stettinius E.R. Jr. Lend-Lease: Weapon For Victory. – New York: Macmillan Co.; 1944.

[18] Тетраэтилсвинец – ядовитое металлоорганическое соединение; применялось как антидетонирующая присадка к моторному топливу.

[19] Сомоса Анастасио (1896–1956) – президент Никарагуа в 1936–1947 и 1950–1956 гг. (фактически – диктатор); убит повстанцами, после чего президентом стал его сын, Луис Сомоса.

оказывается Америка, имеющая «своих сукиных сынов»?).

Зима 1939/1940 года прошла без особо ярких событий: 5 февраля европейские союзники, Франция и Великобритания, как бы воевавшие с Германией, собрались было направить свой экспедиционный корпус... в помощь Финляндии, а США начали вербовку добровольцев для участия в Советско-финляндской войне. Но тут, к 23 февраля, советские войска прорвали главную полосу «линии Маннергейма», к 29 февраля – вторую полосу, и финское руководство, не дождавшись обещанного корпуса и лихих заокеанских волонтеров, подписало мирный договор. Война закончилась.

Зато 9 апреля 1940 года гитлеровцы напали на Данию и Норвегию, после чего 14 апреля началась высадка англо-французских войск в Северной Норвегии. Через месяц, 10 мая, гитлеровцы вторглись на территорию Франции, Бельгии и Голландии – и это была уже настоящая война, пришедшая на смену той «странной» или «сидячей» войне, которая началась в сентябре 1939 года. (А ведь с 7 ноября 1939 года по 20 января 1940-го фюрер не менее шестнадцати раз переносил сроки начала военных действий на Западе – германская армия была не готова к серьезной кампании и могла не выдержать удара союзных войск!)

Впрочем, в любой – пусть даже и в «странной» – войне непременно оказываются и победители, и побежденные. Время, прошедшее от официального объявления войны до ее начала, явилось, говоря военным языком, «стратегической паузой», которой гитлеровская Германия сумела воспользоваться с максимальной эффективностью.

«Стратегическая пауза была использована германским руководством для форсированного производства военной техники и боеприпасов, стремительного наращивания боевой мощи вермахта. С сентября 1939 г. по апрель 1940 г. в войска поступило 680 танков новых образцов. Легкие дивизии по мере накопления вооружения переформировывались в танковые. Состав артиллерии сухопутной армии увеличился на 1368 полевых орудий калибром 75 мм и выше, на 1630 противотанковых пушек. В войска поступило 2172 новых миномета. Численность армии возросла к марту до 3,3 млн человек. Были сформированы 15 новых штабов корпусов, 31 пехотная дивизия, 9 дивизий охраны тыла. Если в ноябре 1939 г. группировка немецко-фашистских войск на западе насчитывала 96 соединений, то к 10 мая 1940 г. она возросла до 136. Численность самолетов германских военно-воздушных сил увеличилась почти на 1500 боевых машин.

Бездействие союзников на западном фронте... создавало самые благоприятные условия для беспрепятственного мобилизационного развертывания и повышения боевой мощи вермахта».

К вышесказанному добавляем еще и военно-техническое сотрудничество между Соединенными Штатами Америки и «хорошим агрессором» – нацистской Германией.

«Вскоре после начала Второй мировой войны в Европу по указанию Фэриша <насколько мы помним – президент нефтяного концерна «Стандарт Ойл оф Нью-Джерси»> отправился один из самых предприимчивых вице-президентов «Стандард ойл» Фрэнк А. Говард, входивший одновременно и в совет директоров банка «Чейз нэшнл». Первую остановку он сделал в Лондоне, где сразу по приезде поспешил нанести визит американскому послу в Великобритании Джозефу Кеннеди[20], страстному поборнику сепаратного мира в Европе. Кеннеди с восторгом отнесся к мысли Говарда встретиться с Фрицем Рингером, представителем фашистской «И.Г. Фарбениндустри». Деловое свидание назначили в Голландии, куда 22 сентября 1939 года и отправился Говард на борту специально выделенного для этого случая бомбардировщика британских ВВС.

В ходе встречи в Гааге, проходившей в помещении голландского отделения «Стандард ойл», Говард и Рингер подробно обговорили совместные планы на будущее. Рингер передал американскому коллеге увесистый пакет немецких патентов, которые в документах «Стандард ойл» были оформлены таким образом, чтобы администрация США не смогла их конфисковать в военное время. Помимо этого, бизнесмены набросали проект соглашения, названного позднее «Гаагским меморандумом», по которому американский и нацистский концерны обязались продолжать деловое сотрудничество «независимо от того, вступят или нет Соединенные Штаты в войну против Германии». В одном из положений этого документа, вернее, в секретном приложении к нему, оговаривалось, что сразу по окончании войны патенты и акции, переданные «И.Г. Фарбениндустри» американскому концерну, будут полностью возвращены».

А вообще имеется информация, что к 1941 году американские инвестиции в германскую экономику составили порядка 800 миллионов долларов... Одна только вышеупомянутая корпорация «Стандард ойл» поддержала военную промышленность рейха (в Германии в то время фактически вся промышленность работала на войну), вложив в нее порядка 120 миллионов долларов. На этом фоне Фордовские друзья фюрера кажутся гораздо скромнее – они инвестировали всего 17 с половиной миллионов, но по тем временам это было воистину астрономической суммой!

Стоит ли удивляться, что рейху за весьма короткий период удалось создать первоклассные вооруженные силы?

14 мая 1940 года капитулировали вооруженные силы Голландии; 17 мая гитлеровцы заняли Брюссель, столицу Бельгии, а 28 мая капитулировала королевская армия; 27-го числа англо-французские войска начали эвакуацию из французского порта Дюнкерк, расположенного на берегу Ла-Манша, на Британские острова. Эвакуация продолжалась неделю: «Утром 4 июня немецкие части вошли в город. В районе Дюнкерка еще оставалось свыше 40 тысяч французов, которые попали в плен. Всего удалось эвакуировать

[20] Кеннеди Джозеф Патрик (1888–1969) – видный американский бизнесмен и политический деятель; отец 35-го президента США Джона Ф.Кеннеди.

более 338 тысяч человек, из них 215 тысяч англичан, 123 тысячи французов и бельгийцев. Силами французского флота было спасено 50 тысяч человек». События эти вошли в историю как «Дюнкеркская катастрофа». На этом фоне эвакуация все тех же англо-французов из Норвегии, проведенная 5–8 июня, прошла, в общем-то, незамеченной. Зато 14 июня, к ужасу всей Европы, немецко-фашистские войска вошли в Париж и 22 июня Франция вообще капитулировала...

Между тем, 10 июня расхрабрившиеся итальянцы объявили войну Франции и Великобритании, и потому 24 июня Франция капитулировала еще и перед Италией. Нет сомнения, что в этот самый день в своих полуистлевших гробах дружно перевернулись император Франции Наполеон Бонапарт, его пасынок – вице-король Италии Евгений Богарне и маршал Иоахим Мюрат – король Неаполитанский!

В августе началась так называемая «Битва за Англию» – гитлеровские люфтваффе стали массированно бомбить Великобританию. «Основные цели воздушного наступления: завоевание господства в воздухе как важнейшей предпосылки для осуществления планировавшейся десантной операции «Зелеве» («Морской лев»[21]); нанесение существенного ущерба военно-экономическому потенциалу Великобритании; терроризирование населения, нарушение управления страной. Все это по замыслу немецко-фашистского командования должно было принудить Англию к выходу из войны и этим создать гитлеровской Германии благоприятные условия для подготовки и проведения агрессии против главного противника – СССР... К выполнению задачи привлекались около 2400 боевых самолетов, в том числе 1480 бомбардировщиков».

При том, насколько мы уже знаем, американцы помогали производить авиационное горючее для гитлеровских люфтваффе, а англичане сами же его и оплачивали... Американцы, впрочем, оказывали вооруженным силам нацистской и Германии и техническую поддержку. Вышеупомянутого Генри Форда[22], основателя знаменитой «автомобильной империи», связывала с германским фюрером просто-таки трогательная дружба: доподлинно известно, что, ежегодно поздравляя Гитлера с днем рождения, американский автомобильный магнат присылал ему традиционный «скромный подарок» в 50 тысяч рейхсмарок. Разумеется, одними лишь личными вопросами их дружба не ограничивалась.

Так, уже во время Второй мировой войны был открыт новый автомобильный завод Форда во Франции. «Предприятие находилось в Пуасси, в 11 километрах от Парижа, на оккупированной нацистами территории. С 1940 года... завод начал производить авиационные двигатели, грузовые и легковые автомобили, поступавшие на вооружение фашистской Германии. Предприятием руководили из Берлина Карл Краух и Герман Шмиц, а из Дирборна (штат Мичиган) – Эдзел Форд[23]». Как-то не думается, что двигатели эти ставились только на пассажирские и спортивные самолеты...

А в общем, обстановка обострялась с каждым днем, и о том можно рассказывать еще довольно долго. Однако всё происходившее тогда можно считать лишь прелюдией к последующим событиям. Это был как бы замах перед ударом, или упорное сжатие пружины, которая вследствие того должна будет распрямиться с особенной силой. Направление этого удара было известно: Восток. Пресловутый «Drang nach Osten» – «Натиск на восток», традиционно безуспешный, но столь желанный для Германии.

«Вечером 18 декабря 1940 г. Гитлер подписал директиву на развертывание военных действий против СССР, которая получила порядковый номер 21 и условное наименование вариант «Барбаросса» (Fall «Barbarossa»). <...>

Планом «Барбаросса»[24] предусматривался разгром Советского Союза в ходе одной кратковременной кампании еще до того, как будет закончена война против Англии. Главными стратегическими объектами были признаны Ленинград, Москва, Центральный промышленный район и Донецкий бассейн. Особое место в плане отводилось Москве. Предполагалось, что ее захват будет иметь решающее значение для победоносного исхода всей войны. «Конечной целью операции, – говорилось в директиве № 21, – является создание защитного барьера против азиатской России по общей линии Волга – Архангельск. Таким образом, в случае необходимости последний индустриальный район, оставшийся у русских на Урале, можно будет парализовать с помощью авиации».

Для разгрома Советского Союза панировалось использовать все сухопутные силы Германии, исключая лишь соединения и части, необходимые для несения оккупационной службы в порабощенных странах...»

Война стояла у нашего порога и не нужно думать, что об этом у нас никто не догадывался, а если кто и предполагал это, то, как утверждают некоторые авторы, опасался о том говорить.

Александр Феклисов вспоминал:

«Еще в апреле 1941 года посол К.А.Уманский, выступая на совещании дипломатического состава генконсульства, заявил: Гитлер опьянен успехами. В Европе нет державы, которая могла бы остановить фашистов. Гитлер готовится к нападению на СССР, войны нам с Германией при всем желании, видимо, не избежать.

Точка зрения посла ошеломила меня и моих товарищей. Хотелось надеяться, что мрачное предсказание не сбудется. А пока его прогноз сыграл мобилизующую роль для дипсостава».

[21] «Seelöwe» (нем.) – «Морской лев», кодовое наименование плана вторжения немецко-фашистских войск в Великобританию через пролив Ла-Манш.

[22] Форд Генри (1863–1947) – американский промышленник и изобретатель.

[23] Форд Эдсел Брайант (1893–1943) – сын Генри Форда, президент Ford Motor Company в 1919–1943 гг.

[24] В данном случае имеется в виду директива по стратегическому сосредоточению и развертыванию сухопутных войск от 31 января 1941 г., которая конкретизировала и уточняла задачи и способы действий вооруженных сил, изложенные в директиве № 21.

* * *

Вернемся, однако, к нашему герою.

Насколько известно, в то время в Нью-Йоркской «легальной» резидентуре, которой руководил американский «старожил» Гайк Бадалович Овакимян, сидевший в Штатах с 1934 года, совместно с Виктором Лягиным работали такие сотрудники, как уже упоминавшиеся ранее Ершов и Семен Маркович Семенов, автор цитируемых здесь мемуаров Александр Семенович Феклисов и Анатолий Антонович Яцков[25] – так же как и Феклисов, удостоенный впоследствии звания Героя России. По линии политической разведки успешно работали два молодых сотрудника – К.А.Чугунов и М.А.Шаляпин.

Некоторое представление о деятельности разведчика, трудившегося «под крышей» мы совершенно неожиданно можем получить из книги Филиппа Денисовича Бобкова[26] (все-таки он – «чистый» контрразведчик) «КГБ и власть», в одной из глав которой он описывает историю некоего, как он его называет, «Сергея Антоновича», перед самой войной работавшего в «Амторге» «консультантом по валютным делам». И вот – некоторые моменты из его рассказа, представляющие для нас безусловный интерес:

«Мне показали мой стол в огромной комнате, где, на американский манер, работало еще человек двадцать. Стучат пишущие машинки, щелкают арифмометры, в комнате никогда не смолкает гул голосов, и всё это вроде бы никому не мешает. Из соседней комнаты, через большое, как витрина, окно за нами мог наблюдать заведующий отделом Костылев.

Целый день я добросовестно изучал папки, а утром следующего дня меня вызвал один из руководителей «Амторга» Алексей Ильич.

– Будем работать вместе, – тепло ответил он на мое приветствие. Я понял: это и есть наш главный резидент, мой непосредственный начальник...

Поначалу беседа носила общий характер, но скоро мы перешли к главному. Тридцать процентов времени предстоит заниматься чисто торговыми и валютно-финансовыми вопросами[27], чтобы клиентура видела во мне специалиста. Остальное время я должен посвятить заданиям, которые даст резидент. Меня будут приглашать на переговоры, на разного рода приемы и коктейли. Моя задача: установить как можно больше связей, знакомиться. В дальнейшем, следуя его указаниям, я кое с кем должен пойти на контакты неделового характера. <...>

Мне представлялись довольно широкие возможности, я мог пригласить знакомых в ресторан, в день рождения преподнести кому-либо из них дорогой подарок или пригласить на рыбалку, которая неизменно заканчивалась пикником. Я мог при случае дать хорошо заработать кому-нибудь из моих новых знакомых».

Вот так, примерно, все они и трудились – хотя, конечно, это очень поверхностный рассказ, информирующей лишь о «парадной» стороне работы разведчика – приемы, коктейли, рыбалки с пикниками... На самом-то деле, работать в то время советским разведчикам в Соединенных Штатах Америки было очень и очень тяжко...

«В предвоенный период, особенно после подписания советско-германского Договора о ненападении, получившего в западной прессе название «Пакта Риббентропа-Молотова», отношения между СССР и США были натянутыми. Американская пропаганда в газетах, журналах и на радио утверждала, что СССР – друг гитлеровской Германии и поэтому подписал с ней этот пакт. При этом игнорировался тот факт, что ранее подобные договоры с ней имели и Польша, и Англия, и Франция.

В то же время в прессе США шла разнузданная пронацистская пропаганда, восхвалялись военные победы Германии, ни слова не говорилось о зверствах оккупантов в порабощенной Европе. Конгресс США принимал законы, ограничивавшие экономические и торговые отношения с Советским Союзом. После подписания советско-германского договора о ненападении правительство США предложило советскому полпредству отозвать своих приемщиков из страны в связи с отказом отдельных американских компаний поставлять ранее заказанное оборудование».

Соответственно, весьма усложнилась и оперативная обстановка. Александр Феклисов свидетельствует: «До начала Великой Отечественной войны американская контрразведка весьма активно действовала против советских учреждений и их сотрудников, используя все имеющиеся в ее распоряжении средства: наружное наблюдение, агентуру и оперативную технику. Сотрудники резидентуры часто видели, что за ними с утра до вечера велась слежка. В их служебные и домашние телефонные аппараты вмонтировались устройства, которые позволяли ФБР подслушивать не только разговоры по телефону, но и вообще всё, что говорилось в комнате, фиксировать любой, даже еле заметный шум».

И всё равно, как раз в то самое время, весной 1941 года, между Нью-Йоркской резидентурой и Центром, то есть Москвой, была установлена устойчивая двусторонняя радиосвязь – вопросом ее организации занимался тот же самый Феклисов, «украсивший» крышу четырехэтажного здания генконсульства шестиметровой антенной. До этого же срочные шифровки приходилось передавать через международные коммерческие телеграфные линии, расплачиваясь за это долларами... Но это был далеко не единственный способ отправки собранной разведывательной информации.

«Перевозка целых гор докладов и документов сама по себе представляла сложную проблему. Существовало четыре основных пути пересылки секретных и полусекретных материалов, включая разные образцы и копии чертежей.

[25] Яцков Анатолий Антонович (1913–1993)

[26] Бобков Филипп Денисович (1925 г.р.) – участник Великой Отечественной войны – гвардии старшина, кавалер ордена Славы 3-й степени; начальник 5-го управления КГБ ССС в 1969–1983 гг., заместитель, первый заместитель Председателя КГБ СССР – 1983–1991 гг.

[27] Виктору Лягину, соответственно, приходилось заниматься чисто техническими вопросами.

Первый – это запечатанная сумка дипломатического курьера. Но лишь небольшая часть добытого материала могла быть переправлена в таких сумках.

Во втором случае использовался дипломатический паспорт – прекрасный прием для того, чтобы избежать досмотра. Вопреки распространенному мнению, что только дипломаты ездят с дипломатическим паспортом, каждое правительство время от времени выпускает особые паспорта для поездок других лиц, не являющихся дипломатами. Советское правительство широко пользовалось этими возможностями как перед войной, так и во время войны...

Перевозка морем была третьим способом переправки секретных материалов в Россию. Советские моряки в американских портах не встречали затруднений, забирая с собой на борт поклажу. Более того, в Вашингтоне и Нью-Йорке советским агентствам выдавались экспортные лицензии на вывоз товаров в Россию, они использовались для тех грузов, которые должны были проходить через таможню. Это было очень простым способом отправить груз с фальшивым ярлыком, например радарное оборудование под видом автомобильных моторов и т.д. ...

Четвертым способом была переправка самолетом...» – но это уже будет несколько позднее, с 1942 года.

А вот то, что в советском консульстве работает передатчик, ФБР обнаружило только лишь летом 1943 года, информация попала в прессу – и, на всякий случай, его работа была свернута.

Однако еще весной 1941 года по Нью-Йоркской резидентуре был нанесен очень серьезный удар: 5 мая был арестован и заключен в тюрьму резидент Гайк Овакимян.

В предвоенное время (повторим еще раз: в том, что война с гитлеровской Германией неизбежна, сомнений ни у кого не было) Центр настоятельно требовал соответствующей информации от работавших «в поле» разведчиков. Но после всех произошедших «чисток» и прочих тому подобных мероприятий резидентурам не хватало работников, а работникам – опыта. Вот почему людям опытным приходилось работать буквально на пределе возможностей, что неизбежно приводило к негативным последствиям.

«В отдельные дни Овакимяну приходилось проводить до десяти встреч с различными агентами, и он возвращался домой полностью измотанным. Это неизбежно притупляло бдительность.

В начале 1941 года Овакимян был задержан американской контрразведкой во время получения документов от агента «Октана» и оказался в тюрьме. Агент, с которым резидент работал, проявил малодушие: во время одного из приступов мучительного страха он явился в ФБР и признался во всем».

В общем, была осуществлена обыкновенная «подстава»: на встречу с разведчиком агент привел контрразведку, в результате чего Овакимян был взят с поличным. Правда, перед американским судом советский резидент должен был предстать по обвинению «в нарушении закона о регистрации иностранных граждан» – но это обычные «игры», связанные с разведкой. Как известно, кошку далеко не всегда называют кошкой[28] – и на то есть свои весьма уважительные причины.

После этого серьезнейшего провала исполнять обязанности резидента был назначен «П.П.Пастельняк[29], солидный мужчина лет сорока пяти. У него было мужественное, изрытое оспинами лицо с глубоко посаженными темными глазами. Человек он был сугубо военный: службу начал в пограничных войсках, а затем перешел на контрразведывательную работу. В 1938–1939 годах его направили руководителем группы по обеспечению безопасности в советском павильоне на Всемирной выставке в Нью-Йорке. Английского языка он почти не знал. После закрытия выставки его оставили в резидентуре. В апреле 1941 года он был назначен исполняющим обязанности резидента. Будучи военным, Павел Пантелеймонович любил дисциплину и, прежде всего, подчинение, или, как он изъяснялся, субординацию», – вспоминал Александр Феклисов.

Запомним эти качества исполняющего обязанности!

Заглядывая вперед, скажем, что в американской тюрьме советскому разведчику пришлось провести несколько месяцев, и он вышел на свободу уже после начала Великой Отечественной войны, по личному распоряжению президента Рузвельта. Затем Овакимян возвратился на Родину и продолжал службу в центральном аппарате разведки, дослужившись до генеральских звезд, что по тем временам для разведчика было большой редкостью.

Примерно в то же время, что и Овакимян, «провалился» и наш герой – но это будет история совершенно иного характера... Недаром же император Наполеон сказал, что «от великого до смешного – один шаг». Хотя, изначально было совсем не смешно.

* * *

Мы не раз говорили, что Виктор Лягин любил женщин – и они нередко отвечали ему взаимностью.

(Как сказал в подобном случае товарищ Сталин – «Что тут делать? Завидовать!» [30])

Однако, как подсказывает опыт, женщины порой могут принести и серьезные неприятности – вольно или невольно. В частности, далеко не каждый руководитель станет в хорошем смысле слова завидовать «удачливому» в этом плане подчиненному. Тем более, если сам этот руководитель примерный семьянин и вообще, человек строгих нравственных правил – а советские чиновники в подавляющем своем большинстве были именно такие.

Мы, как говорится, «свечку не держали», а потому обладаем информацией только на уровне предположений. В официальных структурах подобное происше-

[28] См. стихотворение С.Я.Маршака «Отчего кошку назвали кошкой».

[29] Пастельняк Павел Пантелеймонович (1905–1963) – исполнял обязанности резидента после ареста Г.Б.Овакимяна и до приезда В.М.Зарубина.

[30] Известно, что когда во время Великой Отечественной войны И.В.Сталину сообщили о, как это тогда называлось, «моральной неустойчивости» одного из лучших советских военачальников – кстати, весьма обаятельного и интересного внешне, – то на вопрос: «Что будем делать?», он ответил именно так: «Завидовать!»

ствие категорически отрицается, никаких документальных свидетельств на эту тему нет (если же они есть, то очень засекречены), но вот в семье нашего героя сохранилось предание, что у Виктора Александровича случился роман с женой одного высокопоставленного дипломата. (Чтобы биографическая книга получилась по-настоящему «объемной», представляющей героя с различных сторон, а не ограничивалась «анкетой»: «родился... окончил... служил...» или превращалась в положительную «партийную характеристику», приходится пользоваться самыми разными источниками. Кстати, даже лживые сплетни, которые рассказывают про человека, имеют для биографа определенную ценность, помогая ему увидеть своего героя в том числе и глазами его недоброжелателей.)

Так вот, если бы этот дипломат был западным или восточным капиталистом, и, к тому же, этот роман происходил с санкции Центра – никаких вопросов тут бы не возникло. Да, известно, что разведчику порой приходится получать информацию и таким путем. Конечно, успехи «на женском фронте» легендарного Джеймса Бонда – героя произведений английского писателя и разведчика Яна Флеминга – явный перебор, но не бывает, как говорится, дыма без огня.

Вот только Виктор Лягин отыскал «объект» в непосредственной от себя близости – «высокопоставленный дипломат» был нашим соотечественником.

Насколько мы помним, 24 января того самого 1941 года на свет появился Виктор Лягин-младший. Нет, очевидно, смысла объяснять просвещенному читателю, что при рождении ребенка женщина зачастую сосредоточивает всё свое внимание на нем, а муж как бы оказывается в стороне – по самым разным вопросам. Это и побуждает некоторых товарищей «посмотреть на сторону»...

Между тем, «советская колония» была достаточно закрытым и тесным «мирком». Мужчины были погружены в свои служебным обязанности (помните строки из письма – «Живем только на работе и работой»?), а женщины, в подавляющем своем большинстве, пребывали в четырех стенах, занимаясь домашним хозяйством, чтением или рукоделием – в зависимости от воспитания, образования и привычек. Тем, у кого были маленькие дети, приходилось полегче – уж им-то дел для себя искать было не нужно. Походить по магазинам, прогуляться по музеям, посидеть в кафе женам дипломатов и прочих сотрудников было практически нельзя. Правила и нравы тогда были суровые.

Вот так, вполне возможно, и получилось, что скучающая жена вечно занятого мужа обратила внимание на очень даже интересного внешне и весьма обаятельного «инженера «Амторга»» (не исключается, что по положению мужа она могла знать, что это только «крыша», а «многие знания», как известно, порождают «многие печали», или, что также не исключается, – вызывают романтический интерес). Виктор же, в данное время обойденный вниманием собственной жены, обратил свой взор на жену чужую – красивую, элегантную, обаятельную... Более чем сомнительно, чтобы он начал проявлять интерес без, скажем так, одобрения или даже какой-то провокации (возможно, что чисто случайной!) с противоположной стороны. Врагом для себя Лягин точно не был, да и человек он, как нам представляется, был вполне разумный для того, чтобы не броситься очертя голову в авантюру, как какой-нибудь юнец, действующий по принципу: «она мне нравится, и я должен ее завоевать!» Да и не те условия «в колонии» были, в конце-то концов – Виктор прекрасно понимал, что подобная «гусарщина» очень быстро была бы замечена не только посольскими «кумушками», но и должностными лицами, отвечающими за безопасность работы сотрудников загранучреждений. А тут, не дай Бог, еще бы чего и американская контрразведка приметила – там и вообще пиши пропало, потому как в подобном случае шантаж и вербовочное предложение оказались бы неизбежны...

В общем, как можно понять, что если действительно роман произошел – то всё это было на основании взаимного интереса и по обоюдному согласию, а потому до поры до времени оставалось, как говорится, шито-крыто.

Не будем гадать, как они «влетели» – для разрешения этой загадки каждый читатель может воспользоваться собственным опытом, ежели таковой, паче чаяния, имеется. Зато можно предполагать, что «широкой гласности» эта информация в «советской колонии» не получила – не тот, как говорится, уровень, не те люди оказались замешаны. И вообще, дипломатический мир закрыт до самого предела, даже и в личном плане – семейные дела здесь не должны выходить за пределы квартиры проживания. Так что обманутый муж вряд ли устраивал какие-то сцены; понятно, что Зина Лягина знала – через нее, очевидно, и осталась информация о произошедшем в «семейных архивах». Можно предположить, что единственным человеком в резидентуре, получившим информацию о «подвигах» своего подчиненного, был исполнявший обязанности резидента Павел Пастельняк. Если, повторим, оно действительно всё так и было.

На вопрос высокопоставленного дипломата о том, что делать с провинившимся, Павел Пантелеймонович явно не стал отвечать посталински: «Завидовать!» – и не только потому, что Иосиф Виссарионович этого своего бессмертного слова еще не сказал. Пожалуй, главное, что резидент мог увидать в произошедшем, было не «нарушение норм социалистической морали», но воистину преступление перед той самой «субординацией», которую он так ценил – ведь обманутый муж, как мы сказали, был дипломатическим работником весьма высокого ранга. По этой причине Пастельняк, в чем нет никакого сомнения, обещал высокопоставленному чиновнику, что он незамедлительно доложит (не сообщит, а именно доложит!) о произошедшем в Москву, и что Лягин в весьма скором времени будет отозван из Соединенных Штатов.

Как нам известно, в Архиве Службы внешней разведки хранится до сих пор засекреченная

характеристика на Виктора Лягина, подписанная исполняющим обязанности резидента. Характеристика отрицательная, а потому, как нам представляется, совершенно необъективная, что мы докажем чуть дальше, но по этой причине приводить ее текста не будем. Впрочем, изначально ее надо было бы еще и рассекретить. Но зачем? Это лишний пример того, что не всем официальным документам следует доверять... Пусть уж лежит себе спокойно! (Хотя не исключается, что Лягин и Пастельняк не сошлись и по какой-то иной причине...)

Итак, над головой нашего героя сгустились тучи – но что тут поделаешь, если действительно он сам кругом был виноват?

Удивительно, но как раз о состоянии Виктора в тот весьма непростой для него период остались воспоминания – единственный фрагмент, повествующий о его заграничной работе. Вспоминает известный нам Александр Феклисов: «В резидентуре я несколько раз встречал ладно скроенного, красивого молодого блондина. Позднее я узнал, что это наш разведчик Виктор Александрович Лягин, работавший инженером в «Амторге». Он запомнился мне тем, что порой подолгу молча сидел в углу комнаты и напряженно о чем-то думал. Товарищи говорили, что Лягин крайне болезненно переживал наши неудачи на фронте. Вскоре неожиданно для нас он незаметно исчез – уехал в Москву. А через пару лет из газет мы узнали, что Лягин успешно руководил нелегальной разведывательно-диверсионной резидентурой в тылу немецких войск. 5 ноября 1944 года ему было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза».

В данном случае память явно подводит автора мемуаров – из Соединенных Штатов Виктор Лягин был «выслан» еще до нападения гитлеровской Германии на СССР, так что «крайне болезненно переживать» первые поражения советских войск он не мог... О чем же тогда «напряженно думал» наш герой? Вполне возможно, что о своем «грехопадении» и его возможных последствиях – о чем, как мы понимаем, его сослуживцы не знали и даже не догадывались. Времена были суровые, так что «героя-любовника» могли обвинить в чем угодно, вплоть до того, что он действовал по указанию иностранной разведки, агентом которой являлся. К ложным обвинениям у нас тогда относились творчески, чего только ни придумывали!

Ну а Александр Семенович Феклисов – столько лет прошло, столько всего произошло за это время! – вполне мог ошибиться. Помнил, что печальный Лягин о чем-то своем размышлял, ну и решил, что это происходило уже в июле 1941-го, когда многие «чистые» дипломаты и разведчики писали рапорты с просьбой отправить их на фронт. Кажущееся бездействие «в прекрасном далеке» угнетало. Пройдет совсем немного времени – и здесь, за океаном, многие из них окажутся на переднем крае совершенно иной войны, и эта их война, имевшая целью раскрыть «атомные секреты» лукавого союзника, впоследствии защитит мир от новой, уже ядерной или даже термоядерной, войны. Но это будет совсем иная история...

Итак, где-то в конце мая Виктор Лягин, с женой и маленьким сыном, возвращался на Родину. Good-bye, America! – До свидания!

А впрочем – не «до свидания», а «прощай» – прощай навсегда, но по-английски эти слова звучат одинаково...

Хотя, наверное, Виктор Лягин думал, что когда-нибудь сюда еще вернется. Обязательно вернется!

Но нет, судьба его сложилась совершенно по-иному. А потому – прощай, Америка! Good-bye! For ever...[31]

И снова – «Одноэтажная Америка» Ильи Ильфа и Евгения Петрова: «Когда закрываешь глаза и пытаешься воскресить в памяти страну, в которой пробыл четыре месяца, – представляешь себе не Вашингтон с его садами, колоннами и полным собранием памятников, не Нью-Йорк с его небоскребами, с его нищетой и богатством, не Сан-Франциско с его крутыми улицами и висячими мостами, не горы, не заводы, не кэньоны[32], а скрещение двух дорог и газолиновую станцию[33] на фоне проводов и рекламных плакатов».

Наверное, так...

...На сей раз ехать пришлось дальневосточным маршрутом – сначала пароходом через Тихий океан (уж как там они проходили мимо Японии, мы не знаем), а затем, от Владивостока – поездом, очевидно – в комфортном «международном» вагоне, в двухместном купе, с полками и стенками, оббитыми бархатом. Поезд шел десять дней по самому длинному в мире железнодорожному маршруту – Транссибирской магистрали, она же Великий Сибирский путь – 9 тысяч 298 километров, через Хабаровск, мимо озера Байкал, через Иркутск, Красноярск, Новосибирск, Свердловск и Ярославль – до самой Москвы, куда, на Ярославский вокзал, поезд прибыл субботним утром 14 июня 1941 года.

На вокзале Виктора и Зинаиду встретил сотрудник, сказавший, что ремонт лягинской квартиры в Сокольниках еще не закончен, а потому ему предлагается поселиться в гостинице «Метрополь». Лягин отказался и попросил отвезти его с семьей на Садово-Кудринскую улицу, к его сестре – Софье.

Решение это свидетельствует о том, что дела в семье Виктора явно обстояли неблагополучно: семья Косухиных жила в однокомнатной квартире и «американские гости» их ясно стесняли, да и самим им было там совсем неудобно – тем более, с маленьким ребенком... Но, вполне возможно, Виктор не хотел оставаться с Зинаидой tete-a-tete[34], потому и «укрылся» в дом сестры, где супругам невозможно было остаться вдвоем, а значит – вновь и вновь приниматься выяснять отношения... Хотя, долго ли оставалась Зинаида в этой «семейной коммуналке», нам неизвестно.

Зато мы можем сказать, что по имеющейся у нас информации, Виктор, пресытившийся в Штатах различными «стейками» и «бур-

[31] Навсегда... (англ.).

[32] Так в тексте. Имеется в виду «каньон», т.е. глубокая речная долина с крутыми склонами и узким дном.

[33] Т.е. бензозаправочную станцию.

[34] С глазу на глаз (франц.).

герами», на завтрак, обед и ужин хлебал густой, наваристый борщ, ну а когда они встречались за столом с Глебом Косухиным, к борщу всегда шла хорошая чарка – может, и не одна.

Впрочем, всё это продолжалось совсем недолго – до нападения Германии на Советский Союз оставались считанные дни. Когда Виктор возвратился в Москву, это была всего лишь неделя...

* * *

А ведь тут даже и не представить, с каким тяжелым сердцем возвращался Виктор Лягин в Москву, какие «казни египетские» он себя прочил, каких «выволочек» и на каком уровне он ожидал.

(Был, впрочем, один момент, который несколько успокаивал: Лягину разрешили взять с собой приобретенный им в США за собственные средства легковой автомобиль «Buick». Хотя, как знать, может, его бы арестовали, а машину забрали бы, как говорится, «в казну». Подобные мысли тогда явно крутились в его голове, скребли его грешную душу.)

Однако всё вскоре произошедшее никак не соответствовало его предположениям: по возращении в Центр Лягин был назначен начальником отделения научно-технической разведки, в то время организационно вошедшего в состав 5-го Англо-Американского отдела, который работал по Великобритании, США, Канаде и, заодно, по странам Южной Америки.

Не удивительно, что это подразделение вошло в состав 5-го отдела – ведь в других отделах, таких, как, к примеру, Балканский (Болгария, Румыния, Югославия, Греция) или Средневосточный (Турция, Иран и арабские страны, Афганистан и Индия) специалистам по научно-технической разведке делать было бы абсолютно нечего.

Так как «над Лягиным» никаких начальников по этой линии не было, то многие его называли и даже считали заместителем начальника внешней разведки – тогда она уже именовалась 1-м управлением НКГБ СССР – по НТР. Реально говоря, именно так оно и было.

Недаром же мы утверждали, что отрицательная характеристика, подписанная П.П.Пастельняком, не соответствовала истине! Такого ценного работника, как Лягин, терять было нельзя – и особенно хорошо понимал это сам начальник 1-го управления старший майор госбезопасности[35] Павел Михайлович Фитин, верный и надежный друг Виктора Александровича.

Но тут мог сыграть свою роль и другой момент – хотя это, опять-таки, не официальные данные, а исключительно наши предположения и догадки. (Мы же тоже кое-что понимаем...)

Хорошо известно, и мы об этом уже написали, что нарком иностранных дел Вячеслав Михайлович Молотов очень не любил Наркомат внутренних дел, как таковой, а в особенности – его руководителя Лаврентия Павловича Берию, являвшегося его соперником по степени близости к вождю. Нелюбовь Вячеслава Михайловича впоследствии перешла и на Наркомат госбезопасности, отпочковавшийся от НКВД в феврале 1941 года, куда перешли небезразличные, скажем так, наркому иностранных дел структуры. Ведь Молотов считал и не раз говорил Сталину, что разведка, как самостоятельная структура, вообще не нужна – мол, с ее функциями вполне и даже гораздо более квалифицированно и успешно, нежели разведчики, справляются опытные «чистые» дипломаты.

Ну а если враждовали руководители, то, традиционно, и отношения между двумя структурами – особенно в верхних эшелонах – были достаточно напряженными. Это люди, работавшие «в поле», «за бугром», не имели времени на дурацкие «разборки» – они добросовестно трудились бок о бок, помогая друг другу при любой возможности, вне зависимости от своей ведомственной принадлежности, зато в высоких чиновничьих кабинетах отношения были совсем иные. Так что если в Центр действительно пришло сообщение о том, что Лягин, мягко говоря, имел «неформальные отношения» с женой высокопоставленного дипломата, то явно, что эта новость кое-какими начальниками была воспринята с восторженными добавлениями: «как мы их!» и «молодец, парень!» В общем, «Завидовать надо!» – полное моральное удовлетворение! Конечно, дальше некоторых кабинетов в доме на Лубянке эта информация не шла, но все-таки было приятно...

Вот так, очевидно, и получилось, что серьезный дисциплинарный проступок (моральных оценок в данном случае мы давать не вправе) был поставлен разведчику в плюс. Но кто бы тогда знал, что в ближайшее время Виктору опять придется пускать в ход свои «мужские чары» – но это уже будет в оперативных целях, во благо порученному ему делу?

Да и вообще, в то время еще никто ничего по-настоящему не знал. А ведь гроза должна была разразиться буквально с часу на час. Еще «30 апреля 1941 г. на секретном совещании в штабе ОКВ[36] Гитлер установил окончательную дату начала операции «Барбаросса» – 22 июня 1941 г. Все присутствующие на совещании военачальники не сомневались в ее успешном завершении».

Сообщение об этом совещании пришло в Центр с большим опозданием:

«16 июня 1941 года из нашей берлинской резидентуры пришло срочное сообщение о том, что Гитлер принял окончательное решение напасть на СССР 22 июня 1941 года. Эти данные тотчас были доложены в соответствующие инстанции», – вспоминал тогдашний начальник разведки Павел Фитин...

Более подробно о судьбе Героя Советского Союза Виктора Александровича Лягина (1908–1943) можно прочитать в книге Александра Бондаренко Виктор Лягин. Подвиг разведчика. М., Молодая гвардия, 2017.

[35] Специальное звание, соответствовавшее генерал-майору.

[36] Верховное командование вооруженных сил Германии.

АЛЕКСЕЙ БОТЯН

ГЛАВЫ ИЗ НОВОЙ КНИГИ*

ВСЕ НАЧИНАЛОСЬ С ИЛЖИ

Как мы сказали, на войне планы порой меняются мгновенно. Вот и отряду Алексея Ботяна, который должен был скрытно и без потерь выдвинуться в район Кракова, пришлось задержаться в пути и даже «засветиться», участвуя в боевых действиях. Произошло это в старинном городке Илжа, который, несмотря на свои невеликие размеры, получил городской статус еще в середине XIII века. Во время войны он входил в Радомское воеводство, а сейчас это одноименный повят (нечто типа нашего района) Мазовецкого воеводства, крупнейшего в Польше.

Тогдашнее Радомское воеводство по ряду причин сравнивали с Брянской областью, легендарным лесным партизанским краем. Ну а в партизанских лесах, как нам известно, кого только не водилось! Вот и здесь были отряды Армии Крайовой, подчинявшиеся Лондонскому эмигрантскому правительству; отряды Армии Людовой, созданной подпольной варшавской Крайовой Радой Народовой; были так называемые «Батальоны хлопские», что значит «крестьянские», то есть вооруженные формирования Польского крестьянского движения, одни из них потом вошли в состав Армии Людовой, а другие явно тяготели к Армии Крайовой; были также отряды, почти полностью состоявшие из бывших советских военнопленных... И это, разумеется, далеко не все, потому как с советской земли на территорию соседней Польши приходили не только оперативные группы НКГБ, но и разного рода лжепартизанские формирования, спасающиеся от победоносной Красной армии.

Прямо-таки не лес, а коммунальная квартира! Точнее, дачный поселок, где вроде бы все заняты своими делами, никто на тебя не смотрит, ты никого не видишь, а всем все про всех известно. В общем, по такому лесу незамеченным не пройти.

Вот и командир одного из партизанских отрядов Армии Людовой поручик Артур Вислич, планировавший провести в городе Илже, как он потом объяснил Алексею, «военную операцию», выяснил, что где-то в лесу находится отряд советских партизан, вооруженный автоматическим оружием... А отряд, пусть и небольшой, это не иголка в стоге сена. При желании и наличии определенных условий разыскать всегда можно.

Так что Ботян совсем не удивился, когда поручик Вислич вышел с ним на связь.

«Этот командир обратился ко мне с просьбой оказать помощь в налете на Илжу, чтобы освободить подпольщиков, сидевших в тамошней тюрьме, – так рассказывал нам Алексей Николаевич. – Что тут делать? Нам нужно было идти к Кракову, разведку производить, маршрут для нашего соединения прокладывать, при этом себя не показывать, но как тут не поможешь? Нельзя было не помочь! Тут тебе и тактика, и политика. Иначе скажут: мол, пришли советские партизаны и отказываются помогать своим братьям по оружию. Посоветовались мы у себя в отряде и решили – поможем! Конечно, для начала провели разведку, определили все наши маршруты; выяснили, что ближайший большой немецкий гарнизон расположен километрах в пятнадцати от города. В самой Илже немцев оказалось не так уж

Алексей Николаевич Ботян.

много, зато была местная польская полиция, служившая оккупантам верой и правдой... Днем 14 мая мы скрытно подошли к городу, под вечер обрезали провода телефонной связи, изолировав таким образом полицаев, а с наступлением ночи вошли в Илжу. Условленным местом встречи с польскими партизанами был школьный двор. Поляки показали нам немецкую казарму, определенный для нас объект. Говорю своим ребятам, которые с ручными пулеметами были: «Вставайте по углам. По команде дайте пару очередей по окнам! Станут выбегать – бейте!» Ну, наши и шарахнули, да так, что перепуганные немцы вообще не высунулись – заперли мы их в казарме своим пулеметным огнем. Ну а пока мы блокировали казарму, польские партизаны освободили из тюрьмы своих товарищей, разгромили почту и банк, как следует опустошили немецкие склады, забрав оттуда оружие и боеприпасы. Город на целую ночь оказался

* А.Бондаренко Алексей Ботян. М., Молодая гвардия, 2020 г.

в руках партизан, так что мы там даже позавтракать успели. Потом мы пришли в немецкую аптеку, забрали у них медикаменты, бинты и всё такое прочее, после чего и покинули Илжу. Путь наш лежал на юг, в сторону Кракова...»

Этот бой за город Илжу оказался первым совместным боем и первой, как считают историки, общей победой советских и польских партизан. Поэтому где-то в 1960-е годы, если не раньше, в Илже, во дворе той самой местной школы, был установлен обелиск. На бронзовой его табличке начертано: «Отсюда в ночь с 14 на 15 мая 1944 года вышли в бой с немецко-фашистскими оккупантами отряды Армии Людовой и разведывательно-диверсионная группа "лейтенанта Алеши"».

Как видим – и это отлито в бронзе! – «Алексейка-колеяж» превратился в «лейтенанта Алешу».

Несколько позже, в 1970-е годы, Алексею Николаевичу Ботяну было присвоено звание почетного гражданина города Илжи...

По пути, в 20-х числах мая, группа Ботяна должна была переправляться через Вислу – в этом им помогли партизаны Армии Людовой.

Потом еще пришлось преодолевать крупную железнодорожную магистраль, связывавшую Краков и Львов. Кто-кто, а уж ребята из группы знали, как тщательно охраняют гитлеровцы свои стальные пути. Поэтому выбрали самое неожиданное для противника место, вблизи какой-то станции, куда обычные партизаны соваться не рискуют, и перебегали рельсы буквально перед носом у подходящего паровоза, то есть в тот момент, когда охрана смотрит уже не на пути, а на вагоны. Замысел удался – прошли незамеченными.

Нужно сказать, что на польской территории Ботян без труда «превратился» в поляка – так было гораздо легче общаться с жителями «коренной национальности». При этом, кроме исключительных случаев, он представлялся советским партизаном.

Георгий Захарович Санников объясняет: «Ботян был своим среди поляков, и это один из элементов его выживания, его спасения, его успеха. Он прекрасно мимикрировал – ведь он был актер, он был великолепнейший актер! Поверьте, если быть нелегалом – шпионом, разведчиком – как хотите! – и не быть актером, то из этого ничего не получится. Не важно, какое амплуа ты будешь представлять, трагическое, комедийное или еще какое, но ты актер, иначе невозможно! Он очень удачно это делал, спокойно, быстро и легко переходя с языка на язык. Это было его спасение...»

«Поляк?» – спрашивали его по-польски. «Поляк!» – уверенно отвечал он на знакомом с малолетства языке. «А почему ты в советской разведке служишь?» – «Потому, что не было наших, – уверенно говорил он. – Мы воюем против общего врага. Я все равно патриот польский!»

Ему верили. Впрочем, он ведь никого и не обманывал: Алексей действительно любил Польшу, ту страну, где он вырос, за которую сражался в далеком уже 1939-м, на чьей земле был готов погибнуть сейчас. И какая разница, «поляк» он теперь, белорус или русский? Когда в твой дом врываются бандиты, кто будет выяснять у соседей, плечом к плечу вставших на пути пришлой сволочи, какой они национальности? А Польша все-таки была его домом...

Немецкие же бандиты очень старались напомнить своим жертвам об их национальной принадлежности – да еще так, чтобы эти жертвы вспоминали взаимные претензии и обиды. Они же хитрые, они же ушлые, да и гораздо умнее националистически настроенных... какое бы тут слово помягче подобрать? Хотя тут и любое «немягкое» слово уместно, если только себе представить, как потешаются ворвавшиеся в дом бандиты, глядя на то, как хозяева-соседи валтузят друг друга, припоминая старые обиды! А ведь именно так всё и получалось – и вот тому подтверждения:

«Руководитель оперативной группы, действующей на территории Генерал-Губернаторства, майор госбезопасности Карасев сообщает, что в Львовской и Люблинской областях немцы проводят карательные экспедиции против поляков, используя для этой цели украинскую полицию. В последнее время ряд сел Грубешувского, Билгорайского, Холмского, Томашувского и Раворусского районов сожжен карателями.

В свою очередь польские вооруженные отряды производят нападения на украинское население. В последних числах апреля с.г. командир полка «Армии Крайовой» майор «Адам» с отрядом, насчитывающим 1500 человек, произвел нападение на село Лашув, в 32 километрах юго-западнее Грубешува, где проживают украинцы.

Украинские организации, особенно в пограничных селах Галиции, вооружаются немцами...»

«Руководитель нашей оперативной группы, действующей на территории генерал-губернаторства (майор госбезопасности Карасев), сообщает, что в последнее время немцы заигрывают с польскими националистами, стремятся привлечь их на свою сторону и направить против польских патриотических организаций и советских партизан.

Имеются сведения, что немцы ведут переговоры с командованием польских отрядов и якобы уже добились некоторых результатов. Так, например, командир польского отряда, действующего в районе города Островец, по фамилии Шанец, после переговоров с немцами получил от них автоматическое оружие, боеприпасы, а также наградные знаки с изображением польского герба – белого орла с надписью на польском и немецком языках».

Вот так! Даже польского орла фрицы вспомнили! И наградные знаки двуязычные сделали. Пожалуй, при таком отношении «хозяев» и поляки, и украинцы могли даже почувствовать себя людьми...

Ладно, пусть чувствуют себя кем угодно, всё равно основную тяжесть борьбы несла на своих плечах доблестная немецкая армия – именно так считали «хозяева», да так оно на самом деле и

было. С точки зрения гитлеровского командования, оуновцы, аковцы и прочая шваль были хороши в роли «пушечного мяса», как помощники солдатам высшей расы (вспомните, как конные эсэсовцы весело гнали в атаку доблестных галичан!). А помощь была нужна – уж очень «достали» немцев советские оперативные группы и многочисленные партизанские отряды разной ориентации, действовавшие на польской территории. «Достали» настолько, что для организации борьбы с ними из Берлина в Краков прикатило высшее эсэсовское руководство.

«По полученным данным от руководителя ПЗП[1] Краковского дистрикта, округа № 2 (округ № 2 включает в себя районы Ланцугский, Жешовский, Тарновский, Нисский, Тарнобрудский), по кличке «Орач», прибывшего из Кракова 23 мая, нам стало известно о посещении г. Кракова Гиммлером[2]. На Краковском вокзале его встретил генерал-губернатор Франк и руководители центрального аппарата Генерал-Губернаторства. В сопровождении всей свиты Гиммлер направился в краковский замок – резиденцию Франка.

Эти данные проверены через нашего агента-маршрутника XXXXXXX Яна[3], жителя Вольки Таневской около Ниско.

В краковском замке Гиммлер собрал совещание руководителей центрального аппарата, гестапо, жандармерии и полиции генерал-губернаторства.

Руководители польских партий[4] и наша агентура, посетившая Краков, высказывали мнение о том, что после посещения Гиммлером Кракова должна начаться крупная карательная экспедиция на всей территории Г. Г.[5] и в особенности в Яновском и Белгорайском лесных массивах, которые к этому времени представляли место базирования крупных диверсионных отрядов и специальных групп».

[1] ПЗП – «Польски Звензек Повстанчи» – подпольная организация.
[2] Генрих Гиммлер – рейхсфюрер СС.
[3] Фамилия агента из текста удалена.
[4] Подпольных отрядов.
[5] Генерал-Губернаторства – немецкое название оккупированной Польши.

Ну, пока гитлеровцы к этой операции готовились, опергруппа Ботяна преподнесла им весьма неприятный сюрприз.

«Разведчики «Олимпа» активно занимались получением информации военного характера в интересах командования Красной армии... 30 мая они добыли данные о наличии трех действующих и одного строящегося военных аэродромов в районе Кракова, также было установлено количество и типы самолетов. Через два дня советские бомбардировщики нанесли удар по этим аэродромам».

Как раз в районе того самого Кракова, близ резиденции наместника! Как это мило, какое внимание к господину генерал-губернатору! Нет сомнения, что гитлеровцы были в бешенстве.

Однако вскоре развернулись достаточно серьезные события, непосредственно отразившиеся на судьбе Алексея Ботяна и его оперативной группы. Историк пишет: «Наиболее крупные и тяжелые бои на территории Польши начались после посещения 23 мая 1944 г. Г.Гиммлером Кракова. В Краковском замке на совещании руководителей центрального аппарата гестапо, жандармерии, полиции и генерал-губернаторства была поставлена задача уничтожения партизанских соединений в Яновских лесах путем крупной карательной экспедиции. Начавшаяся экспедиция затянулась почти до конца июня 1944 г. Для уничтожения партизан противник подтянул значительные силы. Здесь были не только многочисленные национальные формирования, но и немецкие армейские части и дивизия СС «Викинг»[6]. Когда кольцо противника стремительно сжималось, партизаны совершили прорыв, из окружения было выведено 11 партизанских отрядов, 2 оперативные группы и другие отряды».

Это была одна из самых крупных карательных акций за всю Великую Отечественную войну.

Вот что докладывал майор Карасев генерал-лейтенанту Судоплатову: «С 6 июня на дальних подступах к Яновским лесам были сосредоточены крупные войсковые единицы для начала карательной экспедиции.

[6] 5-я танковая дивизия СС «Викинг».

С запада и северо-запада действовала полнокровная немецкая эрзац-дивизия[7]. С юга прикрывал и держал оборону калмыцкий кавалерийский корпус и приданные ему для усиления два батальона «фолькс-дейтшей», сформированных и обученных в Краковском дистрикте в г. Дембе. С востока стояла пехотная дивизия[8], прикрывающая шоссейную дорогу Билгорай – Фрамполь – Янов и большак Билгорай – Янов. В Билгорае и Янове сосредотачивались сильные ударные единицы для полного уничтожения партизанских отрядов.

По плану противника, окончательное уничтожение отрядов и групп, дислоцирующихся в Яновских лесах, должно было произойти в треугольнике Билгорай – Фрамполь – Янов.

С 9 июня противник активизировал свои действия. Наша разведгруппа под командованием Вронского Станислава Матвеевича, действующая 9 июня в районе Кшешув, Улянув, провела разведку боем в селе Вымыслув Зволяки близ Улянува. В результате 30-минутного боя разведкомпания[9] калмыцкого кавалерийского корпуса была рассеяна и обращена в бегство, оставив на поле боя 11 убитых и до 20 раненых. С нашей стороны один раненый.

В этих действиях особо отличились командир группы Вронский Станислав Матвеевич, Козак Василий Захарович, Цехан Алексей Иванович, Ступка Евгений Иванович.

11 июня наша застава в населенном пункте Шведы (что 18 км ю-з. Янова) под командованием гвардии ефрейтора Червякова Дмитрия Ивановича, обнаружив движущуюся колонну немцев в направлении заставы, подпустила немцев на 50 метров и в упор расстреляла из пулеметов и автоматов до 40 немецких солдат и офицеров.

В этом бою отличились Червяков Дмитрий Иванович, отлич-

[7] То есть запасная дивизия.
[8] Отметка на полях «213-я».
[9] Разведрота.

ный пулеметчик гвардии рядовой Ступка Евгений Иванович и гвардии ефрейтор Суханов Прокопий Егорович.

Ввиду сильной концентрации противника вокруг нашей базы и баз остальных партизанских отрядов и угрозы полного окружения, мы были вынуждены сменить место дислокации, отойдя на восток в район населенных пунктов Флиссы, Мамоты Гурне, Шевцы, что близ Янова...»

И вот так день за днем, до 15 июня. Атаки, прорывы, подбитая и захваченная техника, уничтоженные гитлеровцы... Чтобы излишне не утомлять читателя, мы прерываем этот отчет и сообщаем только о результатах беспримерных боевых действий:

«За весь период в открытых боях противник понес <потери> только убитыми и пленными более 500 человек, не считая раненых.

Отряд имеет потери героически погибшими 17 человек, тяжело и легко раненными 25 человек.

Противник потерял на поле боя тяжелую технику, большое количество боеприпасов и военного имущества».

Завершается этот текст на высокой патриотической ноте: «Героические действия партизан в Яновском и Билгорайском лесных массивах стали известны всему польскому народу, о них говорит Варшава и ставка Гитлера. Пленные показывают, что немецкие офицеры и солдаты, идя на партизан, напиваются пьяными, боясь встретиться в трезвом виде лицом к лицу с партизанами. Сами немцы говорят, что на одного партизана нужно 10–15 немецких солдат».

А хорошо звучит, позитивно так, ничего не скажешь!

«Сложившаяся... тяжелая обстановка заставила обороняющихся принять единый план обороны, по которому, с согласия командиров партизанских отрядов, руководство боем возглавили руководители оперативных групп НКГБ СССР тт. Прокопюк и Карасев.

14 июня в 9 ч. 30 мин. немцы повели стремительное наступление на всех участках круговой обороны. Бой с противником длился без перерыва в течение 14 часов. Наиболее упорным наступление немцев было на участке обороны, занимаемом опергруппами тт. Прокопюка и Карасева, куда противник бросил более двух полков, поддержанных легкими танками, бронемашинами, артиллерией и тяжелыми минометами. Бойцы и командиры оперативных групп НКВД СССР отбили 32 атаки немцев, 10 раз сами переходили в контратаки, уничтожив до 800 немецких солдат и офицеров, полностью разгромив штаб батальона, две автомашины, обоз с боеприпасами, захватив шесть 75 мм орудий, один полковой и два батальонных миномета.

Всеми остальными отрядами было отбито 29 атак противника, и 3 раза отряды сами переходили в контратаки. В течение боя немцы три раза вызывали свою авиацию.

За время боя противник потерял только убитыми до 1500 солдат и офицеров. Потери опергрупп и партизанских отрядов составляют 95 убитыми и 71 человек ранеными. В оперативной группе тов. Прокопюка убито 41 и ранено 23 человека, в оперативной группе тов. Карасева убито 7 и ранено 11 человек...

Прорвав оборону противника на основном участке наступления карателей, оперативные группы тт. Прокопюка и Карасева проложили путь к выходу, и в ночь на 15 июня из вражеского кольца вышли все партизанские отряды, за исключением Галицкого и Чапыги, решивших самостоятельно выходить из окружения, так как они не имели возможности выйти со всеми отрядами одновременно...».

«Карасев – замечательный парень, смелый, в военном отношении грамотный, – так оценивал Ботян своего командира. – Бывали такие случаи, что немцы окружали нас, блокада была, но благодаря Карасеву мы выходили из такого положения, когда, казалось, выхода не было! Особенно в Польше. Там были не только наши партизаны, но и польские. Немцы собрали 30 тысяч, чтобы окружить нас и уничтожить. Но мы вышли!»

Даже спустя многие десятилетия, Алексей Николаевич не отделял себя от других бойцов «Олимпа» – «мы», «нас»... Недаром же про него говорят: «человек команды»! Хотя тогда уже, во время тех самых боев в окружении, его, как мы знаем, в отряде не было. А всё равно: «мы», «нас», словно бы и он вместе со всеми пробивался из окружения, делил с товарищами и труды, и опасности... Однако всё то происходило уже без него.

«В ночь на 15 июня в результате удачного маневра основной массе партизан удалось вырваться из окружения и сосредоточиться в Билгорайских лесах, сохранив всю боевую технику. Советские самолеты сбросили им оружие и боеприпасы.

Новая попытка гитлеровцев окружить партизан была полностью сорвана минутным партизанским штурмом. Вражеские цепи были прорваны на двухкилометровом фронте. Все отряды партизан ушли в Немировские леса. Гитлеровцы были вынуждены снять блокаду лесов и ограничиться операциями отдельных крупных карательных отрядов...»

После всех этих боев и маневрирования по тылам противника, продолжавшегося где-то до начала июля, в планы действий оперативной группы «Олимп» были внесены существенные изменения.

«В начале августа 1944 года советское партизанское соединение имени Александра Невского, действуя в тылу противника на коммуникациях немецко-фашистских войск, совершило глубокий рейд в полосу Карпат по южной польской границе и в районе населенного пункта Вишня-Комарник вышло на территорию Чехословакии», – говорится в справке о действиях отряда «в тылу противника на территории Чехословакии в 1944–1945 годах».

«Прощаясь» с героическим партизанским соединением, считаем нелишним сказать несколько слов об итогах его боевой деятельности: «Отрядом А.Невского проведено 130 боевых операций в Белоруссии и на Украине, в Польше, Чехословакии и Венгрии.

Отряд «Олимп» действовал в тылу противника с 10 февраля

1943 г. по 15 февраля 1945 г., совершая глубокие рейды на территории Белоруссии, Украины, Польши, Чехословакии и Венгрии, прошел путь протяженностью более 11 тыс. 500 км, провел в сложных условиях более 130 крупных боев и столкновений с немецко-фашистскими войсками и различными формированиями: РОА, восточными легионами, калмыцким кавалерийским корпусом и бандами украинских националистов. На своем пути бойцы отряда разрушали коммуникации противника, уничтожали живую силу и технику, делали всё, чтобы жизнь оккупантов стала невыносимой».

Стоит также уточнить для любознательного читателя, что напрямую расстояние между Москвой и Владивостоком составляет 9057 километров, а расстояние между Москвой и Петропавловском-Камчатским – 9992 километра. Отряд прошел несколько больше, да еще и с боями...

* * *

Соединение под командованием Карасева перешло на территорию Чехословакии, и таким образом оставшаяся в Польше разведгруппа Ботяна по сути превратилась в самостоятельный отряд.

«В апреле 1944 г. тов<арищем> Ботян<ом> с группой в 35 чел. был создан на территории Польши по существу первый советский партизанский отряд, выросший до 170 человек...» – говорится в архивном деле «Курган».

В данной информации – еще одно подтверждение того, что задача по ликвидации генерал-губернатора Франка перед группой Ботяна тогда еще поставлена не была. Группы, имеющие такие задания, не растут как на дрожжах. Они остаются в своем прежнем составе.

Но это – одна из тех легенд, которых о пребывании Алексея Николаевича на родной для него польской земле сложилось множество. Пожалуй, и сам Ботян вряд ли мог бы «отделить зерна от плевел», потому как незначительные, казалось бы, эпизоды, на которые тогда особенного внимания не обращалось – мол, сделали и забыли, теперь, после последующего изучения и осмысления, получают совершенно новое звучание.

Вот, например, рассказывают, что однажды днем, когда группа отдыхала на каком-то пустующем хуторе, над ними проревел огромный снаряд, оставлявший за собой огненный хвост. По траектории полета разведчики поняли, что место, откуда он был пущен, находится не так уж и далеко. Пошли посмотреть, остановились у рядов колючей проволоки. Рисковать, пробираться на тщательно охраняемую территорию объекта не стали, так как выполняли другую задачу... Координаты по рации передали в Центр, и вскоре по объекту был нанесен бомбовый удар нашей авиацией. В это время оперативная группа уже находилась далеко отсюда.

Теперь известно, что это был испытательный полигон ракет «ФАУ-2», знаменитого, хотя и не слишком эффективного гитлеровского «оружия возмездия».

Вот только кто точно скажет, какая именно разведгруппа обнаружила этот полигон? Если одни авторы приписывают эту удачу группе Ботяна, то в ряде источников говорится, что группа Ивана Таранченко, несколько позже также вышедшая из соединения имени Александра Невского, обнаружила в районе реки Сан подземный завод, изготовлявший ракеты «ФАУ-2», и полигон для испытания «оружия возмездия».

Главное, что это было. Один подвиг, или просто один боевой эпизод из такого громадного общего числа, что и не запомнишь – было, не было?..

* * *

14 июня 1944 года оперативная группа Ботяна прибыла к месту назначения и расположилась лагерем у хутора Невцова, в трех километрах восточнее горы Радзиевой.

Ее появление на территории Краковского воеводства стало значимым событием, вызвавшим очень противоречивые оценки с разных сторон. Известно ведь, что оперативная обстановка на оккупированных гитлеровцами землях Польши была, мягко говоря, весьма сложной. Недаром же начальник штаба 1-го Белорусского фронта генерал-полковник Малинин (войсками фронта командовал тогда маршал Рокоссовский) 16 июля 1944 года подписал такое распоряжение:

«Наши войска, действующие на территории западных областей Белоруссии и Украины, вошли в соприкосновение с польскими вооруженными отрядами, которыми руководит польское эмигрантское правительство.

Эти отряды ведут себя подозрительно и действуют сплошь и рядом против интересов Красной Армии.

Учитывая эти обстоятельства, командующий войсками фронта приказал:

1. Ни в какие сношения и соглашения с этими польскими отрядами не вступать. По обнаружении таких отрядов немедленно личный состав их разоружать и направлять на армейские пункты сбора для проверки.

2. В случае сопротивления со стороны польских отрядов применять в отношении их вооруженную силу.

3. О ходе разоружения польских отрядов и о количестве собранных на сборных пунктах солдат и офицеров доносить в штаб фронта».

Такие вот «пролетарский интернационализм» и «славянское братство»!

Понятно, что в «коммунальном», как мы его назвали, партизанском лесу никакому отряду невозможно было оставаться совершенно незамеченным. Вот и подразделение Ботяна однажды натолкнулось на отряд аковцев. Но если в директивах действующим войскам можно давать указания «немедленно разоружать» такие отряды и «применять вооруженную силу», то в лесу необходима «толерантность». Там, знаете ли, нужно было либо сразу открывать огонь, либо вести переговоры. На этот раз всё обошлось переговорами.

Поляки встретили советских разведчиков очень недружелюбно.

– Зачем пришли? – жестко спросил их командир. – Без вас обойдемся!

– Что ж вы до сих пор не обошлись? – скептически усмехнулся в ответ Алексей. Услышав его речь, польский поручик Барабаш, он же – Мариан Солтысяк, никак не мог поверить, что Ботян не поляк, а белорус, и всё допытывался, за сколько злотых тот продался Советам.

Всё же как-то удалось с ним договориться, и смягчившиеся аковцы даже поделились с советскими партизанами – никто же не стал уточнять, что это оперативная группа особого назначения НКГБ – хлебом и сигаретами. Но порекомендовали побыстрее покинуть их края. На том и разошлись...

«Когда я появился там, в Краковском воеводстве, то вскоре узнал, что поляки очень встревожены, – рассказывал Алексей Николаевич. – Имеются в виду Армия Крайова, Лондонское правительство. Мол, советские партизаны здесь появились – что с ними делать? Представители и руководители всех этих эмигрантских сил, что тут были, собрались в Кракове на свое подпольное совещание. И там после долгих обсуждений было решено: уничтожить советскую группу. В том числе, разумеется, и меня. Но уничтожить как? Самим это делать было достаточно чревато неприятностями: тут находилось немало просоветских отрядов и наши бывшие военнопленные – как бы они к этому отнеслись? Да и Красная армия наступала неудержимо, а значит, потом перед ней пришлось бы ответ держать... Вот они тогда и решили подставить нас немцам. Немцы бы окружили и уничтожили нашу группу, а поляки потом выражали бы искреннее сочувствие».

Насчет этого предательства аковцев также существует немало легенд – или вариантов. Например, что Ботяна якобы заманивали в какой-то сарай, который потом успешно взорвали, но только без него... Сам же Алексей Николаевич рассказывал о происшествии так: «Нашли они одного командира группы – фамилию его я забыл, хотя потом с ним встречался – и предложили мне сделать совместную операцию против немцев. Но они, по-моему, об этом немцев уведомили. То есть они хотели, чтобы мы пошли вместе, а они оттуда потом незаметно смоются. Но я об этом узнал, меня предупредили... Я им сказал: что же вы, сволочи, делаете? Всё получилось так, что мы туда не пришли – я подставил немцам поляков, а сам со своими ребятами ушел... Вот такое было отношение у аковцев!»

В общем, как можно понять, польские «товарищи» вознамеривались повторить подвиг Ивана Сусанина. Вернее, в конце концов, взять за него реванш и завести русских партизан если не в непроходимые лесные чащобы, то хотя бы навести их на гитлеровскую засаду. Однако реванш не удался, потому что на полпути к месту засады опергруппа аккуратнейшим образом исчезла... Что после этого делали аковцы – большой вопрос. Хотя если Ботян командира этой группы впоследствии встречал, то, значит, наверное, и поляки уцелели, – впрочем, может, и не все...

Есть, кстати, и такая версия событий, описанная Иваном Золотарем в его документальной книге: «Утром, как только рассвело, предатель Хованец и его непосредственный руководитель агент гестапо фольксдойч Ричард Лонгин – довоенный подофицер польской пограничной службы, а с приходом немцев военнослужащий немецкой железнодорожной охраны, – привели по еле заметным следам, проложенным советскими партизанами, крупный отряд гитлеровских карателей. Однако вместо того, чтобы накрыть советских партизан, они привели карателей, миновав посты, прямо в расположение отряда Завиши.

Застигнутые врасплох аковцы еле спаслись, оставив на месте схватки двоих убитых и всё свое продовольствие, так трудно доставшееся в горных условиях».

Может, именно так всё и было, а может, и нет. Хотя Иван Федорович писал о произошедшем почти что «по горячим следам», но тот период он знал еще по чужим рассказам. И так как это не оперативный отчет, а художественное произведение, то что-то возможно было опустить, а что-то пересказать иначе...

«Народное настроение тогда было таково, что врагами всё еще считали не так русских, как большевиков, – вспоминал Алексей Николаевич. – Вот, ко мне в отряд поляки попали, молодые ребята, очень хорошие – один, хороший парень, Пушник по фамилии, в дальнейшем он погиб... Он говорил: "Я вас, русских, очень уважаю и люблю! Но ты, курвин сын, большевик!"».

Удивляться не приходится: большевики были той «страшилкой», которую власть активно предлагала населению. Мол, вам при нашем правлении плохо – так ничего, придут большевики, всех вас в колхоз загонят, всё имущество отнимут, даже жен «обобществят», костелы позакрывают, ксендзов поголовно отправят в Сибирь... В ту пору любой буржуазный режим очень боялся большевиков, которые предлагали трудящимся альтернативу иной жизни. Жаль только, что сами большевистские лидеры далеко не всегда следовали тем принципам, которые декларировали, которые привлекали трудящихся – отчего, в конце концов, наше государство и рухнуло. Однако не о том сейчас речь...

К счастью, тогдашнее советское руководство было гораздо умнее своих последующих преемников и отнюдь не желало «ломать через колено» население оккупированных территорий. Напротив, и в Польше, и в других освобожденных странах, а позже и в самой Германии, делалось всё возможное для того, чтобы привлечь народ на сторону освободителей.

Вот что говорилось в постановлении ГКО о задачах советских войск, вступавших на территорию Польши – это постановление было подписано 31 июля 1944 года:

«...3. Имея в виду, что вступление советских войск в Польшу диктуется исключительно военной необходимостью и не преследует иных целей, как сломить и

ликвидировать продолжающееся сопротивление войск противника и помочь польскому народу в деле освобождения его родины от ига немецко-фашистских оккупантов, в районах, занятых Красной Армией, советов и иных органов советской власти не создавать и советских порядков не вводить. Исполнению религиозных обрядов не препятствовать, костелов, церквей и молитвенных домов не трогать».

Следующий пункт был несколько жестче – но куда было деваться? Да и интересы «широких масс населения» он не затрагивал:

«…4. Установить дружественные отношения с органами власти, которые будут созданы на освобожденной территории Польским Комитетом Национального Освобождения… Никаких других органов власти и в том числе органов польского эмигрантского «правительства» в Лондоне, кроме органов Польского Комитета Национального Освобождения, не признавать. Иметь в виду, что лица, выдающие себя за представителей польского эмигрантского «правительства» в Лондоне, должны рассматриваться как самозванцы и с ними следует поступать как с авантюристами…»

Вот и Ботян по мере возможности избегал контактов с аковцами. Зато русские чекисты-большевики успешно воевали вместе против гитлеровских захватчиков совместно с поляками из Армии Людовой и крестьянских «Батальонов хлопских». Взаимопонимание было налажено в предельно короткие сроки.

Был установлен контакт и с краковскими подпольщиками. Они, в частности, передали Ботяну информацию о расположенных в городе немецких военных объектах. Есть легенда (скорее всего, это именно легенда), что полученную информацию радисты оперативной группы передавали в Москву в течение двух суток.

Когда же вскоре в отряде «лейтенанта Алеши» вышла из строя переносная армейская радиостанция – полетели зубья на шестеренке генератора, то ее, проявив «пролетарскую солидарность», отремонтировали рабочие вагоноремонтных мастерских города Новый Сонч. Как известно, новую шестеренку отливал рабочий – немец по национальности. Оно неудивительно: гитлеровская диктатура и в Германии очень многим не нравилась, а что говорить про «фольксдойче», зарубежных немцев «второго сорта»?

Конечно, для одних было смертельно опасно отдавать радиостанцию, для других – брать ее и ремонтировать. Если бы немцы или полиция узнали про такой «левый заказ», то тут уж не помогли бы никакие отговорки. Кто поверил бы, что рацию «случайно нашли» и решили, что она «в хозяйстве пригодится»? Оккупационные власти давно уже отобрали у населения радиоприемники – чего тут о передатчике говорить? Обнаружение такового обеспечивало «ремонтникам» верную смерть после мучительных пыток и почти наверняка грозило «расшифровкой» отряда…

Поломка радиостанции на некоторое время оставила оперативную группу без связи. Пока радисты сами пытались ее починить, пока выходили на рабочих из мастерских, передавали им рацию, пока те подпольным образом осуществляли ремонт – в общем, получилось так, что командование «Олимпа» потеряло свою разведку. Карасев принял решение направить на поиск Ботяна группу под командованием старшего лейтенанта Ивана Таранченко. Хотя вполне возможно, что в документах несколько смягчили ситуацию: судя по численности группы, это вполне мог быть «первый эшелон» собиравшегося переходить в Краковское воеводство соединения имени Александра Невского.

Сейчас трудно сказать, почему группа Таранченко оказалась в треугольнике между рекой Сан и очень сильно охраняемыми шоссейной и железной дорогами. К тому же в этих местах было очень много немецких войск. Группа была обнаружена и, стремясь вырваться из «треугольника», трое суток маневрировала, ведя непрерывные бои с многократно превосходящими силами гитлеровцев…

О произошедшем говорится в письме командования соединения имени Александра Невского в адрес руководителей КГБ СССР:

«В июле – начале августа 1944 г. на базу отряда А.Ботяна прибыла вторая группа соединения под командованием И.М.Таранченко. Группа в пути следования понесла большие потери (из 110 чел. на базу прибыло только 12).

Отличительной чертой характера А.Ботяна является скромность. Обе группы (отряды) были объединены. Ботян, отдавая дань старшему по званию, много перенесшему при переходе И.М.Таранченко, предлагает ему принять командование. Фактически всем руководит Ботян.

Так продолжалось до сентября 1944 г., до момента выброски к ним на базу майора Золотаря И.Ф. и подполковника Перминова П.Р.

В свете новых задач, при новом командовании сводными отрядами (вскоре переросшими в соединение), роль А.Ботяна была по-прежнему ведущей; <его> отличное знание местности, широкие связи и популярность среди польского населения способствовали выполнению соединением стоящих задач».

Что было дальше, мы расскажем в следующей главе.

* * *

Ну а пока несколько слов о событиях более глобального масштаба. Как нам уже известно, в первых числах августа соединение имени Александра Невского начало свой рейд в полосу Карпат – в Чехословакию.

Между тем обстановка в Польше накалилась до предела: в Варшаве внезапно началось восстание.

«Варшавское восстание 1944 г. – антифашистское вооруженное выступление 1 августа – 2 октября в оккупированной немецко-фашистскими войсками Варшаве. Было предпринято и начато руководителями Армии Крайовой (АК) в рамках разработанного польским эмигрантским правитель-

ством плана захвата власти до освобождения польской столицы советскими войсками. Командование АК предполагало овладеть Варшавой и обеспечить прибытие в нее эмигрантского правительства, чтобы противопоставить его демократическим силам, создавшим в июле 1944 г. временный исполнительный орган народной власти – Польский комитет национального освобождения (ПКНО). Решение руководства АК о восстании не было согласовано ни с советским командованием, ни с ПКНО и польскими демократическими организациями, действовавшими в варшавском подполье во главе с Польской рабочей партией и находившейся под ее руководством Армии Людовой. Варшавское восстание началось без учета обстановки на советско-германском фронте. Советские войска 1-го Украинского и 1-го Белорусского фронтов, пройдя с боями за 40 суток около 700 км, были вынуждены вести тяжелые бои севернее и южнее Варшавы и не могли оказать повстанцам немедленной помощи».

Вот что говорилось по поводу этого восстания в письме советского правительства в адрес британского руководства:

«Советское правительство сообщало уже Британскому правительству свое мнение о том, что за варшавскую авантюру, предпринятую без ведома советского военного командования и в нарушение оперативных планов последнего, несут ответственность деятели польского эмигрантского правительства в Лондоне...

Никакое командование в мире, ни английское, ни американское, не может мириться с тем, чтобы перед фронтом его войск было организовано в большом городе восстание без ведома этого командования и вопреки его оперативным планам. Понятно, что советское командование не должно составлять исключение. Несомненно, что если бы перед восстанием в Варшаве запросили советское командование о целесообразности устройства восстания в Варшаве в начале августа, то советское командование отговорило бы от такой затеи, ибо советские войска, прошедшие с боями свыше 500 километров и достаточно уставшие, не были тогда готовы, чтобы взять штурмом Варшаву, имея при этом в виду, что немцы к этому времени уже успели перебросить с запада свои танковые резервы в район Варшавы.

Никто не может упрекнуть Советское правительство, что оно оказывает будто бы недостаточную помощь польскому народу, и в том числе Варшаве...

Что касается Вашей попытки сделать Советское правительство в какой-либо степени ответственным за варшавскую авантюру и за жертвы восставших, то Советское правительство не может это рассматривать иначе, как желание свалить ответственность с больной головы на здоровую. То же самое надо сказать насчет того, что позиция Советского правительства по вопросу о Варшаве будто бы противоречит духу союзного сотрудничества.

Не может быть сомнения, что если бы Британское правительство приняло меры к тому, чтобы <советское> командование было своевременно предупреждено о намеченном восстании в Варшаве, то дела с Варшавой приняли бы совсем другой оборот...»

Как же, однако, старались англичане внести раскол между ближайшими соседями, которые к тому же считались их союзниками! А ведь понятно было, что Польша останется в зоне советских и российских интересов и что добрососедские отношения в данном случае просто необходимы. Но необходимы они самим соседям, а не тому далекому от них островному государству, которое издавна руководствуется правилом «разделяй и властвуй».

Только поэтому англичане и возмущались неоказанием помощи Варшавскому восстанию и поддерживали ту определенную часть польского населения, которая боролась с «русской экспансией».

И ведь что интересно! Из предыдущего письма ясно, что «за варшавскую авантюру... несут ответственность деятели польского эмигрантского правительства в Лондоне» (и, соответственно, гостеприимно приютившие их хозяева), а из последующего документа становится понятным тот факт, что англичане прекрасно знают: СССР ничего лишнего при послевоенном переустройстве Европы себе не потребует! Советский Союз хочет вернуться к границам 1941 года – то есть возвратить себе те территории, которые входили в состав Российской империи еще в славном «осьмнадцатом» столетии.

Таковое понимание было отражено в докладе исследовательского отдела МИДа Великобритании «Некоторые исторические тенденции русской внешней политики». Этот секретный доклад стал достоянием советской внешней разведки:

«...3. ...Неизменной тенденцией в русской политике является желание занять на западе и укрепить стратегическую линию, которая в общих чертах соответствует границе 1941 г. и базируется на Западной Карелии, Прибалтийских государствах, Припятских болотах, Карпатах и Дунае и гарантируется на фланге уверенностью в том, что проливы никогда не будут находиться в зависимости от какой-либо другой державы. Эта линия (которая, за исключением Прибалтийских государств, примерно совпадает с этнографической западной границей России, Белоруссии и Украины) была завоевана Россией и защищалась ею в XVIII веке (кроме Бессарабии, присоединенной в 1812 г.). Россия вышла за ее пределы только после того, как европейское равновесие было нарушено Наполеоном, произведя неловкое присоединение Великого княжества Финляндского и так называемой «конгрессовой» Польши. Обе эти территории сохраняли полуавтономный статус в пределах русской империи на протяжении многих лет, никогда не были полностью освоены и если бы даже правительство Ленина было в 1918 г. сильным, а не слабым, оно, наверное, сочло бы

благоразумным согласиться с их отделением.

Нет оснований полагать, что СССР захочет вновь присоединить к себе какую-либо из этих территорий после войны, если у него будут надлежащие гарантии против возрождения военной мощи Германии. С другой стороны, он будет настаивать на сохранении своей границы 1941 г., которая на всем своем протяжении на западе представляет не результат притязаний, а исторически обусловленную стратегическую и этнографическую черту. Граница 1941 г. с Финляндией приблизительно совпадает с границей, установленной в 1721 г. Граница 1941 г. с Польшей почти точно совпадает с границей, установленной в 1763 г. Граница 1941 г. с Румынией по Дунаю совпадает с границей, установленной в 1812 г. Кроме того, в дополнение к стратегическим соображениям, граница с Польшей и Румынией, установленная в 1941 г., включает в пределы Украинской ССР всех украинцев, за исключением проживающих в Прикарпатской Украине. Принимая во внимание попытки Франции после революции 1917 г. отделить Украину от СССР и аналогичные намерения немцев, высказанные в «Майн Кампф» и осуществленные впоследствии, правительство Советского Союза, вероятно, будет считать политически важным для своей безопасности и неприкосновенности, чтобы за пределами его границ не оставалось значительной группы украинцев, могущей превратиться в очаг сепаратистской пропаганды. Наконец, сюда входят и соображения престижа. Советское правительство и пресса описывают население, присоединенное в 1939–1940 гг., как «освобожденное», а присоединение Прибалтийских государств и Восточной Польши представляется как основанное на народном голосовании. Поэтому им было бы чрезвычайно трудно оправдать в глазах своего собственного населения оставление этих территорий, даже если бы Советское правительство и было расположено по другим соображениям пойти на такой шаг...

4. Относительно этой стратегической линии можно утверждать, что русская политика на западе была исторически по преимуществу оборонительной, за исключением имевших место в XIX столетии на Балканах выступлений, которые имели целью отчасти противодействие продвижению Австрии к проливам, а отчасти – укрепление русского влияния...».

Понимать-то они понимали, но недаром же еще генералиссимус Суворов лапидарно характеризовал отношение Великобритании к России как «Англичанка гадит». А потому британцы не только не спешили поставить своего верного союзника на место, но и тайком помогали ему в его «антибольшевистской» деятельности.

«В связи с дальнейшим продвижением войск действующей армии на запад, лондонское эмигрантское правительство дало указание Армии Крайовой всячески препятствовать Красной армии, до ее подхода явочным порядком захватывать власть на местах, совершать диверсии, нападать на отдельные воинские части, уничтожать отставших военнослужащих. В августе-сентябре 1944 года в тылу советских войск действовали 20 подпольных «аковских» радиостанций, из них три на территории Белоруссии. Позже их количество стало неуклонно возрастать. Руководство этими подрывными «процессами» осуществлялось опытными сотрудниками английских спецслужб во главе с полковником Хадсоном, несмотря на то, что Великобритания являлась союзником СССР по антигитлеровской коалиции. Урон, причинявшийся тогда бандами «аковцев» войскам Белорусских фронтов, был существенным. Только во второй половине 1944 года ими были убиты 277 и ранены 97 советских военнослужащих, а за первые пять месяцев 1945 года убиты 317 и ранены 125 бойцов и офицеров. И если раньше противодействие АК и немецким спецслужбам осуществлялось прежде всего силами зафронтовой разведки и партизан, то теперь основную нагрузку на себя взял "Смерш"».

Такая вот тайная и подлая война между союзниками...

...И НЕСКОЛЬКО СЛОВ О ЛИЧНОЙ ЖИЗНИ

Итак, самостоятельным отрядом «лейтенант Алеша» руководил недолго. Поначалу он сам благородно передал командование своему старшему товарищу Ивану Таранченко, а затем из Москвы прислали нового командира. Иван Федорович Золотарь был сотрудником органов безопасности с более чем двадцатилетним стажем, пришел в ОГПУ семнадцатилетним пареньком в 1922 году, а к 1936-му дорос до начальника горотдела НКВД. Но в 1938 году, когда после назначения наркомом Берии в наркомате проводилась очередная «чистка», он был осужден на пять лет, так что в начале войны находился в лагере. В январе 1942 года Золотарь был освобожден «по особому ходатайству НКВД СССР» и направлен в Четвертое управление.

Хочется сделать небольшое отступление. В книге «Разведка и Кремль» генерал-лейтенант Судоплатов пишет, что в начале войны по его ходатайству был мгновенно освобожден из тюрем ряд бывших сотрудников разведки и контрразведки, направленных затем в состав возглавляемой им Особой группы. Смущает вывод автора: «Циничность Берии и простота в решении людских судеб ясно проявились в его реакции на наше предложение. Берию совершенно не интересовало, виновны или не виновны те, кого мы рекомендовали для работы».

Ясно, что этот вывод сделан литзаписчиком или редактором, ибо нет сомнения, что сам Павел Анатольевич прекрасно понимал: когда на первом месте стояли интересы обеспечения безопасности Родины, всякие «политические игры», «перегибы» и прочая шелуха просто уходили в сторону. Какая разница, в чем именно были виновны опытнейшие сотрудники, «крутые профессионалы», которые реально могли послужить Отечеству? Не на курорт же их посылали отдохнуть после «отсидки» – им предлагалось воевать и искупить свою вину (реальную или «сфабрикованную») кровью.

Вот и Иван Золотарь через год после освобождения находился в Белоруссии, где руководил проведением сложнейшей операции по уничтожению тамошнего гауляйтера Вильгельма Кубе.

Учитывая это, кстати, можно сделать глубокомысленный вывод, что и в Краковское воеводство Польши, где находилась резиденция генерал-губернатора Ганса Франка, Золотарь был послан «совсем не случайно». Хотя и говорят, что изначально перед Ботяном ставилась задача ликвидации генерал-губернатора, но очевидно, что возникла она только теперь. Только не надо думать, что «лейтенанта Алешу» как-то «задвинули», лишив командования – его-то не задвинешь! Просто насчет него у командования были свои планы...

* * *

В послевоенные годы, возвратившись к мирной жизни, Иван Федорович стал писателем. Для нас это великое счастье, что нашелся человек, который еще тогда зафиксировал некоторые «страницы жизни» Алексея Ботяна!

Интересно, что по завершении службы литературный талант прорезался не только у Ивана Золотаря, но и у нескольких других весьма заслуженных командиров партизанских соединений, в том числе и руководителей омсбоновских отрядов. По нескольку очень интересных книг написали командир легендарного отряда «Победители» Герой Советского Союза Дмитрий Николаевич Медведев («Сильные духом», «Это было под Ровно» и др.), командир партизанского соединения дважды Герой Советского Союза генерал-майор Сидор Артемьевич Ковпак («От Путивля до Карпат» и др.), командир 1-й Украинской партизанской дивизии Герой Советского Союза генерал-майор Петр Петрович Вершигора («Люди с чистой совестью» и др.). Как говорится, «список можно продолжить».

Хочется вспомнить и Героя России Юрия Антоновича Колесникова, очень хорошего и душевного человека, сотрудника Четвертого управления НКВД в годы Великой Отечественной войны, исполнявшего обязанности начальника разведки в соединении Ковпака, а потом ставшего профессиональным литератором. Его книги «За линией фронта», «Земля обетованная», «Занавес приподнят» и другие выходили в СССР огромными тиражами (суммарный тираж одного только политического детектива «Занавес приподнят» – более пяти миллионов экземпляров), были переведены на многие иностранные языки.

В авторском активе Ивана Золотаря – книги «Записки десантника» и «Друзья познаются в беде», участие в ряде сборников. Конечно, верить написанному там на все 100 процентов нельзя, это же не оперативный отчет, но очевидно, что многое рассказанное достаточно близко к истине.

Вот как описывает новый командир свое прибытие в отряд: «...на юге Краковского воеводства, неподалеку от города Новый Тарг, на высокогорной поляне Явожина, стлавшейся по восточному склону горы Турбач, нас поджидало два небольших отряда советских партизан во главе с молодыми чекистами Алешей Ботяном и Иваном Таранченко.

В разное время, разными тропами пришли они туда из Яновского леса, расположенного в юго-западной части Люблинского воеводства, с одной и той же целью: проложить в Западные Бескиды – северные отроги Карпат дорогу своему партизанскому соединению имени Александра Невского, которым командовал Виктор Александрович Карасев.

Но случилось так, что по приказу с Большой земли это соединение ушло в Чехословакию, на помощь словацким повстанцам, а отряды Ботяна и Таранченко так и остались в Бескидах. На их базе решено было создать самостоятельное партизанское соединение для боевых действий на юге Польши.

Организовать и возглавить это соединение было поручено автору этих строк. В помощь мне были выделены опытные офицеры советской разведки и бывалые партизаны-омсбоновцы. В день вылета из Москвы наш руководитель генерал-лейтенант Павел Анатольевич радировал Ботяну и Таранченко:

«Вместе вашим новым командиром, – назвал мою фамилию, – к вам вылетел капитан Пушков, назначенный заместителем командира по разведке. Заместителем по строевой части утвержден Ботян. Вопрос назначения Таранченко будет решен по прибытии командира на место» (Ивана Максимовича назначили замполитом)».

Стоит обратить внимание на слова «наш руководитель генерал-лейтенант Павел Анатольевич». Фамилии генерала в тексте нет, «неподготовленный» читатель может прочитать «Анатолье́вич», этим и удовольствовавшись, не догадываясь, что именем и отчеством здесь обозначен необоснованно арестованный, полностью отбывший свой пятнадцатилетний срок, но еще не реабилитированный легендарный генерал Судоплатов...

Известно, что поначалу новое соединение имело стоянку у «Орлиного гнезда», затем передислоцировались к «Салтыковой поляне». Из этих названий уже можно понять, что партизаны расположились в горно-лесистой труднодоступной местности где-то не очень далеко от Кракова.

Золотарь уточняет: «К моменту нашего прибытия отряд Алеши Ботяна насчитывал 70 человек, отряд Таранченко – 40. Большинство были вооружены винтовками самых разных систем и марок: русскими, немецкими, словацкими и другими, с очень ограниченным количеством патронов. А человек тридцать, недавно прибывших из немецких лагерей смерти, и совсем были безоружными».

Если это так, то группа Ботяна успела вырасти вдвое или втрое (как помним, ее изначальная численность не совсем понятна); отряд Таранченко увеличился в четыре раза – возможно, за счет тех самых людей, что каким-то образом вырвались из гитлеровского концлагеря. Насчет слабого вооружения отряда – по крайней

мере, основной его части, – это сомнительно. Судя по предыдущим документам, оружия себе бойцы доставали в избытке. Та же Илжа была совсем недавно.

Впрочем, согласно «законам жанра», автору следовало показать «заботу Москвы» о партизанах, а потому далее командир-писатель рассказывает, как «из грузовых мешков были извлечены и разложены в ряд десятки автоматов, пистолетов, пулеметы, противотанковые ружья, мины, гранаты, взрывчатка, десятки тысяч патронов» и с каким восторгом принимали все эти богатства партизаны. Что у них у самих было – это вопрос, но восторг, думается, не выдуман: они должны были воевать, а на войне, как свидетельствует опыт, лишних патронов и ненужного оружия быть не может...

Если говорить о боях и сугубо военных действиях, то «личный счет» у Ботяна очень неплох. Точнее, не «личный», а «групповой» – недаром он постоянно подчеркивал, что сам в одиночку ничего бы сделать не смог и все его успехи – это заслуга отряда. Но вот как впоследствии были оценены итоги командирской деятельности Алексея:

«По сообщениям тов. Злотаря в боевых операциях, проведенных под личным командованием тов. Ботяна А.Н., противнику был нанесен следующий урон:

1. Разбито два гарнизона противника.

2. Уничтожено путем подрыва три моста.

3. Подорвано два эшелона с живой силой и техникой противника.

4. Взорван немецкий артиллерийский склад в Новом Сонче.

5. Уничтожено фабрик, заводов путем подрыва и организации пожара – 3.

6. Уничтожено автомашин – 60.

7. Уничтожено мотоциклов – 3.

8. Уничтожено велосипедов – 10.

9. Уничтожено конных повозок – 110.

10. Убито немцев в боях на засадах до 2000 человек: из них офицеров – 40 чел., в том числе: полковников – 3, майоров – 2, капитанов – 3.

11. Взято в плен – 200 немецких солдат и 4 офицера, ранено около 4000 солдат и офицеров.

12. Захвачено трофеев: ПТР – 1, пулеметов – 17, автоматов – 20, винтовок – 200 и ценные штабные документы».

Информация эта представлена по архивному делу «Курган».

Про склад в городе Новый Сонч будет рассказано несколько дальше.

* * *

Скорее всего, именно в то время и поступило из Москвы указание ликвидировать фашистского генерал-губернатора Ганса Франка.

Как нам уже говорил Валентин Иванович, на первом месте в работе Четвертого управления НКВД, а потом НКГБ, стояла именно ликвидация «первых лиц» германской администрации на оккупированной территории.

«Четвертым управлением во время войны ликвидировано 87 гитлеровских «VIP'ов», – уточняет наш собеседник. – Из них одиннадцать «на совести» Героя Советского Союза Николая Ивановича Кузнецова. Уже через много лет после тех событий Ботян подтвердил, что основным его заданием была ликвидация гауляйтера Польши Франка. Подобраться к нему было очень непросто – по многим и различным причинам. Вот, смотрите, Илжа – это ж дальние подступы. Хотя и там Ботяна «поймали» партизаны Армии Людовой, отвлекли на свои дела... Но это – наши люди. А вы представьте, как гитлеровцы охраняли своего начальника! И если бы они поймали... Но ведь и наши охотились очень сильно – так же, как за белорусским гауляйтером Кубе, не меньше. Не подумайте, что поручили Ботяну – и всё. Там несколько партизанских отрядов работали – и ГРУ, и мы... Но исполнителя все-таки нашел отряд Ботяна».

Чтобы произвести «ликвидацию», нужно было подобрать соответствующих людей и искать тайные подходы к «объекту». Это ведь только в кино отважный герой-разведчик, преодолевая все мыслимые и немыслимые препятствия, в последний момент, оторвавшись от контрразведки, самолично и в гордом одиночестве пробирается в спальню (в кабинет, на дачу – ненужное зачеркнуть) «объекта», где сурово и торжественно произносит соответствующие патетические слова («Именем советского народа!», «Смерть немецким оккупантам!» или нечто подобное), а затем приводит приговор в исполнение. В реальной жизни нужна агентура, проще говоря – помощники. Ну, как был тот же Каплюк в городе Овруче...

О том, как происходит вербовка агентуры, каждый желающий может узнать в соответствующих учебниках, так что на излишние подробности мы отвлекаться не станем. Просто уточним, что довольно скоро по приходе в Краковское воеводство на связи у Ботяна оказался некто Генрих Мусилович, в прошлом – штабс-капитан Русской императорской армии. Хотя вот так подумать, поляк, белогвардеец – что общего может быть у него с советскими чекистами-большевиками?

Ответ прост: своей карательной политикой немцы и их прислужники сами делали всё возможное и даже невозможное, чтобы объединять своих противников, вне зависимости от их политических убеждений. Умные люди понимали, что реальной силой, противостоящей Гитлеру, является Советский Союз. А потому, если желаешь победы над нацистской Германией – забудь старые обиды и новые претензии и вставай под красные знамена.

«Почему у нас были очень хорошие отношения с Мусиловичем? – объяснял Ботян. – До войны он был инженером, жил во Львове. Вы знаете, что, когда немцы туда пришли, бандеровцы стали там всех поляков резать и убивать. Очень большая борьба была между поляками и украинцами – они друг друга даже семьями вырезали. Он тогда сам едва ушел из Львова, еле живой оттуда вышел и приехал в эти места. Там лесни-

чество было большое, и Мусилович устроился в него инженером по переработке дерева или что-то тому подобное. Здесь он выполнял очень важную задачу: если немцы кого имели в виду арестовать, а подполье об этом узнавало, то эти люди приходили в лесничество, и он их скрывал. Поэтому хотя Мусилович и числился в Армии Крайовой, но в форме он не ходил и в боевых операциях не участвовал. К тому же он высказывал более левые взгляды, нежели его товарищи, и не был националистом... Я ему сказал, что мы воюем против бандеровцев, как немецких помощников, что они для нас такие же враги. Он стал оказывать мне помощь на идейной основе и очень хорошо помог – в частности, нашел хорошие, надежные связи. Прежде всего – в Армии Крайовой, среди аковцев. Через него я знал всё, что делают аковцы, что они замышляют...»

Не надо думать, что знание это ограничивалось масштабами действующих в округе партизанских отрядов. Вот что писали в своем представлении Карасев и Перминов:

«Заслуживают высокой оценки оперативно-чекистские мероприятия, проведенные при непосредственном участии и по инициативе А.Ботяна, например: проникновение в реакционную группу польской аристократии, укрывавшуюся в курортном местечке Щавница и связанную с Лондоном, осуществлявшую в Польше руководство АК. В названную группу входили: князь Чарторийский, псевдоним «Шпак», граф Тышкевич, граф Стадницкий, князь Свяжовский, помещик Главацкий и др.

Мы были в курсе дел этой группы. Такие участники группы, как, например, известный в Польше доктор Артур Вернер при участии А.Ботяна был вначале привлечен (по мотивам гуманности) для лечения советских партизан, позднее выполнял поручения серьезного характера».

Конечно, весьма соблазнительно было бы описать, как Алексей Николаевич, переодетый в мундир штандартенфюрера СС[10], сдержанный, молчаливый и невозмутимый, как Штирлиц, появлялся на тайных собраниях этой «реакционной группы» и осуществлял соответствующую разведывательную работу. Увы! Врать не будем, такого не было. Но, значит, был кто-то, кто доверительно рассказывал Алексею обо всем, что там происходило. Кто именно, мы не знаем, нам не сказали, да мы и не спрашивали, потому что соответствующие документы не рассекречены. И никогда их не предадут гласности! Есть у разведки такое правило: не рассекречивать своих нераскрытых противником агентов, пусть они даже давным-давно ушли в мир иной. Ведь у большинства из них остаются дети-внуки-правнуки, и это – большой вопрос, как отнесутся потомки какого-нибудь польского аристократа к тому, что их предок честно работал на советскую разведку. Так же неизвестно, как к этому отнесутся потомки других аристократов, предки которых верно служили англичанам, но так и не узнали, кто «заложил» их «Советам». В общем, не будем усложнять людям жизнь и задавать лишние вопросы!

А всё же, как подумаешь, что нити из аристократического салона тянулись в глухой лес, к маленькому и грязному (объективная реальность, это вам не «курортное местечко» с морскими купаниями и эмалированной ванной в каждом гостиничном номере!) «лейтенанту Алеше» – гордость берет за советскую разведку! Какие люди были, как классно, на каком высоком уровне они работали!

Между тем работа эта была смертельно опасной – как для агентов, так и для их руководителей. Вот какую информацию удалось получить советской разведке: «Начиная с ноября 1944 года командование жандармерии объезжало территории и готовило свои боевые отряды для диверсий. Из вышесказанного необходимо обратить особое внимание на отряды жандармерии, так как их заданием является приведение в исполнение смертных приговоров, вынесенных на членов «АК» и «ПАЛ» за неподчинение их приказам, а также на членов демократических организаций. Раньше эти приговора приводили в исполнение специальные карательные органы, а сейчас – жандармерия».

Хорошо служили польские жандармы – сразу двум хозяевам! И гитлеровцам, и лондонскому правительству... Кто бы ни победил, есть надежда остаться в выигрыше. Хотя, к сожалению, интересы оккупантов и «борцов» с ними по ряду позиций откровенно совпадали. В частности, как мы знаем, в отношении к представителям просоветски настроенного сопротивления.

Однако это сопротивление продолжало действовать, достаточно эффективно помогая войскам наступающей Красной армии и, соответственно, советским партизанам. Наверное, не без помощи Мусиловича – а может, и какими другими путями – Ботяну удалось выйти на поляка Юзефа Путо, личного камердинера генерал-губернатора Ганса Франка, и завербовать его. В общем, договориться о содействии. Но это произойдет несколько позже.

А пока всеобщее внимание по ту и по эту сторону линии фронта и даже на далеких Британских островах было приковано к сражающейся и погибающей Варшаве. Хотя всем было давно, если не изначально, понятно, что восстание обречено...

Вот что 23 сентября телеграфировал из Москвы в Вашингтон президенту США Рузвельту американский посол в Москве Аверелл Гарриман: «Сегодня вечером я спросил у Сталина – насколько он удовлетворен сейчас ведущимися Красной Армией боями за Варшаву. Он ответил, что ведущиеся бои пока не принесли серьезных результатов. Из-за сильного огня германской артиллерии советское командование не смогло переправить свои танки через Вислу... Сталин добавил, что восставшие всё еще продолжают сражаться, но их борьба доставляет сейчас Красной Армии больше трудностей, чем реальной поддержки».

[10] Полковник СС.

И вскоре во всей этой истории была поставлена точка. Большая и кровавая.

«2 октября командование АК капитулировало. Немецко-фашистские войска жестоко расправились с участниками восстания и мирным населением. Большая часть жителей Варшавы была отправлена в концлагеря и на каторжные работы в Германию. В ходе боев и от террора оккупантов погибло свыше 200 тысяч человек; почти полностью была разрушена Варшава».

Политика дело весьма циничное, а нередко даже подлое. Союзники прекрасно понимали, что сейчас, когда война вступает в свою финальную фазу, ссориться из-за Польши не имеет смысла.

Поэтому в цитированной выше телеграмме были и такие слова: «В первый раз Сталин высказал при мне свои симпатии в отношении восставших. Он сказал, что командование Красной Армии имеет контакты с каждой их группой, как по радио, так и через связных, пробивающихся в город и обратно. Причины того, почему восстание началось преждевременно, теперь понятны. Дело в том, что немцы собирались депортировать из Варшавы всё мужское население. Поэтому для мужчин просто не было другого выбора, как взять в руки оружие. Иначе им грозила смерть. Поэтому мужчины, входившие в повстанческие организации, начали борьбу, остальные ушли в подполье, спасая себя от репрессий. Сталин ни разу не упомянул при этом о лондонском правительстве...»

План «депортировать из Варшавы всё мужское население» выглядит фантастически нелепо. Очевидно, фюрер вообще обалдел – иное объяснение подобрать трудно... Если, конечно, поверить вышесказанному.

А ведь раньше, как мы помним, в обращении советского правительства к британскому говорилось однозначно: «...за варшавскую авантюру, предпринятую без ведома советского военного командования... несут ответственность деятели польского эмигрантского правительства в Лондоне».

Но второй фронт в Европе был открыт, так что обижать союзников по пустякам не следовало. Да, цинично! А что делать?

При этом не будем забывать, что в боях за освобождение Польши от гитлеровских захватчиков Советский Союз потерял порядка 600 тысяч человек.

* * *

В своей книге Иван Золотарь пишет о том, что в принятом им отряде была радистка Галя Литвиненко: «Стройная и тоненькая, с двумя косами, она даже в мешковатом, полинялом комбинезоне была очень привлекательна и напоминала собой молоденькую елочку.

Многие молодые партизаны пытались добиться ее благосклонности. Но из всех она предпочла одного Алексея. Когда им случалось бывать наедине, они с увлечением рассказывали друг другу о своем детстве, делились мыслями, мечтами. Постепенно их привязанность друг к другу переросла в любовь. И когда они поняли это, стали почему-то сторониться друг друга, то ли боялись осуждения товарищей, то ли их робость была им помехой».

Итак, мы впервые касаемся личной жизни Алексея Ботяна. Неудивительно, он же не принадлежит к нашим так называемым «деятелям культуры», давно уже превратившим свою личную жизнь в «общественное достояние», интересующую публику гораздо больше, нежели их «творчество». Но мы, как люди от всей этой «культуры» достаточно далекие, считаем, что личное – оно личное и есть, публично обсуждать эти вопросы не принято. Ну да, такой старомодный взгляд – так ведь и герой наш, напоминаем, появился на свет еще в Российской империи. Поэтому о личной жизни мы Алексея Николаевича не расспрашивали, но кое-что, полученное из иных источников, рассказать можем... Кстати, там нет ничегошеньки по-настоящему секретного!

В частности, Валентин Иванович, когда в 1968 году побывал с ним в Польше (об этом визите мы вспомним в свое время), встречался там с полковником Висличем – тем самым, который был поручиком в 1944-м и вместе с группой Ботяна брал Илжу.

«Он мне тогда рассказывал про свою первую встречу с Ботяном, как они познакомились, – говорит Валентин Иванович. – Ему пришлось буквально пробиваться к Алексею, всем объясняя, что он – польский партизан из Армии Людовой и ему это крайне необходимо. И вот, последний, так сказать, этап – землянка, палатка, уже не знаю что, где находился Ботян, но тут поручика останавливает его ординарец – девушка Галя, и не пускает. Мол, командир отдыхает! Все-таки Вислич сумел ее убедить и прошел. Он мне так рассказал: “И я вижу, как отдыхает командир... Ботян лежит на спине, на груди у него ППШ, палец на спусковом крючке – и он мирно себе спит...”».

Мы с Валентином Ивановичем обсуждали всегдашнюю готовность Ботяна к бою, но факт присутствия ординарца Гали запомнился.

Как развивались дальше их отношения – это, опять-таки, сугубо личное дело нашего героя. Они были молоды, не жаловались на здоровье, но вокруг каждодневно свистели пули, и было очень понятно, что любой день может стать последним. Поэтому жизнь воспринималась гораздо острее...

Иван Золотарь пишет: «С правой стороны сарая, вдоль наружной стены, в двух палатках уютно устроились наши женатики: в одной Алеша с радисткой Галей, в другой Панфилов с Ганкой. Эту любовь, рожденную на трудных партизанских тропах и закаленную в тяжелых испытаниях, берегли не только они сами, но и все партизаны. Я видел, как в то утро, проходя мимо их палаток, партизаны умолкали, чтобы не нарушить так редко случавшуюся в нашей суровой партизанской действительности идиллию семейного покоя...»

Очевидно, они были счастливы – и это замечательно! Но об этом, повторим, мы с Ботяном не разго-

варивали – это его, сугубо личное, чего касаться не стоит. Поэтому и вопроса о том, что же было дальше, мы ему не задавали.

Зато генерал-майор Ростислав Михайлович, достаточно старый друг Ботяна, хотя и на двадцать с лишним лет его моложе, рассказал о таком случае: «Однажды, когда мы вместе работали в Берлине, Алексей Николаевич мне говорит: «Вот, книга вышла – там про меня написано!» Дал мне эту книгу «Друзья познаются в беде», я ее с интересом прочитал, жена взяла почитать, и ей тоже понравилось… И вот как-то идем мы с женой и с маленьким ребенком в знаменитом Карлсхорсте, гуляем. Навстречу идет Ботян. Моя жена тогда еще не была с ним знакома. Тут он сразу: «Ой, какой малыш!», пятое-десятое – он всегда такой внимательный, и уже кажется, что они давным-давно знают друг друга… Ну, жена и говорит: “Алексей Николаевич, я тоже прочитала книжку про вас, хорошая книжка! Я как увижу Галину Владимировну, ей обязательно скажу: "Как же у вас, оказывается, романтично всё было!"”»…

Галина Владимировна, жена Ботяна, работала зубным техником и, соответственно, в «русской колонии» ее знали гораздо лучше, чем ее засекреченного мужа.

«И вдруг Алексей Николаевич закричал, – продолжал рассказ Ростислав Михайлович. – Он закричал: «Ты что! Молчи! Не скажи Гале! Это другая Галя! Та Галя умерла, ту Галю убили!» Моя жена растерялась…»

Вот такая история, о которой, повторим, мы не стали в свое время расспрашивать нашего героя. Жизнь-то она по-разному складывается, и кто из двоих в чем оказывается виноват, об этом реально знают только те самые двое… О том, что радистка Галя погибла, в книге «Друзья познаются в беде» нет ни слова. Зато Ботян, выполняя задание Родины (сколь громко это бы ни звучало, но это было именно так), в послевоенное время оказался как бы в совершенно другой жизни и превратился в совершенно иного человека. Быть может, они расстались именно поэтому. Не знаем… Гадать не будем, смысла нет! Но, судя по той давней реакции Алексея Николаевича на слова жены своего друга, эта душевная рана болела у него долго…

Кстати, вот как охарактеризовал Ботяна его давний сослуживец Герой Советского Союза капитан 1-го ранга Эвальд Григорьевич Козлов: «Это человек очень скрытный и малообщительный! Может быть, это он такой на службе, с определенным кругом лиц, и у него есть какая-то другая ситуация, где он раскрывается в совершенно ином качестве. Насколько я помню, он никогда и ничего не говорил про свою семью. Вообще! Ни слова! Знаете, как бывает? Придет человек на службу раздраженный, пожалуется, мол, жена достала… дети не слушаются, учатся плохо, – ну, ему и полегчало. От него я ничего подобного ни разу не слышал! Никогда».

В 1970-е годы Ботян и Козлов отработали в одном кабинете восемь лет, сидели «лоб в лоб», за столами друг напротив друга, поддерживали «добрососедские отношения», но тем их общение и ограничивалось. Можно понять, что в свой «внутренний мир» Алексей Николаевич впускает далеко не каждого – даже из числа по-настоящему хороших и достойных людей.

Поэтому закроем «личную тему» и обратимся к боевым делам давно минувших дней.

* * *

Отряд Ивана Золотаря, в который постоянно приходили и бывшие советские военнопленные, и польские партизаны, теперь уже считался бригадой. Его подрывники, сотрудничая со своими «коллегами» из партизанских отрядов Армии Людовой и «Батальонов хлопских», фактически дезорганизовали перевозки на железных дорогах, связывавших населенные пункты Юзефов – Александров – Билгорай, а магистраль, соединяющую Львов и Варшаву, вообще вывели из строя…

Понятно, что и Ботян на месте не сидел, не ограничивал свою деятельность руководством агентурой – не такой у него характер, чтобы оставаться в лагере, когда другие воюют. Поэтому он участвовал в самых рискованных операциях.

«Однажды, это было под Краковом, приходят ко мне поляки, – как помнится, воистину с азартом рассказывал Алексей Николаевич. – Говорят: «Вот тут власовцы хотят перейти к вам в партизаны». Хорошее дело! Но я до этого слышал, что в Белоруссии был такой случай: командир одного из партизанских соединений или отрядов связался с власовцами и говорит: «Я вас возьму в отряд всех, но вам даю задание – уничтожить немцев, которые вас охраняют». Вот я решил, попробую и я такой вариант проделать, может быть и мне удастся… Я переоделся, как поляки ходят, только пистолет и граната с собой. Вместе с поляком спускаюсь вниз, с гор – там поселок или пригород. Прихожу туда. Зашли в дом к польской семье. Я остался с хозяйкой, разговариваем, а поляк этот ушел… И вдруг, ни с того ни с сего, во двор въезжают немцы. С лошадьми, с машинами. Неужели он, сволочь, предал меня?! Всё, думаю, отстреливаться буду – сколько есть патронов, столько буду стрелять! Немцы вошли в дом, а я сижу, уже за пистолет держусь. А они попросили пустое ведро – наверное, воду в машину залить. И ушли. Вот такое было переживание! Такие моменты были…»

Только подумать – какое мужество, какие выдержка и самообладание! Сидеть и до последнего выжидать, что же произойдет дальше. И на лице – ни тени волнения или беспокойства, когда внутри всё кипит от возмущения – предали ведь, заманили в ловушку! – и когда сейчас ему предельно ясно, что придется принимать свой безнадежный последний бой, который будет завершен разрывом гранаты. Если, конечно, раньше не свалят его на пол немецкие пули и он, израненный и беспомощный, не попадет в руки врага. Единственный шанс к спасению – сразу же швырнуть гранату, от-

крыть огонь и попытаться бежать, воспользовавшись неизбежным замешательством гитлеровцев, но ведь их много, слишком много. И он выжидал, ничем не проявляя охвативших его чувств, скрывая бешеную работу мысли, даже, кажется, сдерживая удары сердца...

Ботян с улыбкой – приятно же вспоминать молодость, пусть и не самые легкие ее эпизоды – продолжал рассказ: «Уехали немцы... Вечером поляк приходит и ведет меня к казарме. Смотрю, на плацу ребята сидят – человек тридцать было наших ребят. Я с ними поздоровался. Говорю: «Знаете, ребята, я понимаю, что вы здесь ни при чем, и ни в чем не виноваты. Это от руководства всё зависело, а не от вас, солдат – что от вас могло зависеть? Я вас возьму. Придете ко мне и будете в отряде. Но только даю вам задание уничтожить немцев, которые вас охраняют. Я вас буду ждать! Приходите с оружием». Ждал, ждал – не пришли. Что-то у них не получилось, а что – гадать и судить не берусь. Но очень жаль, что я сразу же не взял этих тридцать человек с собой. Думал, так лучше будет, да и проверю их заодно... Но не получился у меня белорусский вариант!»

Ведь сколько времени прошло с тех пор, но видно было, что Ботяну по-настоящему жалко тех парней, волею или капризом судьбы оказавшихся во вражеском лагере, тех, которых он тогда понял своим солдатским сердцем, вот только спасти не сумел...

Когда-то один партизан, к сожалению, давно уже ушедший из жизни, сказал нам так: «Нельзя всех власовцев мерить одной меркой! Мерзавцев среди них было немало, но были и люди, попавшие туда достаточно случайно... Было, кстати, много бывших пограничников, оказавшихся в плену в первый же день войны – после короткого боя, после окружения. Они попали в концлагеря, были там, и годами ничего не знали о том, что происходит на Родине – а немцы их убеждали во всем самом плохом! Поступить в РОА, в армию Власова, было для них единственным шансом вырваться из этого ада и призрачной возможностью вернуться к своим. Да и не все тогда могли разобраться в происходящем...»

Ботян все это прекрасно понимал, а потому настойчиво искал среди врагов тех людей, которые смогут стать ему надежными помощниками...

КРАКОВСКАЯ РАПСОДИЯ[11]

Несмотря на количество задействованных сил и огромную подготовительную работу, покушение на гауляйтера Франка сорвалось. Группе Алексея Ботяна удалось «подобраться» к генерал-губернатору ближе всех: завербованный партизанами камердинер гауляйтера поляк Юзеф Путо уже получил от них английскую мину химического действия, которую в назначенное время должен был установить на боевой взвод в спальне своего шефа. Однако сделать это он не успел: советские войска вновь перешли в наступление, у назначенного Гитлером «польского руководителя» не выдержали нервы, и Франк спешно сбежал из Кракова. Он рванул в сторону Берлина, а в итоге попал в Нюрнберг, на своем личном примере подтвердив народную мудрость: «Кому суждено быть повешенным, тот не взорвется».

Ганс Франк был казнен по приговору Нюрнбергского международного трибунала в ночь на 16 октября 1946 года в числе главных военных преступников – руководителей Третьего рейха.

Между тем обстановка на советско-германском фронте изменялась самым динамичным образом. В частности, в план разработанной советским Генеральным штабом Висло-Одерской стратегической наступательной операции по окончательному освобождению Польши и созданию благоприятных условий для нанесения решающего удара на Берлин вдруг оказались внесены существенные изменения. По плану операция должна была начаться 20 января 1945 года.

[11] Рапсо́дия – в музыке XIX – первой половины XX веков – инструментальное или вокальное произведение, написанное в свободном, «импровизационном» стиле.

«Однако, учитывая тяжелое положение союзников на Западном фронте (после контрудара немецко-фашистских войск в Арденнах в декабре 1944-го – январе 1945), советское Верховное Главнокомандование по их просьбе решило начать наступление 12–15 января».

Значит, к началу операции следовало готовиться ускоренными темпами. В этой связи группа Ботяна получила новое задание: расчищать дорогу наступающей Красной армии. Такую же задачу выполняли и другие группы, действовавшие на территории Краковского воеводства. Для этого надо было обусловить порядок взаимодействия, скоординировать свои планы, четко распределить объекты.

«Еще с лета 1944 г. гитлеровцы готовили Краков к длительной обороне. Вокруг города было сооружено несколько круговых земляных укреплений, а на улицах установлено 240 железобетонных надолб, подготовлено большое количество блиндажей и баррикад. В последний момент многие важные промышленные и культурные объекты были заминированы. Даже замок Вавель – ценнейший памятник архитектуры, хранилище национальных реликвий и святыня польского народа, был подготовлен к подрыву».

Думается, все-таки, советская пропаганда не совсем точно расставляла акценты: проигрывая войну, спешно ретируясь от наступающих соединений победоносной Красной армии, гитлеровцы вряд ли развлекали себя подрывами архитектурных и исторических памятников только, так сказать, «из любви к искусству». Не до того им уже было! Немцам, прежде всего, надо было делать всё возможное, чтобы хоть как-то задержать наступление советских войск и тем самым обеспечить себе более-менее комфортное бегство. А значит, в первую очередь нужно было уничтожать мосты и дороги, и все те объекты жизнеобеспечения, которые были нужны противнику: электростанции, водокачки, склады, ремонтные мастерские и

тому подобное, но отнюдь не дворцы, музеи и театры. Хотя, конечно, при удачном расположении объекта и умелой работе подрывников какой-нибудь древний замок вполне мог превратиться в непроходимые противотанковые заграждения...

Кстати, Юлиан Семенов в своем романе «Майор «Вихрь»» предлагает такую логику гитлеровского командования – это как бы документ, адресованный рейхсфюреру СС Генриху Гиммлеру: «...в случае нашего стратегического успеха... акция уничтожения Кракова, как апофеоз нашей победы и поражения славизма, будет проводиться саперами, как обычная армейская операция. В случае же нежелательного и маловероятного поворота дел, Краков будет в течение ближайших месяцев готов к уничтожению. Всякая случайность, преждевременная команда сумасброда или паническое форсирование событий исключаются, поскольку... в специально оборудованном бункере будут находиться два офицера СС. Это позволит нам контролировать положение до последних секунд, это позволит нам впустить в город войска противника и уже потом похоронить Краков со всеми находящимися там войсками».

В последнем абзаце текста – действительно стратегическое решение, а не просто «человеконенавистническая сущность» фашизма, главари которого только и мечтали всё разрушить перед своим весьма скорым уходом на тот свет. Мы, упаси господи, не оправдываем ни фашизм, ни его лидеров, но не будем забывать хотя бы про национальный немецкий характер. Немцы – народ расчетливый и экономный. Уж если они даже сдавали «куда следует» трофейные советские ордена, сделанные из драгоценных металлов, после чего снабжали своих агентов, направляемых в тыл Красной армии, поддельными наградами из дешевых сплавов, на чем эти агенты и «валились», то что говорить о взрыве культурных объектов оставляемого города – просто так, из принципа, чтобы другим не досталось? Очень уж дорого такое «развлечение» стоило бы! Впрочем, эти главари на тот свет пока еще не спешили.

По версии Юлиана Семенова, излишнюю дороговизну «проекта» понимал даже Гитлер, заявивший на совещании в Ставке: «Идея уничтожения очагов славянства, как некоторая гарантия против возможного возрождения, соподчинена нашей доктрине. Но, Кальтенбруннер[12], я призываю не к декларациям, я призываю к разумному исследованию экономической подоплеки вопроса. Вы представили мне прекрасно продуманные планы и четкие инженерные решения, я рукоплещу вашей скрупулезной и вдохновенной работе. Однако позвольте мне поинтересоваться: скольких миллионов марок это будет стоить народу? Сколько вам потребуется для этого фугаса? Тола? Бронированных проводов? Вы занимались изучением этого вопроса?»

Примерный ответ дает, в конце концов, генерал-полковник Йодль[13]: «На проведение этих акций в Кракове, Праге, Братиславе нам необходимо столько тола, сколько выработает вся промышленность рейха в этом году».

...Неизбежен вопрос: почему мы обращаемся к художественной литературе?

Юлиан Семенов назвал цикл своих романов «Альтернатива» «политическими хрониками», он писал их (так же как и ряд последующих своих произведений) на основе документов, к которым был допущен с санкции высшего руководства Советского государства и КГБ СССР, а также – руководства Главного разведывательного управления Генштаба. То есть он реально знал многое.

Поэтому в данный момент для нас важны не сами «документы», «смоделированные» писателем, но логика человека, глубоко владевшего материалом. Сведем всё «сказанное» его «героями» до лапидарной формулировки: «Краков надо уничтожить с войсками противника, хотя это дорого» – и запомним ее!

А пока что вернемся к воспоминаниям, документам и трудам историков.

«К началу января гитлеровцы подготовили семь оборонительных рубежей, эшелонированных на глубину 300–500 км. Никогда еще в ходе Второй мировой войны немецко-фашистское командование не создавало столь глубокой, насыщенной инженерными сооружениями обороны. Для повышения ее устойчивости, особенно в противотанковом отношении, широко использовались реки Висла, Бзура, Равка, Радомка, Нида, Пилица, Варта, Нотець, Обра, Одер и другие. В систему оборонительных рубежей включались подготовленные к длительной обороне многочисленные города, такие как Модлин, Варшава, Радом, Кельце, Краков, Лодзь, Быдгощ, Познань, Шнейдемюль и другие, представлявшие мощные опорные пункты и узлы сопротивления... Предполагалось, что в случае вынужденного оставления позиций на Висле отходившие войска и выдвигаемые резервы будут последовательно занимать следующие оборонительные рубежи. Такой метод ведения обороны должен был по замыслу гитлеровского командования обескровить Советскую Армию и надолго затянуть войну».

Валентин Иванович говорит: «Ботяну была поставлена задача расчистить дорогу наступающим войскам, и расчистить грамотно. Нельзя было взрывать то, что поможет продвигаться Красной армии – нужно было взрывать так, чтобы принести наиболее существенный вред противнику. Понимаете? Вот тогда-то и появилось у него задание «не допустить взрыв плотины» у водохранилища на реке Дунаец, притоке Вислы, которая была в двадцати, что ли, километрах, в Новом Сонче, в Карпатах. В случае взрыва масса воды из водохранилища хлынула бы вниз, и Висла бы вышла из

[12] Эрнст Кальтенбруннер (1903–1946) – обергруппенфюрер СС, шеф Главного имперского управления безопасности. Казнен по приговору Нюрнбергского международного трибунала.

[13] Альфред Йодль (1890–1946) – начальник штаба оперативного руководства Верховного главнокомандования вермахта (ОКХ). Разделил судьбу генерал-губернатора Франка и Кальтенбруннера.

берегов, и, как думаю, не только на какое-то время остановила бы наступление Красной армии, но и, вполне возможно, затопила бы сам город...»

Можно возразить, что Дунаец впадает в Вислу уже после того, как эта река протекает через Краков – но вспомните «механику» Ленинградских наводнений! Встречный ветер «запихивает» обратно в Неву ладожскую воду, также уже протекшую через город, тогда как из Ладоги поступают новые и новые воды, а в итоге всё выплескивается на городские улицы и площади. Подобный эффект вполне мог получиться и в данном случае. Ведь катастрофические наводнения случались на Дунайце и раньше – в 1934 году, например, причем, сами по себе, так сказать – без всякого человеческого участия. А если провести соответствующие инженерные расчеты и всё должным образом организовать – тут бы и войскам Красной армии пришлось несладко, и Кракову бы досталось...

В самом городе, как известно, были заложены заряды – но это к компетенции «лейтенанта Алеши» не относилось, его главной задачей было обеспечить беспрепятственное продвижение войск, а в древней польской столице действовали другие группы.

Проведение операции начиналось, разумеется, с разведки. Так как времени для нее не было, то решили воспользоваться «информацией коллег». Как писал впоследствии Иван Федорович Золотарь, «наш неутомимый вездесущий Алексей Николаевич Ботян... был послан в Сандецкие Бескиды, чтобы установить контакты с командирами местных беховских отрядов и с их помощью собрать последние данные о немцах и договориться о следующей встрече».

Уточним, «беховские отряды» – это уже известные нами «Батальоны хлопские».

«И с тем и с другим заданием Алеша справился отлично. Он связался с командирами беховских отрядов: Зиндрамом – Владиславом Сокульским и Юхасом – Мечиславом Холевой. Они отнеслись

Герой России Алексей Николаевич Ботян,
Герой России Алексей Михайлович Козлов,
Герой Советского Союза Геворк Андреевич Вартанян.

к Ботяну по-дружески и охотно поделились последними данными о гитлеровских гарнизонах в Новом Сонче, Старом Сонче и других населенных пунктах Сандетчины. В первом, по их данным, размещались два батальона – зенитной артиллерии и 1017-й охранный <батальон>, – а также несколько вспомогательных команд. Личный состав гарнизона – 2500 человек. В Старом Сонче стояли две артиллерийские батареи, в пригородных селах Бжезна и Хомранице батальоны полевой артиллерии».

Но главное, что в городе Новый Сонч находился старинный Ягеллонский замок, который начали строить еще в XIII веке – все замки, как известно, перестраивались неоднократно. Гитлеровцы превратили его в склад взрывчатки и боеприпасов, для доставки которых к замку была даже проложена узкоколейная железная дорога. Работа по доставке боеприпасов заметно интенсифицировалась в последнее время, с приближением войск Красной армии. На этом складе было также и огромное количество фаустпатронов – очень эффективного средства борьбы с танками, особенно в условиях городских боев.

Вывод был предельно прост: необходимо взорвать этот склад. Но как? Он же охранялся со всех сторон – и от наземного, и от воздушного противника. Значит, нужно приобрести агента на самом объекте.

Как обычно, версий и легенд вокруг этого эпизода немало.

Вплоть до того, что на воротах замка разведчики увидели объявление «Требуются грузчики», ну и сразу же внедрили туда своего человека, польского коммуниста. Но это более чем сомнительно – даже в начале 1945 года гитлеровцы вряд ли рискнули бы взять на подобный объект непроверенного «человека с улицы».

Валентин Иванович, которому в свое время о произошедшем рассказывал не только Ботян, говорит так: «Там было два направления: во-первых, взяли хороших пленных. Во-вторых, тогда все уже как крысы с корабля бежали – поляки, в том числе. Вот и пришел один «инициативщик». Типа того, что я готов работать с вами...»

Первой удачей, о которой рассказал наш собеседник, было то, что в конце 1944 года, во время одной операции, партизаны захватили инженера-картографа Зигмунда Огарека. Это был поляк, служивший в вермахте. При нем оказались карты оборонительных сооружений, а на словах он рассказал о планах фашистов по взрыву плотины. Вскоре эти по-

Президент России В.В.Путин поздравляет А.Н.Ботяна с 90-летием и присвоением ему звания Героя России.

казания подтвердились: 10 января разведчики подорвали немецкую штабную машину. В портфеле одного из убитых оказался план минирования объектов в Кракове (NB: все-таки, ряд объектов в Кракове был заминирован), мостов и плотины в Новом Сонче.

Второй удачей было то, что (то ли через «инициативщика», то ли через Мусиловича) Ботян встретился с немецким гауптманом, поляком по национальности. Когда в 1939 году немцы оккупировали Польшу, то часть польских офицеров они взяли к себе в армию.

«И вот когда этот «инициативщик» пришел, – продолжает рассказ Валентин Иванович, – и сказал, что он готов работать с нашими, Алексей у него спросил:

– А что конкретно ты можешь?

– Ну, я работаю в замке, – ответил тот.

– А там что?

– Да вот, что-то подозрительное, – говорит. – Очень много сейчас туда всего везут...

Ботян сразу ухватился:

– А ты можешь помочь?

Вербовка в лоб – так это у нас называется! Алексей говорил, что тот побледнел, он сразу понял, что, если «помочь», так он оттуда не выйдет!

– Да ты что? Не волнуйся! У тебя пятнадцать минут будет! Ты сможешь убежать!

В общем, этот гауптман не мог не согласиться – любому понятно, что после отказа от такого предложения он бы от партизан живым не вышел... Ему дали подметку от сапога, где находилось инициирующее устройство, которое сработает после того, как его поставят – через пятнадцать минут».

Агент, однако, оказался хитрее, чем думалось. Алексей Николаевич рассказал: «Я ему дал мину, английскую, со взрывателем, чтобы он отнес ее туда, в зал, где было очень много снарядов. Однако гауптман дал команду своему подчиненному, чтобы тот мину в зал принес... Скорее всего, подчиненный и не знал, что он принес мину – ему было сказано: положи вот это вот туда-то, и всё».

Кстати, в некоем документально-игровом кинофильме про Ботяна, который не раз показывали по телевидению, агент, согласившийся взорвать объект, получил аж целую пару начиненных взрывчаткой сапог. Жуть полная! Офицер с такой поклажей просто бы не пошел – униформой в немецкой армии занимались денщики. А если бы, как в фильме, с сапогами на объект притащился простой патриот-работяга, так, в худшем для него случае, это сразу бы вызвало подозрение – в такие места с ручной кладью не ходят. В лучшем же случае сапоги у него «приватизировал» бы какой-нибудь унтершарфюрер[14], который потом бы их радостно надел, чтобы через четверть часа в индивидуальном порядке разлететься на мелкие кусочки где-нибудь вдалеке от объекта... Впрочем, если бы – как было по версии фильма – сапоги были бы набиты взрывчаткой, то он бы их и одеть не смог. В общем, ересь, что называется!

По счастью, для взрыва склада не требовались килограммы взрывчатки – было достаточно всего одной элегантной мины. Такой, чтобы поместилась в подметке сапога. А подметка – она подметка и есть. Вынуть ее из кармана и незаметно засунуть в щель между ящиками совсем несложно. И после этого нужно быстро-быстро, но так, чтобы не привлечь ничьего внимания, выйти прочь из замка и за его территорией, пользуясь темнотой, бежать как можно дальше от объекта! Если, конечно, исполнитель получил такую инструкцию. Но мог ведь так и оставаться в том зале, куда ему было сказано прийти, и тайна проведения операции, поэтому, окажется скрыта самым надежным образом...

18 января 1945 года, в 5 часов 20 минут, каменные стены старинного замка разметал мощнейший взрыв.

В представлении, написанном Карасевым и Перминовым в 1965 году, об этом эпизоде написано как-то излишне скромно: «За период с сентября месяца 1944 г. по март 1945 г. по инициативе и при непосредственном участии А.Ботяна новое соединение... провело ряд важных операций: например, подготовку и взрыв артсклада в развалинах замка Ягеллонов в гор. Новы-Сонч. Был спасен от намечавшегося немцами разрушения город, имеющий 600-летнюю историю. Были спасены другие исторические для польского народа места».

При этом взрыве было уничтожено или получили ранения порядка четырехсот гитлеровских солдат, офицеров и их прислужников из числа местного населения, работавших на складе.

[14] Унтер-офицерский чин в войсках СС.

Ботян вспоминал и рассказывал об этой операции без всякого пафоса: «Результаты были хорошие – самое главное, что я смог взорвать склад и обезоружил немцев. Они бежали, как могли... И это дало возможность Красной армии беспрепятственно продвигаться: дороги остались целы, плотины и мосты не взорвали, и Краков остался целым. Вот заслуга партизанских отрядов, не моя лично, а просто советских партизан! Не я ж один был, нас группа была. – Помним, что тут Алексей Николаевич невольно улыбнулся. – Хотя командовал группой я, она мне подчинялась...»

Ну а далее произошло то, что и должно было произойти в соответствии с законами военного искусства.

«В то время как войска ударной группировки <1-го Украинского> фронта вели бои по прорыву укреплений на старой польско-германской границе и подходили к Одеру, армии левого крыла преодолевали оборонительные обводы Кракова.

Благодаря стремительным действиям войск фронта, а также помощи советских разведчиков и польских подпольщиков оккупантам не удалось осуществить варварский замысел. 19 января 59-я и 60-я армии в результате умелого обходного маневра в сочетании с фронтальной атакой освободили крупный политический и культурный центр Польши город Краков. Население восторженно приветствовало Советскую Армию».

В тот же день отпраздновала эту победу Москва. В приказе Верховного главнокомандующего говорилось: «Войска 1-го Украинского фронта в результате умелого обходного маневра в сочетании с атакой с фронта сегодня, 19 января, штурмом овладели древней столицей и одним из важнейших культурно-политических центров союзной нам Польши городом Краков – мощным узлом обороны немцев, прикрывающим подступы к Домбровскому угольному району.

В боях за овладение городом Краков отличились... <Следует большое и подробное перечисление объединений, соединений и частей и их командиров, отличившихся при штурме города.>

В ознаменование одержанной победы соединения и части, наиболее отличившиеся в боях за овладение Краковом, представить к присвоению наименования «Краковских» и к награждению орденами.

Сегодня, 19 января, в 20 часов столица нашей Родины Москва от имени Родины салютует доблестным войскам 1-го Украинского фронта, овладевшим древней столицей союзной нам Польши городом Краков, двадцатью четырьмя артиллерийскими залпами из трехсот двадцати четырех орудий.

За отличные боевые действия объявляю благодарность руководимым Вами войскам, участвовавшим в боях за освобождение Кракова.

Вечная слава героям, павшим в боях за свободу и независимость нашей Родины и союзной нам Польши!

Смерть немецким захватчикам!»

А еще в тот же самый день, только в 18 часов, Москва салютовала войскам 4-го Украинского фронта, «прорвавшим оборону немцев и овладевшим городами Ясло и Горлице», – но двадцатью артиллерийскими залпами из 224 орудий. Потом, уже в 21 час, войскам 3-го Белорусского фронта, «прорвавшим оборону немцев в Восточной Пруссии», – также двадцатью артиллерийскими залпами из 224 орудий. Следующий салют прогремел в 22 часа, в честь войск 2-го Белорусского фронта, овладевших городами Млава, Дзялдово (Зольдау) и Плоньском – то же количество залпов стольких же орудий. Завершился этот день салютом в 23 часа в честь войск 1-го Белорусского фронта маршала Георгия Константиновича Жукова, овладевших городами Лодзь, Кутно, Томашув, Гостынин и Ленчице – опять-таки 24 залпа, но из 324 орудий.

В общем – не вечер, но сплошной салют! В воздухе ощутимо пахло Победой...

И еще одно знаменательное событие произошло в тот же самый день: «19 января 1945 г. эмигрантское правительство заявило о роспуске АК. Созданная из ее реакционной части подпольная организация занималась шпионско-диверсионной деятельностью в тылу Советской Армии, продолжала (до своего разгрома в 1947 г.) борьбу против народной власти».

* * *

В архивном деле «Курган» говорится про «последний эпизод из боевых действий» Алексея Николаевича – всё тогда же, в январе 1945 года: «Находясь на выполнении специального задания А.Ботян с группой в 5 человек в районе села Пивничное Новосончского повята столкнулся с двигающейся по шоссе немецкой воинской частью, не растерялся, вступил в бой. Немцы, оставив 15 человек убитыми, отступили. Группа Ботяна захватила в плен 2-х офицеров и 35 солдат».

Ботян рассказывал об этом так: «Шел я один раз на встречу с одним нашим помощником из Армии Крайовой. Взял с собой четверых человек – а нас там, в отряде, всего было более трехсот. Когда освобождали лагеря, то часть людей переправляли на восток, на фронт, а часть оставалась у нас. Ну и каждый день боевая работа: засады на дорогах, взрывы и т.д. Очень здорово помогли мы Красной армии! В ту пору немцы уже не шли по большаку, а стали ходить по мелким дорогам. Вот, только я стал подходить к назначенному месту, как поляки нам кричат: «Немцы!» Видим, их человек 40 или 50. Мы сразу же стали стрелять, может, кого убили – и немцы сдались. Поляки хотели их расстрелять, но я не дал: это не гуманно, раз они сдались, то всё! Потом, когда пришла Красная армия, я их передал Красной армии...»

Воинское благородство – пленный враг врагом уже не является.

Хотя, например, известен такой случай (вполне возможно, что подобное происходило не единожды), когда в отряде Ботяна допрашивали двух каких-то захваченных немецких офицеров. И как-то ужасно нагло, вызывающе

они себя повели, и никакой информации от них получить, казалось, было невозможно.

Когда вскоре Алексею это надоело, он коротко, не повышая голоса, приказал кому-то из бойцов:

– Расстрелять!

Более наглого из гитлеровцев вывели на двор, раздалась короткая автоматная очередь, и боец возвратился обратно уже один, держа свой ППШ в руке, стволом в сторону оставшегося немца.

Ботян глянул на враз побледневшего офицера, спросил совершенно равнодушно:

– Ну?

Тот понял, что этот партизанский начальник, имевший, как видно, стальные нервы и железную выдержку, точно так же прикажет «вывести в расход» и его, и тут же потерял былую спесь и стал предельно словоохотливым.

Но это ведь не были пленные, сдавшиеся в бою! И это был партизанский отряд, воюющий «не по правилам». Соответственно, если кто-то из партизан оказывался в руках врага, то ни про какие Женевские конвенции гитлеровцы не вспоминали – партизан, которых они именовали не иначе как «бандиты», немцы даже не расстреливали, а вешали. Конечно, после того, как пытали.

Совсем скоро партизанская бригада Ивана Золотаря оказалась на территории, освобожденной войсками Красной армии.

«Нас уже поджидал старший радист Иван Николаевич Панфилов с радиограммой из Москвы. Генерал Павел Анатольевич поздравил личный состав нашего соединения с успешным окончанием партизанской борьбы и предложил передать всех товарищей призывного возраста, за исключением омсбоновцев, подлежащих возвращению в московскую бригаду полковника Орлова, в одно из фронтовых соединений Красной армии, расположенных поблизости.

Итак, наш боевой путь завершился».

Вроде бы Ботяна тогда во второй раз представили к присвоению звания Героя Советского Союза. А может, начальники только сказали, что он этого звания достоин, но так как было известно, что первое представление всё еще где-то «ходит» – как мы помним, про сбитый самолет могли и не знать, – то второе представление могли просто и не делать. Мол, тебе ж вот-вот «Золотую Звезду» дать должны! Кто ж тебе сразу еще одного «героя» присвоит?!

Вообще, как известно, дважды героев Советского Союза среди разведчиков не было...

* * *

Заканчивая рассказ о фронтовом (точнее – зафронтовом) периоде жизни Алексея Николаевича Ботяна, есть смысл подвести и некоторые итоги деятельности Четвертого управления НКВД – НКГБ:

«За годы войны 4-м Управлением на базе ОМСБОН было подготовлено 212 спецотрядов и 2222 группы общей численностью до 15 тысяч человек (в том числе 7316 воинов-омсбоновцев). Их силами было проведено 1084 боевых операции...

При выполнении заданий командования на фронтах и в тылу врага погибло свыше 1000 бойцов и офицеров ОМСБОН...

В боевых столкновениях омсбоновцами уничтожено: 136 130 вражеских солдат и офицеров, 87 представителей германской администрации разного уровня, 2045 немецких агентов и пособников врага; заложено 49 252 минных поля, пущено под откос 1415 воинских эшелонов с техникой, живой силой, боеприпасами, горючим и продовольствием, взорвано 335 железнодорожных и шоссейных мостов, уничтожен 51 самолет, 21 единица гусеничной техники, осуществлено более 400 других диверсионных актов».

* * *

Война, однако, еще не была закончена.

«Потом Красная армия прошла дальше, – рассказывал Ботян, – а я остался, сотрудничал со «Смершем»... У меня на связи много поляков было, я их передавал военной контрразведке для дальнейшей работы».

Работа спецслужб на освобожденной территории – тема, скажем так, весьма деликатная. Поэтому ограничимся оставшимся в наших архивах рассказом одного из участников тех далеких событий, генерал-майора Леонида Георгиевича Иванова:

«Где-то в ноябре 1944 года мы получили команду: проводить разоружение подразделений Армии Крайовой. Как это осуществлялось? Когда мы выясняли, что в лесу есть какая-то аковская часть, то наши работники – обычно, зам. начальника контрразведки дивизии, представитель командования, ну и взвод автоматчиков с ними, выезжали на место, находили командира и объявляли, что по приказу Верховного командования Красной армии и Польского комитета по освобождению Польши вы подлежите ликвидации. То есть вам следует сдать оружие, а людей распустить по домам. Насколько я знаю, какого-либо сопротивления они при разоружении не оказывали. Но были случаи, когда некоторые аковцы возмущались: «На каком основании, мы армия народная, защитники польского народа, вы не имеете права нас расформировывать, мы должны остаться!» Но, несмотря на все эти заявления, приказ о разоружении они все-таки выполняли. Количество людей было разное: иной день по 200 человек складывало оружие, а иногда и по 500. В какой-то период в декабре я собирал сведения из отделов контрразведки дивизий, сколько изъято оружия, сколько подразделений распущено, а потом вся эта информация передавалась во фронт, то есть в управление контрразведки «Смерш» нашего 1-го Белорусского фронта. Фронт, как мне говорили, ежедневно докладывал об этом Сталину. Сталин был обеспокоен наличием на польской территории Армии Крайовой и ставил задачу как можно скорее полностью ее разоружить!»

Как можно понять, Ботян и его боевые товарищи помогали сотрудникам Смерша разыскивать

блуждавших по лесам аковцев... Да и не только их одних, так что работы было достаточно. Но очень хотелось домой!

* * *

21 апреля 1945 года был подписан Договор о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве между СССР и Польской Республикой. В этом документе, в частности, было сказано:

«Статья 2. Высокие Договаривающиеся Стороны, уверенные в том, что интересы безопасности и процветания советского и польского народов требуют сохранения и усиления в период и после окончания войны прочной и постоянной дружбы, будут укреплять дружеское сотрудничество между обеими странами в соответствии с принципами взаимного уважения к их независимости и суверенитету, а также невмешательства во внутренние дела другого государства.

Статья 3. Высокие Договаривающиеся Стороны обязуются и по окончании настоящей войны с Германией предпринимать совместно все меры, находящиеся в их распоряжении, для устранения любой угрозы повторения агрессии со стороны Германии или какого-либо другого государства, которое объединилось бы с Германией непосредственно или в какой-либо иной форме.

Для достижения этой цели Высокие Договаривающиеся Стороны будут участвовать в духе самого искреннего сотрудничества во всех международных действиях, направленных к тому, чтобы обеспечить мир и безопасность народов, и будут полностью вносить свой вклад в дело осуществления этих высоких целей».

Именно на этих самых принципах отношения между двумя нашими странами строились на протяжении более чем сорока последующих лет.

* * *

Недавно мы наткнулись на газетные рассуждения одного польского историка, убежденно (но не убедительно!) доказывающего, что, мол, Ботян, которого он на польский манер называет Боцяном, не мог быть «спасителем Кракова», так как склад в Новом Сонче был взорван 18 января 1945 года, а советские войска вошли в город 19-го.

В день векового юбилея. Директор СВР С.Е.Нарышкин вручает А.Н.Ботяну книгу «Подлинная история “Майора Вихря”». *10 февраля 2017 г.*

Как видно, историк этот не понимает разницы между баталиями на шахматной доске, некогда столь любимыми Алексеем Николаевичем, и реальными боями. Ведь если первые заканчиваются признанием поражения, то вторые могут продолжаться и после «объявления мата».

И вот тут-то мы, наконец, вспомним логику Юлиана Семенова, фразу из придуманного им «документа»: «впустить в город войска противника и уже потом похоронить Краков со всеми находящимися там войсками».

В день 19 января 1945 года в Краков вошли авангарды, передовые подразделения советских войск. Конечно, можно было бы обдать их с порога «холодным душем» от взорванной на водохранилище плотины, да только эффективность такой «торжественной встречи» была бы крайне невелика! Гитлеровское командование прекрасно понимало, что большой и неразрушенный (что особенно важно!) город и его ближайшие окрестности неизбежно станут местом хотя бы короткого отдыха наступающих войск, которых с каждым днем будет становиться здесь всё больше и больше. Что в начале двадцатых чисел в городе обязательно окажутся и непременно задержатся штабы 1-го Украинского фронта, 59-й и 60-й общевойсковых и 2-й воздушной армий, а также штабы многочисленных корпусов, дивизий, бригад и полков. О том, что они сюда пришли, и даже о том, когда собираются отсюда уходить, своевременно сообщила бы находящаяся в Кракове оставшаяся агентура Абвера и других тому подобных «контор». И вот несколько дней спустя после прихода советских войск, когда этого никто бы не ждал – именно тогда высоко в горах должен был прогреметь взрыв, разрушающий Рожновскую плотину!

Не будем живописать картину удара чудовищной волны, сметающей – если рассчет был бы точный – краковские дворцы, дома и памятники, старинные крепостные стены, костелы, а также боевую технику и людей, гибель штабов и войск, и то, как многочисленные немецкие и польские «фаустники» дружно расстреливают советские танки и грузовики, в панике удирающие прочь от города...

В том же газетном интервью польского историка мы прочитали следующие строки: «Боцян, знающий польский язык и ориен-

тирующийся в местных условиях, активно в этом участвовал[15]. Поэтому летом 1945 года подполье, борющееся за независимость, пыталось ликвидировать его как одного из наиболее опасных энкавэдэшников в Новом Сонче. Долгое время считалось, что это удалось. Лишь в последние годы стало известно, что Боцян не только уцелел, но и – переброшенный в свое время в Москву – жив до сих пор...» (Каемся, что не приводим источник – выловили эту бодягу где-то в сетях Интернета.)

Но заметим, кстати, что очень плохо работало аковское подполье! Нам-то известно, что Алексей Николаевич возвратился в Москву еще 20 мая 1945 года.

А ведь, наверное, кого-то они вместо него летом грохнули, раз «считалось, что это удалось...» Или просто наврали?

* * *

И самое последнее к этой теме.

Алексей Николаевич не раз повторял, что в Кракове и его окрестностях он, во-первых, действовал в составе оперативной группы, то есть вместе со своими боевыми товарищами, и что, во-вторых, таких групп и отрядов в районе древнего города было немало. Чаще всего они не только не имели между собой связи, но и не знали о существовании друг друга.

Вот что говорил нам по этому поводу генерал-майор Юрий Иванович Дроздов, легендарный начальник советской нелегальной разведки в 1979–1991 годах: «То, что тогда получалось какое-то негласное соревнование между группами военной разведки, ГРУ, и теми, которые у нас, – это вполне естественно. Для того чтобы выполнить задание, иногда нужно было создавать какую-то дополнительную ячейку, может быть даже две-три, чтобы хоть какая-то из них добралась до цели. Если вспоминать историю, то из всех разведывательно-диверсионных групп, которые в годы войны забрасывались на территорию противника, в общей сложности погибло больше половины. Некоторые погибали в ходе проведения своих операций, а некоторые, наверное, в результате проникновения туда немцев, потому что лжепартизанские отряды немцы создавали удивительно интересно... Удивительно интересно!»

Пожалуй, наиболее известной среди находившихся в районе Кракова групп оказалась разведывательная группа «Голос», которая действовала по заданию разведотдела штаба 1-го Украинского фронта. Руководил этой группой Евгений Степанович Березняк[16], ставший впоследствии «главным прототипом» того собирательного образа, который писатель Юлиан Семенов нарек «Майором «Вихрем»».

Это он – оперативный псевдоним «Голос», имевший тогда, кстати, звание рядового, и его радистка Елизавета Вологодская – оперативный псевдоним «Комар» – оказались, как описал Семенов, в гестапо и потому, после их возвращения из-за линии фронта, долго проверялись контрразведкой Смерш. Удивляться не приходится: уж если разведчиков перевербовывают в мирное время, в самых «цивилизованных» странах, то что говорить о тех экстремальных обстоятельствах, когда жизнь человеческая стоила ничтожно мало? Не проверять зафронтовых разведчиков – тем более побывавших в руках спецслужб противника – было нельзя. Этим, по отношению к собственным разведчикам, занимались и занимаются все контрразведки, без исключения.

Ветеран ГРУ, писатель и доктор исторических наук, известный как «Владимир Лота», так оценивал работу группы Березняка:

«За период с 19 августа 1944 года по 23 января 1945 года группой была вскрыта краковская группировка противника, состоявшая из 371-й, 359-й, 544-й, 78-й, 545-й, 208-й и 96-й пехотных дивизий, 20-й танковой и 344-й гренадерской дивизий, расположение штаба 59-го артиллерийского корпуса и ряд других воинских частей противника, дислоцированных и действовавших в районе работы разведывательной группы.

Кроме того, созданный Березняком боевой отряд из советских военнослужащих, бежавших из плена, провел ряд успешных диверсий на железнодорожных и шоссейных коммуникациях противника. За 156 дней пребывания разведгруппы в районе Кракова Березняк и его радисты направили в центр 140 радиограмм с разведывательными данными о немецких войсках и военных объектах.

В боевом задании разведывательной группы «Голос» не было задачи по спасению Кракова. Березняк узнал о чудовищном замысле фашистов от... Добытые данные позволили советским разведчикам и польским партизанам спасти древнюю столицу Польши от уничтожения».

Это, фактически, всё. К написанному выше Валентин Иванович, историк спецслужб, добавляет: «Отряд Березняка уничтожил немецкий узел связи – и таким образом накануне прихода советских войск гитлеровцы в Кракове остались без оной».

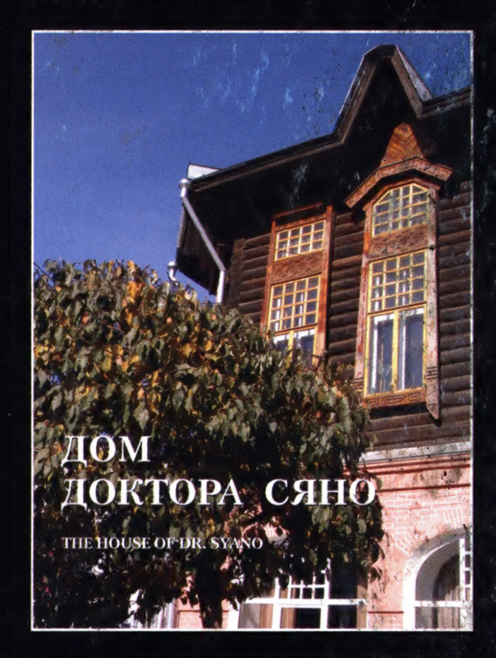
...Герой Украины Евгений Степанович Березняк жил в Киеве и скончался за три месяца до своего векового юбилея. Очень жаль!

По свидетельству дочери Ботяна, Ирины Алексеевны, Алексей Николаевич говорил, что, мол, Краков мы вместе с Березняком спасали. Ветераны же считают, что писатель Юлиан Семенов фактически смешал судьбы двух героев: драматические обстоятельства деятельности одного и конкретные результаты деятельности другого... Конечно, во время войны Ботян и Березняк не встречались, да и в послевоенное время им также не довелось увидеться.

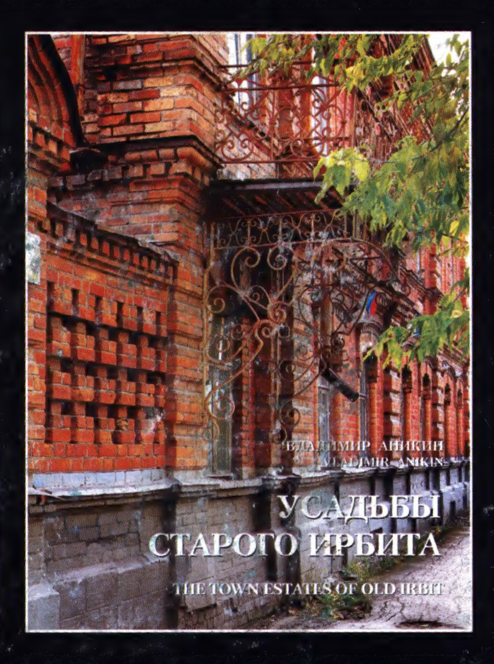
«В свое время папа хотел съездить на Украину, чтобы встретиться с Евгением Степановичем, – рассказала Ирина Алексеевна. – Но украинская сторона этому почему-то воспротивилась, не разрешила. До встречи с Березняком его не допустили – очень уж он там охранялся. Ну, не хотят, так не хотят, решил отец! Настаивать он не стал...»

[15] Речь идет о борьбе против АК.

[16] Березняк Евгений Степанович (1914–2013) – ветеран Великой Отечественной войны, сотрудник военной разведки. Герой Украины (2001).

Серия

Национальное достояние России

Издательство
«Банк культурной информации»
E-mail: ukbkin@gmail.com

